

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

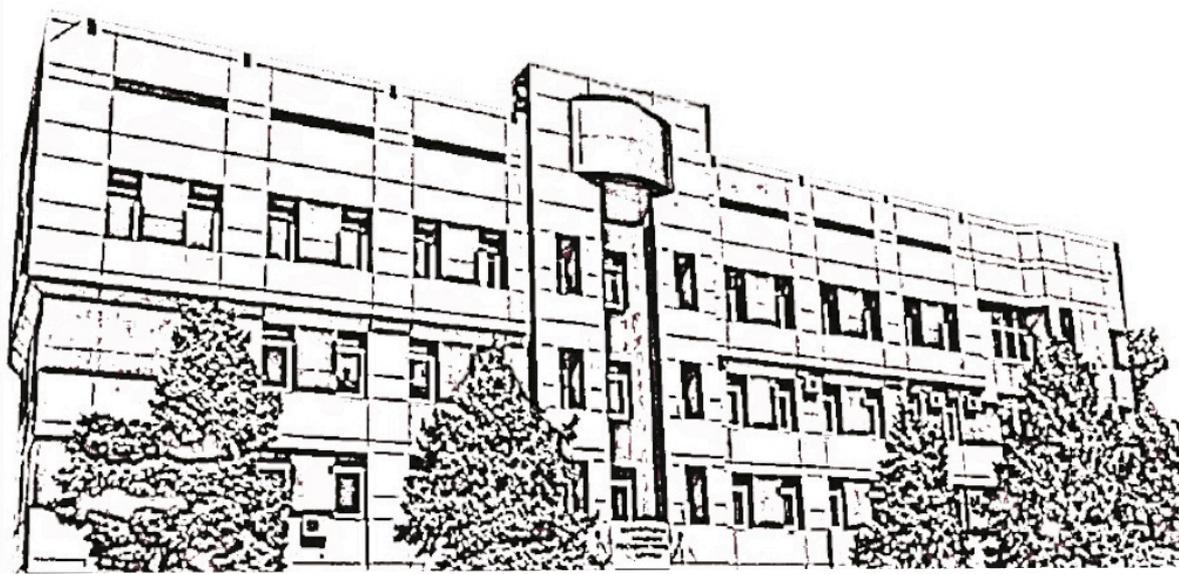
ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

№2(12)
2024
14.06.2024

№2(12) 2024

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ
14 июня 2024 года
RELEASE DATE:
june 14, 2024

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:
серия ЭЛ № ФС 77-78424
от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала
ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:
ЭЛ series no. ФС 77-78424
of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal
ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,
ул. им. Гагарина, д. 8
Тел.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,
Gagarin Street Campus, building 8
Tel.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2024

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, 2024

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa(Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassembellah – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балгаш Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕPOLITICAL
MANAGEMENT**Морозов И. Л.**Эволюция государственного политико-
правового подхода к борьбе с идеологией
терроризма в Российской Федерации..... 7**Morozov I. L.**Evolution of the state political and legal
approach to combating the ideology
of terrorism in the Russian Federation..... 7СОЦИОЛОГИЯ
УПРАВЛЕНИЯSOCIOLOGY
OF MANAGEMENT**Чернявская Е. Ю.**Анализ продовольственной безопасности
России в период санкционного
воздействия..... 29**Chernyavskaya E. Yu.**Analysis of food security
in Russia during the period
of sanctions..... 29

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
ЭКОНОМИКИSUSTAINABLE ECONOMIC
DEVELOPMENT**Зокирова Н. К., Талипова Н. Т.**Качество человеческого капитала
в аспекте экономического роста..... 46**Zokirova N. K., Talipova N. T.**Quality of human capital in terms
of economic growth..... 46ОТРАСЛЕВАЯ
ЭКОНОМИКАSECTORAL
ECONOMICS**Федотова Г. В.**Кластерная модель развития
российского животноводства..... 60**Fedotova G. V.**Cluster model of domestic livestock
production development..... 60АНАЛИЗ
И ОЦЕНКАANALYSIS
AND ASSESSMENT**Самойленко И. В.**Субсидирование как форма финансовой
поддержки социально ориентированных
некоммерческих организаций на реализа-
цию социально значимых проектов
(программ)..... 69**Samoylenko I. V.**Subsidizing as a form of financial support
for socially oriented non-profit organiza-
tions from the regional budget for the im-
plementation of socially significant
projects (programs)..... 69

ПРАВО

LAW

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

PUBLIC LAW

Осетрова А. Ю., Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах, Ахмед Гамаль Мохамед Эльсаед Самаха, Степанова Е. В.
 Возмещение экологического ущерба водным объектам: сравнительный анализ российской и египетской правовой практики..... 80

Osetrova A. Yu., Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassembellah, Ahmed Gamal Mohamed Elsayed Samaha, Stepanova E. V.
 Compensation for environmental damage caused to water bodies: comparative analysis of Russian and Egyptian legal practice..... 80

Куркин И. В.
 Систематизация публичных неналоговых платежей: реформа откладывается?..... 90

Kurkin I. V. Systematization of public non-tax payments: is the reform postponed?..... 90

ЧАСТНОЕ ПРАВО

PRIVATE LAW

Агибалова Е. Н.
 Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2024): обзор международной научно-практической конференции..... 98

Agibalova E. N.
 Trends in tort liability law (Medvedev readings 2024): review of the international scientific and practical conference..... 98

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 316.75:343.32(470)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА К БОРЬБЕ С ИДЕОЛОГИЕЙ ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. Автором данной статьи определяется научная проблема, требующая системного изучения и поиска решения в предметном поле политических наук – современный терроризм приобрёл новые черты за счёт роста преступлений террористической направленности, особенностей процессов глобализации, нарастающей бездуховности современного социума, что создаёт благоприятные условия для распространения идеологием, основанных на ненависти. Автор обращает внимание и на нерешённость вопроса о демаркации границ между терминами «радикализм», «экстремизм», «терроризм», что порождает проблемы как в правоприменительной практике, так и при стратегическом планировании системы мероприятий по противодействию распространению идеологии терроризма в России.

Методы. При изучении идеологических особенностей современного терроризма использовались историко-генетический и системный подходы, а также многофакторный анализ, метод анализа локальных ситуаций (case studies), метод типологизации корпуса текстов как элемент лингвистической экспертизы материалов, имеющих признаки экстремизма или призывов к террористической деятельности.

Анализ. Соотношение дефиниций «радикализм», «экстремизм», «терроризм» позволяет предположить различные варианты, выбор одного из которых позволит с позиционировать место и роль идеологической компоненты в этих феноменах, повлияет на особенности формирования антиэкстремистского и антитеррористического законодательства по противодействию присущей им идеологии ненависти, а так же на практику работы оперативных служб.

В первом варианте радикализм выступает теоретическим базисом, на котором позднее развивается идеология экстремизма, некоторые из адептов которой ещё позднее переходят к практике вооружённого политического насилия против беззащитных гражданских лиц и атакуют невоенные объекты социального или административного назначения – собственно терроризм. Иной подход возможен, если признать за экстремизмом и терроризмом самостоя-

тельность, уникальность обоих явлений, каждый из которых наделён особенными признаками. В этом варианте экстремизм и терроризм пересекаются именно своими идеологическими контурами (радикализм), в рамках которых возможны тактические идеологические различия (напр.: религиозный, националистический, социальный и т.д. компоненты), но не базисные принципы идеологии ненависти (крайняя степень неприятия существующей системы, готовность к противоправным действиям по её дестабилизации, отказ от всех форм компромисса и переговоров с политическими оппонентами и т.д.). В третьем варианте экстремизм и терроризм рассматриваются как полностью самостоятельные социально-опасные феномены, имеющие свои причины, социальный базис, уникальную тактику действий и стратегические цели, а также собственный, качественно отличный один от другого идеологический каркас.

Сопоставление имеющихся в российском законодательстве правовых определений выявляет несколько логических противоречия, устранение которых желательно в целях дальнейшей разработки программ борьбы с распространением террористических воззрений:

- отсутствует чёткое разграничение между понятиями «экстремистские материалы» и «террористические материалы»,
- при этом понятие «террористические материалы» выступает более широким и вбирает в себя всё, относящееся к «экстремистским материалам», хотя логически было бы уместнее наоборот;
- список террористических материалов в российской правовой системе отсутствует, список экстремистских материалов в российском законодательстве существует и регулярно пополняется в том числе манифестами террористов, пропагандистской продукцией террористических организаций.

Террористические материалы при их демаркации от экстремистских можно определять:

- по источнику происхождения;
- по наличию прямого призыва к деятельности, которая подпадает под определение террористического акта;
- по наличию утверждений о том, что с политическими антагонистами невозможны никакие формы мирного сосуществования, поэтому необходимо их физическое уничтожение.

Рост террористической опасности в современной России обусловлен двумя новыми для нашей истории факторами – режим «открытых границ» в сочетании с отсутствием общегосударственной идеологии, формирующей своеобразный «кодекс поведения» россиянина и систему его жизненных ценностей. Идеологический вакуум предсказуемо заполняют иностранные радикальные идеологемы, в том числе и террористической направленности. Соответственно, государственная стратегия антитеррора должна быть направлена в первую очередь на устранение этих факторов.

Результаты. Целесообразно провести демаркацию между правовыми дефинициями «экстремизм» и «терроризм», взаимоисключив пересекающиеся категории. Сущностью экстремизма является пропаганда, распространение идеологий ненависти, непримиримости в их радикальной трактовке и политически мотивированные противоправные действия, направленные на подрыв общественного порядка, но не преследующие цели постановки под угрозу жизни людей. Сутью терроризма являются политически мотивированные действия широкого

спектра, ставящие под реальную или потенциальную (например, минирование и взрыв объекта в отсутствие людей) угрозу жизни гражданского населения. Целесообразно более адресно использовать правоприменение при фактах преступлений террористической и диверсионной направленности. Сущность диверсии – акт войны (даже в том случае, если война официально не объявлена) со стороны одного государственного субъекта (или блока государств) в отношении другого государственного субъекта. Диверсия квалифицируется даже в том случае, если данный акт осуществляют военизированные негосударственные «прокси-структуры», но действующие в интересах конкретного государства. Целесообразно создать Федеральный список террористических материалов, соответственно введя предельно жёсткую уголовную ответственность за изготовление и распространение подобных материалов.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, терроризм, диверсия, идеология.

UDC 316.75:343.32(470)

EVOLUTION OF THE STATE POLITICAL AND LEGAL APPROACH TO COMBATING THE IDEOLOGY OF TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Илья Л. Морозов

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The author of this article identifies a scientific problem that requires a systematic study and search for a solution in the subject field of political sciences - modern terrorism has acquired new features due to the growth of terrorist crimes, the peculiarities of globalization processes, the growing lack of spirituality of modern society, which creates favorable conditions for the spread of ideologies based on hatred. The author also draws attention to the unresolved issue of demarcating the boundaries between the terms “radicalism”, “extremism”, “terrorism”, which gives rise to problems both in law enforcement practice and in strategic planning of a system of measures to counter the spread of the ideology of terrorism in Russia.

Methods. When studying the ideological features of modern terrorism, historical-genetic and systemic approaches were used, as well as multifactor analysis, the method of analyzing local situations (case studies), the method of typologizing a corpus of texts as an element of linguistic examination of materials that have signs of extremism or calls for terrorist activity.

Analysis. The correlation of the definitions “radicalism”, “extremism”, “terrorism” allows us to assume various options, the choice of one of which will allow positioning the place and role of the ideological component in these phenomena, will influence the features of the formation of anti-extremist and anti-terrorism legislation to counter the inherent ideology of hatred, and also on the practice of operational services.

In the first version, radicalism acts as a theoretical basis on which the ideology of extremism later develops, some of whose adherents even later move on to the practice of armed political violence against defenseless civilians and attack non-military objects of social or administrative purposes – terrorism itself. A different approach is possible if we recognize the independence and uniqueness of extremism and terrorism as both phenomena, each of which is endowed with special

characteristics. In this version, extremism and terrorism intersect precisely by their ideological contours (radicalism), within which tactical ideological differences are possible (for example: religious, nationalistic, social, etc. components), but not the basic principles of the ideology of hatred (extreme degree of rejection of the existing system, readiness for illegal actions to destabilize it, refusal of all forms of compromise and negotiations with political opponents, etc.). In the third option, extremism and terrorism are considered as completely independent socially dangerous phenomena, having their own causes, social basis, unique tactics and strategic goals, as well as their own, qualitatively different ideological framework.

A comparison of the legal definitions available in Russian legislation reveals several logical contradictions, the elimination of which is desirable in order to further develop programs to combat the spread of terrorist views:

- there is no clear distinction between the concepts of “extremist materials” and “terrorist materials”,
- at the same time, the concept of “terrorist materials” is broader and includes everything related to “extremist materials”, although logically it would be more appropriate the other way around;
- there is no list of terrorist materials in the Russian legal system; the list of extremist materials in Russian legislation exists and is regularly updated, including by terrorist manifestos and propaganda products of terrorist organizations.

Terrorist materials, when demarcated from extremist ones, can be defined:

- by source of origin;
- by the presence of a direct call for activities that fall under the definition of a terrorist act;
- by the presence of statements that no forms of peaceful coexistence are possible with political antagonists, therefore their physical destruction is necessary.

The growth of the terrorist threat in modern Russia is due to two factors new to our history - the “open borders” regime combined with the absence of a national ideology that forms a kind of “code of conduct” for Russians and their system of life values. The ideological vacuum is predictably filled with foreign radical ideologies, including those of a terrorist nature. Accordingly, the state anti-terrorism strategy should be aimed primarily at eliminating these factors.

Results. It is advisable to demarcate between the legal definitions of “extremism” and “terrorism”, mutually excluding overlapping categories. The essence of extremism is propaganda, the spread of ideologies of hatred, intransigence in their radical interpretation, and politically motivated illegal actions aimed at undermining public order, but not pursuing the goal of endangering people's lives. The essence of terrorism is politically motivated actions of a wide range that pose a real or potential (for example, mining and explosion of an object in the absence of people) threat to the lives of the civilian population. It is advisable to use law enforcement in a more targeted manner in cases of terrorist and sabotage crimes. The essence of sabotage is an act of war (even if war is not officially declared) on the part of one state entity (or bloc of states) against another state entity. Sabotage is qualified even if this act is carried out by paramilitary non-state “proxy structures”, but acting in the interests of a particular state. It is advisable to create a Federal List of Terrorist Materials, accordingly introducing extremely strict criminal liability for the production and distribution of such materials.

Keywords: radicalism, extremism, terrorism, sabotage, ideology.

Введение. Терроризм как вид вооружённого насилия, применяемого негосударственными субъектами политических процессов, насчитывает многовековую историческую эволюцию стратегии, тактики и идеологием. Но с 90-х годов XX века частота, масштаб и жестокость проводившихся акций позволяют предположить, что данное социально-опасное явление вошло в особую фазу развития, обуславливающую необходимость аналитической переоценки рисков, вызовов и угроз в отношении системы национальной безопасности России. Это актуализировало научно-практическую проблему разработки новых адекватных подходов к теоретическому изучению терроризма как политического феномена для поиска практических технологий борьбы с ним.

С началом в феврале 2022 года Специальной военной операции (СВО) России на Украине к настоящему времени обозначилось несколько новых тенденций в сфере террористической угрозы и противодействия ей.

Во-первых, многие деструктивные вооружённые акции, организованные против России «силовыми» структурами враждебного государства, российские правоохранители стали квалифицировать как террористические акты. Даже столь масштабное трагическое событие, как подрыв Крымского моста 8 октября 2022 года повлекло возбуждение дела по части второй статьи 205 «Терроризм» [17], хотя атака была произведена на объект, игравший в тот период важнейшую роль в логистическом снабжении российской армии и ответственность на себя (пусть даже в форме намёка, как и в отношении ряда других кровавых акций – убийства Д. Дугиной, В. Татарского, покушения на З. Прилепина, О. Царёва и др.) взяли руководители «силовых» структур Украины, находящейся состоянии войны с Россией (сама Российская Федерация конфликт с Украиной как войну юридически не квалифицирует), изготовление взрывного устройства, его транспортировка через несколько государственных границ, поражающий потенциал взрывного устройства и сама технология организации подрыва были бы нереализуемы без участия профессиональных военизированных государственных служб и их ресурсов.

Данная трагедия точно соответствовала тому, что статья 281 УК РФ определяет как диверсию: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации» [21]. Однако учтём, что Украина ведёт против России гибридную (сложно-составную) войну, в которой негосударственные антироссийские акторы, использующие террористические акты как ключевой тактический элемент, могут работать как во взаимодействии с государственными структурами Украины или по указаниям таковых, так и самостоятельно, что действительно может стирать грань между террористическим актом и диверсией в ряде случаев. Например, И. В. Кулягин (аппарат Национального антитеррористического комитета РФ) отмечает: «На молодёжь ориентирована деятельность украинских праворадикальных, нацистских движений... призывающих к совершению актов насилия на территории Российской Федерации» [3, с. 5].

Во-вторых, общество консюмеризма с присущей ему мировоззренческой бездуховностью и социальным эгоизмом оказалось эффективной рекрутинговой базой для соверше-

ния диверсий и террористических актов по заказу внешних акторов – зарубежных спецслужб и международных террористических организаций, что и было реализовано противниками России в условиях СВО. Если «классический» террорист совершает преступления, движимый хотя бы какой-то антигуманной идеей (религиозный фанатизм, национализм, сепаратизм, человеконенавистничество и т.д.), то террорист нового типа безыдеен, бездуховен, беспринципен и готов убивать гражданских лиц, включая беззащитных женщин и детей, из корыстных побуждений. Именно с такими исполнителями террористического акта столкнулись россияне в Крокус Сити Холле 24 марта 2024 года, ответственность за который взяла на себя запрещённая в России террористическая организация ИГ/ИГИЛ. Но по версии России истинными заказчиками всё же являются спецслужбы Украины, которые по каналам дистанционной коммуникации нашли в российском социуме индивидов, готовых за материальное вознаграждение расстреливать и сжигать мирных граждан.

Именно бездуховность породила и такое неизвестное ранее на российской земле террористическое явление, как «скулшутинт» – массовый расстрел обучающихся и педагогов своими учениками и одноклассниками [1]. Лишённые устойчивых идеологических ориентиров некоторые представители молодого поколения не имеют мировоззренческого иммунитета от пропагандистского воздействия, особенно если в рамках такого воздействия манипулятором умело применяются специальные психологические технологии вербовки. С началом СВО именно из данной социальной страты украинские спецслужбы стали активно рекрутировать несовершеннолетних россиян для проведения диверсий (большинство из которых в России квалифицируют как терроризм) или иных провокационных акций.

В настоящий период в России реализуется уже «третье поколение – на период 2024–2028 годы» Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации [8], в котором ключевое внимание уделяется мероприятиям по работе с несовершеннолетними и молодёжью. Школами, вузами, общественными организациями России в рамках исполнения данного (как ранее и предшествующих ему) документа проводится значительное количество регулярных просветительских и воспитательных мероприятий. Однако проблема до сих пор не решена именно по той причине, что она имеет генезис более фундаментального свойства – отсутствие как общемировоззренческого морального базиса всего российского социума, так и государственной идеологии, способной убедительно сформировать привлекательный «образ будущего» в сознании молодого поколения Россиян. Ведь терроризму, основанному на идеологии ненависти, сложно конкурировать с созидательными мировоззренческими альтруистическими конструктами социального оптимизма, но он легко проникает в сознание человека в случае наличия в нём духовного вакуума, экзистенциальной пустоты.

Методы. При изучении идеологических особенностей современного терроризма использовались историко-генетический и системный подходы, а также многофакторный анализ, метод анализа локальных ситуаций (case studies), метод типологизации корпуса текстов как элемент лингвистической экспертизы материалов, имеющих признаки экстремизма или призывов к террористической деятельности.

Анализ. За формальную точку отсчёта современной фазы в истории терроризма принят сентябрь 2001 года – террористические акты в США и последовавшая за ними программная речь американского президента Дж. Буша: «Наше горе превратилось в гнев, а гнев – в ре-

шимость... Наша война с терроризмом начинается с «Аль-Каиды», но на этом она не заканчивается. Она не закончится до тех пор, пока не будут обнаружены, остановлены и разгромлены все террористические группировки глобального масштаба» [23]. Анализ текста данного выступления позволяет оценить его как декларацию нового стратегического подхода американского руководства к борьбе с терроризмом сообразно сложившейся реальности. Ключевые смысловые элементы нового подхода:

- признание терроризма как глобальной проблемы всего человечества и только объединёнными усилиями всего человечества, решаемой;

- возглавят глобальную борьбу с терроризмом США как «богоугодное государство» («Во всём, что нам предстоит, пусть Бог дарует нам мудрость и пусть он присматривает за Соединёнными Штатами Америки» [23]);

- принципиальное отличие мирных мусульман от радикальных исламистов-террористов, спекулирующих на религиозных постулатах;

- восприятие борьбы с терроризмом не как разовой военизированной операции против конкретного противника на чётко обозначенной географической локации и даже не серией подобных операций, но как длительного процесса без обозначенных географических и хронологических рамок;

- цель террористов глобальна, состоит в разрушении сложившегося на планете образа жизни, включая уничтожение демократии и изгнание христиан и иудеев с территорий, на которых они в данный момент проживают;

- идеология современного терроризма есть закономерный этап эволюции агрессивных идеологий XX века (фашизма, нацизма, тоталитаризма);

- стратегия борьбы с международным терроризмом будет строиться на сочетании медийно освещаемых силовых операций и тайных действий американских спецслужб, которые будут «секретные даже в случае успеха» [23];

- особое внимание будет уделено вскрытию и уничтожению источников финансирования террористической деятельности;

- борьба с террористами начнётся не только в зоне совершения ими террористических актов и расположения будущих потенциально привлекательных целей для террористов, но теперь в отношении терроризма ставится задача «...искоренять и уничтожать там, где он растёт» [23], а также предполагается подавление тех государств и правительств, которые будут заподозрены в поддержке террористических организаций;

- каждому государству на планете Земля необходимо сделать однозначный и понятный для американской администрации выбор, в результате которого надо либо присоединиться к американской версии борьбы с международным терроризмом, либо отказаться от присоединения и тогда последует автоматическое перемещение в список врагов Соединённых Штатов: «Сейчас каждой стране в каждом регионе предстоит принять решение. Либо вы с нами, либо вы с террористами. С этого дня любая нация, которая продолжает укрывать или поддерживать терроризм, будет рассматриваться Соединёнными Штатами как враждебный режим» [23].

Смысловый лингвистический анализ речи американского президента позволяет констатировать, что именно в ней впервые открыто и на государственном уровне (под предлогом ли борьбы с терроризмом, или в рамках этой искренней борьбы – другой вопрос) впер-

вые провозглашены принципы, фактически ведущие денонсации сложившейся по итогам Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамской международной системы, исходящей из признания суверенитета как ключевой категории международного права и вытекающего из этого принципа невмешательства во внутренние дела других государств. С сентября 2001 года США в одностороннем порядке *de facto* провозгласили о своём праве всех форм вмешательства, вплоть до военной интервенции, в дела любого государства под предлогом борьбы с терроризмом.

Так была сформулирована идеологическая доктрина, при необходимости позволяющая «обосновать» различные формы (включая вооружённое вмешательство) американского экспансионизма в отношении неугодного актора международной арены. На момент подготовки данной статьи Россия не внесена в американский список стран-спонсоров терроризма, но в 2022 году Европарламентом была одобрена резолюция о признании России страной-спонсором терроризма [24], позволяющая антироссийской пропаганде объяснять разные формы вмешательства НАТО в российско-украинский конфликт.

Последствия речи Дж. Буша имели глобальные масштабы, была запущена и в значительной мере исполнена программа геополитического переформатирования международной системы. Под предлогом борьбы с терроризмом США и их европейские союзники совершили военное вторжение в Афганистан и Ирак, разместили военные базы в постсоветских странах Центральной Азии, способствовали падению ряда режимов на Ближнем Востоке, осуществили военные операции против Сирийской Арабской Республики, стимулировали процесс расширения НАТО и спровоцировали российско-украинское военное столкновение.

Особо подчеркнём, что руководство Российской Федерации сразу после трагических событий теракта 11 сентября 2001 года заявило о солидарности с американским народом в борьбе с международным терроризмом. Президент России В. В. Путин уже 12 сентября 2001 года выступил со следующими словами: «Россия не понаслышке знает, что такое террор. И поэтому мы лучше всего понимаем чувства американского народа и, обращаясь от имени России к народу Соединённых Штатов, хочу сказать, что мы с Вами, мы целиком и полностью разделяем и чувствуем Вашу боль. Мы поддерживаем Вас» [5].

Слова Президента Российской Федерации немедленно были подтверждены делом. Россия оказала реальную помощь США в проведении военной операции против «Аль-Каиды» в Афганистане 2001–2002 годах, предоставляла свою территорию для логистических военно-транспортных маршрутов США. К сожалению, как показали последующие события, эта помощь не была с благодарностью оценена американским руководством, а Россия далеко не сразу выявила, что в американском понимании процесса борьбы с международным терроризмом фактически решалась задача формирования монополярной международной системы, призванной необратимо закрепить геополитические итоги победы США в «холодной войне» над СССР.

Система антитеррористической защищённости Советского Союза базировалась на жёстком контроле государственной границы как одного из основополагающих принципов, что позволяло почти полностью исключить внешнее вмешательство со стороны международных террористических организаций, а внутренние террористические угрозы в значительной степени снимались господством государственной идеологии, разделяемой населением,

социальной политикой, направленной на выравнивание доходов различных социальных страт, в том числе нуждавшихся в государственной помощи.

Разумеется, в действиях корыстно-криминального характера преступниками того периода могла использоваться террористическая тактика. Так, серьёзной проблемой для СССР стали периодически предпринимаемые попытки захвата гражданских воздушных судов в целях бегства за границу (семья Овечкиных в марте 1988 года – «Семь Симеонов»), иногда сопровождающиеся и требованиями финансового характера (захват бандой П. Яшкинянца школьников в городе Орджоникидзе с последующим вылетом в Израиль в декабре 1988 года). Но именно с политически мотивированной террористической тактикой после окончания подавления к 50-х годам XX века вооружённых националистических подпольных формирований на Украине, в Прибалтике и некоторых других районах, советское общество сталкивалось редко. Наиболее известным исключением стала националистическая группировка С. Закинята, организовавшая взрывы в московском метро в январе 1977 года.

Ситуация кардинально изменилась с началом 90-х годов и распадом СССР. Глобализирующаяся экономика требовала режима максимально открытых границ для движения рабочей силы вслед за экономической конъюнктурой, что облегчало террористам задачу проникновения почти в любую европейскую страну, включая Россию, а крах государственной идеологии и идущее ей на смену мировоззрение эгоистического консьюмеризма сделали российский социум беззащитным перед проникновением идеологий террористических движений самой разной политической и религиозной направленности. Ещё 2000 году итальянский исследователь А. Котта предупреждает мир о появлении терроризма нового типа: «Этот терроризм трудно победить чисто военными мероприятиями: его «подлинная сила», возможно, определяется эволюцией западных обществ, которые стали изнеженными, «дряблыми», а в последней четверти XX в. они уделяли главное внимание любым формам обеспечения безопасности и процветания» [12, с. 57]. Сказанное, на наш взгляд, относится и к позднесоветскому/российскому социуму 80–90-х годов.

Исторический период рубежа XX–XXI веков для России проходил в условиях перманентной волны потрясающих своей жестокостью террористических актов (рейды боевиков Ш. Басаева и С. Радиева в Будённовск и Кизляр с захватом заложников в 1995–1996 годах, взрывы жилых домов в Москве, Волгодонске, Буйнакске в 1999 году, массовый захват заложников, включая детей, в Москве в 2002 году, массовый захват заложников, большинство из которых составили дети, в Беслане в 2004 году и другие).

Эти процессы указывали на неэффективность постсоветской модели антитеррористической защиты, что стало причиной разработки нового подхода, получившего наименование «Общегосударственной системы противодействия терроризму», определяемой как «совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма» [10]. В качестве новаций выступили:

- принцип объединения антитеррористических усилий правоохранительных структур, гражданских администраций, социума (общественные объединения, инициативные активисты и т.д.);

- создание единого координирующего органа (Национальный антитеррористический комитет и его структуры в форме антитеррористических комиссий в регионах);
- системный подход к борьбе с террористической угрозой (три основных направления – профилактика, противодействие, минимизация последствий);
- повышенное внимание к идеологической составляющей.

Именно идеологический аспект далее рассмотрим подробнее в рамках предмета нашего исследования.

Одна из принципиальных задач современной политической науки – уточнить смысловую границу между такими опасными социально-политическими явлениями, как терроризм и экстремизм. Вариантом демаркации могло бы стать наличие/отсутствие действий, сознательно ставящих под угрозу жизнь и здоровье людей по идеологическим (включая политические, религиозные, расовые и т.д.) мотивам, а в определении экстремизма целесообразно перейти от деятельностного подхода к смысловому – в качестве отправной точки разработать и принять собственно определение экстремизма как негативного политического явления и далее уже выводить из него производные в виде конкретной противоправной деятельности.

Но пока в науке не утихают дискуссии даже по более локальному вопросу – существует ли террористическая идеология как универсальное явление, или речь необходимо вести о наборе террористических идеологий как частных. Пытаясь как-то разрешить эту дилемму, российские эксперты даже предлагают рассматривать идеологический аспект терроризма дуалистически, в «широком» и «узком» смыслах [4, с. 79].

Существенную разницу в понимании феномена терроризма и в оценке степени его социальной опасности в Советском Союзе и в современной России выявляет сравнение смыслового содержания и текстового объёма соответствующей статьи в Уголовных кодексах. УК РСФСР от 1960 г. имел статью 66 «Террористический акт», которая на момент принятия Кодекса (впоследствии эта статья претерпела серьёзное изменение в 1994 г.) формулировалась как «Убийство государственного или общественного деятеля, или представителя власти, совершённое в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти» [20]. То есть подразумевался прямой удар по кадровому сегменту функционирования аппарата власти. Лаконичная, чёткая формулировка.

В действующей редакции Уголовного кодекса современной России соответствующая по названию статья 205 сформулирована следующим образом: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями...» [21], причём это только начало цитируемого текста статьи УК, далее следует детализация, которую здесь воспроизводить целиком не будем. Видно, что в современном российском варианте законодатель стремится расширить деятельностный подход (не только убийство, но и другие деяния). Террористический акт теперь воспринимается не как прямое (убийство государственного деятеля), а как опосредованное (эффект эхо) воздействие на политический режим, при котором террористы в первую очередь убивают отнюдь не предста-

вителей власти, но гражданское население в расчёте, что запуганное общество само начнёт требовать от власти пойти на уступки террористам.

Российское антитеррористическое законодательство по понятным причинам формировалось более детально, с максимальной ориентацией на практическую применимость в борьбе с терроризмом, что существенно облегчило деятельность оперативных структур и системы судов, но при этом породило ряд потенциальных логических противоречий, которые в будущем так или иначе придётся решать. Наиболее очевидным из данных противоречий является «размытость» терминологических (значит и правовых) границ между такими политическими явлениями, как радикализм, экстремизм, терроризм.

Существующие в российском законодательстве формулировки этих терминов породили практическую ситуацию, при которой любого политического оппозиционера и просто гражданского «вольнодумца»-радикала («radix» лат. – корень, соответственно в эпистемологической трактовке термина речь шла бы о человеке, убеждённом в необходимости фундаментального, коренного изменения сложившихся социально-политических и экономических отношений) можно осудить за экстремизм, а любого экстремиста («extrem» лат. – крайность, соответственно в эпистемологической трактовке термина речь шла бы о человеке, занявшем крайнюю, непримиримую позицию по политическому вопросу) осудить за терроризм. Российская правоприменительная практика имеет примеры обвинительных приговоров в буквальном смысле «за лайк» (отметка личного одобрения публикации в интернете, которую может поставить каждый посетитель информационного ресурса). Например, Ботир Азимов был приговорён к двум годам лишения свободы по статье 205.2 УК РФ (публичное оправдание терроризма) за поставленный знак одобрения под видеосюжетом о межрелигиозном конфликте в Мьянме, после чего данный осужденный посетовал: «Неохота даже просто держать телефон в руках! Никаких больше соцсетей, никогда. Если бы я знал, чем все кончится!» [13].

Антиэкстремистское правотворчество в Российской Федерации с позиций политического анализа выглядит сферой не только усложнённой, но и противоречивой. К примеру, в российском законодательстве есть термин «терроризм» и логически выводимые из него взаимосвязанные понятия «террористическая деятельность» [15], «террористический акт» [21], «идеология терроризма (террористическая идеология)» [6]. С экстремизмом всё иначе – изначально отсутствовало исходное понятие «экстремизм» как самостоятельная правовая дефиниция, хотя производные от неё были расписаны максимально пунктуально.

«Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [18] в разделе «Общие положения», где рассматривается базовая терминология, раскрывает понятия «экстремистская идеология», «проявления экстремизма (экстремистская деятельность)», но определения термина «экстремизм» мы не найдём. При этом сами авторы Стратегии, дав определение указанных выше двух терминов и избежав раскрытия третьего, далее по тексту активно употребляют слово «экстремизм». При анализе текста документа невольно складывается впечатление, что законодатель по некоторым причинам сознательно отказался от максимально точной и лаконичной формулировки экстремизма как правовой дефиниции.

Данное впечатление усиливается при прочтении Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [16], в котором экстремистская деятельность и экстремизм прямо отождествляются и представляют собой длинный список конкретных деяний.

Специалист по истории антитеррористического законодательства д.ю.н. проф. С. М. Кочои схожее явление отмечает и в законодательстве Российской империи, но в отношении терроризма: «В уголовном законодательстве Российской империи понятие «терроризм» («террористический акт») на протяжении длительного времени отсутствовало. Например, Уголовное уложение Российской империи 1903 года... избегало этого термина даже при описании состава посягательства на жизнь «священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола» [11, с. 52]. В отличие от Российской империи, в современной России термин «терроризм» чётко определён, закреплён в правовом обороте в № 35 ФЗ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года [2, с. 23] и активно используется в правоприменительной практике.

Характерно, что как только мы с национального уровня законодательства поднимаемся на международный, искомое определение экстремизма обнаружилось без труда – «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года» (вступила в силу для Российской Федерации 12 октября 2019 года) даёт чёткое политическое определение: «Экстремизм – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путём насильственных и иных антиконституционных действий» [9]. Однако и в этом случае мы видим принципиальное стремление правотворца отождествлять преступление «словом» и преступление «делом», что наводит на мысль о аналогии с известной формулой обвинения «Слово и дело государево!» как важного элемента политического сыска в России XVII–XVIII веков [22].

Во всём, что касается экстремизма/экстремистской деятельности, российское законодательство тяготеет не только к расширительным трактовкам формулировок, но и в правоприменительной практике уже вплотную подбирается к отрицанию принципа «закон обратной силы не имеет» – наказание вводится даже за те деяния, совершённые в прошлом, которые до последующего принятия соответствующего закона правонарушениями не считались. Например, в мае 2024 года Конституционный суд РФ признал законным привлечение к административной ответственности за размещение в интернете постов с экстремистской символикой, размещённые до её юридического запрета – момент размещения публикации в интернете не имеет правового значения (<https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision750144.pdf>). То есть наказание последует за поступок, который на момент его совершения правонарушением не являлся, поскольку данная символика тогда экстремистской ещё не была признана.

Соотношение дефиниций «радикализм», «экстремизм», «терроризм» позволяет выстроить различные варианты, выбор, одного из которых позволит с позиционировать место и роль идеологической компоненты в этих феноменах, повлияет на особенности формирования антиэкстремистского и антитеррористического законодательства по противодействию присущей им идеологии ненависти, а также на практику работы оперативных служб.

Вариант № 1. В Таблице 1 приведён подход, при котором радикализм (первая фаза) выступает теоретическим базисом, на котором позднее развивается идеология экстремизма (вторая фаза), некоторые из адептов которой ещё позднее переходят к практике вооружённого политического насилия против незащищённых гражданских лиц и атакуют невоенные объекты социального или административного назначения (третья фаза – собственно терроризм).

В качестве примера в Таблице 1 приведена эволюционная цепочка левой политической идеи от рождения концепта до попыток воплощения в террористических актах.

Созданный Карлом Марксом и до наших дней не утративший научного значения в рамках политэкономии фундаментальный труд «Капитал» стимулировал развитие целого веера леворадикальных идеологов и выразивших их политических движений, исходивших в том числе и из примата насильственных методов борьбы над легальной политической конкуренцией.

В 90-е годы XX века писатель-публицист Эдуард Лимонов создал и возглавил в России межрегиональную общественную организацию «Национал-большевистская партия» (решением Московского городского суда от 19.04.2007 её деятельность запрещена и преследуется по закону), идеологическая платформа которой отличалась эклектикой, позволявшей в одном протестном ряду парадоксальным образом объединиться как сторонникам национализма, так и последователям идеализированного советского прошлого, как юным музыкантам новой волны, так и великовозрастным интеллектуалам-вольнодумцам (популярный ныне философ-пропагандист Александр Дугин некоторое время сотрудничал с Эдуардом Лимоновым). Члены запрещённой в России организации Э. Лимонова осуществляли политически мотивированные акции по подрыву общественного порядка в форме противоправных демонстративных публичных действий, но к террористической тактике не прибегали. Однако «фаза 3» из упомянутой выше Таблицы 1 закономерно всё же наступила.

Порвавший с нацболами молодой человек Андрей Сухорода стал одним из организаторов вооружённой банды «Приморских партизан», отметившейся политически мотивированными убийствами работников милиции и погиб в ходе операции по ликвидации этой банды в Уссурийске в 2010 году. В качестве другого примера можно привести 17-летнего анархиста Михаила Жлобицкого, погибшего в Архангельске в 2018 году в ходе осуществляемого им террористического акта в помещении ФСБ. А. Сухорода и М. Жлобицкий были экстремистами по убеждениям, которых данные убеждения в итоге подтолкнули к террористической деятельности.

Таблица 1

Терроризм – от идеи к действию

Направление	РАДИКАЛИЗМ 	ЭКСТРЕМИЗМ 	ТЕРРОРИЗМ
Содержание	Интеллектуальная разработка теорий, обосновывающих несправедливость и неэффективность существующей социально-политической системы как неспособной к модернизации, необходимость её полной замены на принципиально иную	Совокупность взглядов и идей, оправдывающих насильственные методы дестабилизации существующей социально-политической системы – по сути это и есть идеологическое обоснование террористической деятельности	Насильственные действия вооружённого характера негосударственных акторов, направленные на дестабилизацию существующей социально-политической системы и идеологически обоснованные экстремистскими доктринами
Персонализированный пример	Карл Маркс	Эдуард Лимонов	Михаил Жлобицкий Андрей Сухорода

Изложенный выше вариант соотношения рассматриваемых терминов предлагался автором данной статьи ещё в начале нулевых годов XXI века [14], хотя и не оказал видимого влияния на правовые новеллы Российской Федерации. Но данный подход методически позволил соединить рассматриваемые категории в логическую «объяснительную» модель, применимую ко всем направлениям вооружённого политического насилия негосударственных акторов, что можно использовать в рамках анализа экстремистских и террористических организаций. Экстремизм здесь выступает как смысловое ядро (идеология), стержень терроризма (деятельность) Рисунок 1.

Рис. 1. Терроризм как деятельность, экстремизм как идеология

Вариант № 2. Иной подход возможен, если признать за экстремизмом и терроризмом самостоятельность, уникальность обоих явлений, каждый из которых наделён особенными признаками (в основном касаемыми тактики действий, так как стратегическая цель будет единой). В этом варианте экстремизм и терроризм пересекаются именно своими идеологическими контурами (радикализм), в рамках которых возможны тактические идеологические различия (напр.: религиозный, националистический, социальный и т.д. компоненты), но не базисные принципы идеологии ненависти (крайняя степень неприятия существующей системы, готовность к противоправным действиям по её дестабилизации, отказ от всех форм компромисса и переговоров с политическими оппонентами и т.д.). Данная модель (Рис. 2), переложённая на язык права, позволит чётко демаркировать преступления террористической и экстремистской направленности, а идеологическая общность анализируемых явлений станет предметом профессионального изучения со стороны учёных-теоретиков и экспертов-практиков, что приведёт к разработке общей программы по профилактике и противодействию распространения воззрений политического радикализма.

Рис. 2. Экстремизм и терроризм как практика действий, радикализм как общая идеологическая основа

Вариант № 3. Экстремизм и терроризм рассматриваются как полностью самостоятельные социально-опасные феномены, имеющие свои причины, социальный базис, уникальную тактику действий и стратегические цели, а также собственный, качественно отличный один от другого идеологический каркас. (Рис. 3).

Рис. 3. Экстремизм и терроризм как самодостаточные феномены с уникальной идеологической базой («идеология и практика воздействия»)

Подобный подход так же устранил бы разночтения при квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, а программы профилактики и противодействия их идеологическим компонентам имели бы каждая свою специфику и адресность.

Однако в российском законодательстве сложилась ситуация, не подпадающая в полной мере ни под одну из рассмотренных выше трёх логико-понятийных схем. Для пояснения

воспроизведём соответствующие ключевые термины, содержащиеся в нормативных правовых актах России (для краткости только выдержки из них, прямо относящиеся к предмету нашего исследования):

- «Идеология насилия – совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей» [18];

- «Радикализм – бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации» [18];

- «Экстремистская идеология – совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов» [18];

- «Экстремистская деятельность (экстремизм)... публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» [16];

- «Экстремистские материалы – предназначенные для распространения либо публичного демонстрирования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности... публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы [16];

- «Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [15];

- «Террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя... пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [15];

- «Под идеологией терроризма (террористической идеологией) ... понимается совокупность идей, концепций, верований, догматов, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности и направленных на мобилизацию людей для участия в этой деятельности» [6];

- «...под террористическими понимаются материалы, содержащие публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающие терроризм, а также материалы, включённые в федеральный список экстремистских материалов, доступ к которым подлежит ограничению на территории Российской Федерации» [7].

Сопоставление приведённых правовых определений выявляет минимум три логических противоречия, устранение которых желательно в целях дальнейшей разработки программ борьбы с распространением террористических воззрений:

- отсутствует чёткое разграничение между понятиями «экстремистские материалы» и «террористические материалы»,

- при этом понятие «террористические материалы» выступает более широким и вбирает в себя всё, относящееся к «экстремистским материалам», хотя логически было бы уместнее наоборот, ибо не всякий экстремистский материал призывает к терроризму;

- при этом список террористических материалов в российской правовой системе отсутствует, а список экстремистских материалов в российском законодательстве существует и регулярно пополняется в том числе манифестами террористов, пропагандистской продукцией террористических организаций.

Соответственно, в рамках дальнейшего развития российского антитеррористического законодательства уместно предложить формирование списка террористических материалов и демаркацию входящих в него элементов от тех, которые будут отнесены к экстремистским материалам. Возникает вопрос, который, по-видимому, не может пока решить российская правовая наука – возможно ли в принципе демаркировать экстремистские и террористические материалы, и если «да», то какими могут быть индикаторы демаркации?

Отвечая положительно на первый вопрос, относительно второго можно предложить следующее. Террористические материалы можно определять:

- по источнику происхождения (террористическая организация; лицо, внесённое в российский список лиц, в отношении которых имеется информация о причастности к террористической деятельности; лица, внесённые в международные базы данных антитеррористических служб и т.д.);

- по наличию прямого призыва к деятельности, которая подпадает под определение террористического акта;

- по наличию утверждений о том, что с политическими (классовыми, этническими, религиозными и т.д.) антагонистами в принципе невозможны никакие формы мирного сосуществования, поэтому необходимо их физическое уничтожение.

При анализе текстов, включённых в Федеральный список экстремистских материалов [19], выявляется и закономерность иного рода. Материалы, отнесённые нами к собственно экстремистским, в отличие от террористических зачастую более подробны и объёмны, их авторы стараются придать видимую наукообразность своим рассуждениям, спекулируют искажёнными историческими, лингвистическими, этнографическими и иными фактами или прямо выдумывают их. То есть для экстремиста, в основе мировоззрения которого лежит радикализм, важно обосновать свою позицию в глазах аудитории, индоктринировать потенциальных адептов.

Террорист движим мировоззрением ненависти, и в этом случае пространные «рационалистические» обоснования с обращением к историческим экскурсам и дискуссионным обменом логическими силлогизмами со своими идейными оппонентами ему не нужны. Террористические материалы зачастую значительно лаконичнее экстремистских, выражены более эмоционально, содержат не столько рассуждения и «доказательства», сколько лозунги ненависти и призывы расправы с врагом, который для них очевиден.

Террористические материалы могут продвигаться не только в форме более-менее компактных текстов, но и листовок, видеосюжетов, музыкальных композиций. Иными словами, форма подачи террористического материала может быть разной, но всегда будет смысловая связка: враг (на которого укажут сразу и предельно чётко) + призыв к его уничтожению действием (выраженный эмоционально и предельно ясно). В то же время автор-

экстремист при генерации своей продукции склонен действовать не столь прямолинейно, предпочитая постепенно подводить аудиторию к якобы самостоятельному осознанию образа врага и необходимости активных действий против такового.

Для иллюстрации можно содержательно сравнить два русофобских произведения, внесённых в Федеральный список экстремистских материалов в 2024 году под номером 5421 и 5424. В первом случае имеем дело с весьма объёмной (687 страниц) книгой украинского автора, замаскированной под якобы научно-исторический труд, адресуемой, как сказано в аннотации, в том числе учёным и студентам. Перетасовывая и искажая исторические факты, автор стремится внедрить читателю мысль об отрицательной роли русского народа в судьбе Украины и разжигает чувство неприязни к нему. Второй случай – короткая музыкальная композиция, в ходе которой несколько раз повторяется фраза в форме ругательства, призывающая к физическому уничтожению русских людей. В каком случае материал можно отнести к экстремистскому, в каком к террористическому – очевидно.

Результаты.

1. Рост террористической опасности в современной России обусловлен двумя новыми факторами – режим «открытых границ» в сочетании с отсутствием общегосударственной идеологии, формирующей своеобразный «кодекс поведения» россиянина и систему его жизненных ценностей. Идеологический вакуум предсказуемо заполняют инородные радикальные идеологемы, в том числе и террористической направленности. Соответственно, государственная стратегия антитеррора должна быть направлена в первую очередь на устранение этих факторов.

2. Отсутствие идеологического базиса, способного быть привлекательным для всех сегментов российского социума, потенциально способствует не только расколу на социальные группы-антагонисты, но порождает для терроризма новую рекрутинговую базу – беспринципного бездуховного индивида, из корыстных побуждений готового совершить террористический акт.

3. Целесообразно провести демаркацию между правовыми дефинициями «экстремизм» и «терроризм», взаимоисключив пересекающиеся категории. Сущностью экстремизма является пропаганда, распространение идеологий ненависти, непримиримости в их радикальной трактовке и политически мотивированные противоправные действия, направленные на подрыв общественного порядка, но не преследующие цель поставить под угрозу жизнь людей. Сутью терроризма являются политически мотивированные действия широкого спектра, сознательно и целенаправленно ставящие под реальную или потенциальную (например, минирование и взрыв объекта в отсутствие людей) угрозу жизнь гражданского населения.

4. Целесообразно более адресно использовать правоприменение при фактах преступлений террористической и диверсионной направленности. Сущность диверсии – акт войны (даже в том случае, если война официально не объявлена) со стороны одного государственного субъекта (или блока государств) в отношении другого государственного субъекта. Диверсия квалифицируется даже в том случае, если данный акт осуществляют военизированные негосударственные «прокси-структуры», но действующие в интересах конкретного государства.

5. Целесообразно создать Федеральный список террористических материалов, соответственно введя предельно жёсткую уголовную ответственность за изготовление и распространение подобных материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов А. Э. Скулшутинг в образовательных организациях как особо опасный феномен современности, профилактика и противодействие безмотивным террористическим акциям // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3. С. 39–45. <https://doi.org/10.24158/per.2023.3.5>.

2. Безрукова О. В., Капитонова Е. А., Кулешова Г. П. и др. Терроризм и современное право. Актуальные вопросы противодействия: монография. М.: «Издательство Проспект», 2020. 176 с.

3. Выступление первого заместителя руководителя аппарата НАК И. В. Кулягина на Всероссийском научно-практическом форуме «Безопасность в науке и образовании» (6–7 июня 2023 года, г. Ростов-на-Дону) // Вестник НАК 2023 № 2 (31). С. 5–11.

4. Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Идеология терроризма в Российской Федерации: понятийный аппарат и особенности противодействия // Вестник НАК 2023 № 2 (31). С. 77–82.

5. Заявление Президента России В. В. Путина по поводу террористических актов в США 11 сентября 2001 года. Москва, 12.09.2001. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1685971/ (дата обращения 10.04.2024).

6. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 г. № Пр-1069. URL: <https://spbkk.org/images/stories/docs/terror/plan.pdf> (дата обращения 10.04.2024).

7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения 10.04.2024).

8. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610. URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v-0.html> (дата обращения 10.04.2024).

9. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036> (дата обращения 10.04.2024).

10. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/> (дата обращения 10.04.2024).

11. Кочои С. М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: монография. М.: «Издательство Проспект», 2023. 200 с.

12. Международный терроризм и право: реферативный сборник / Редкол.: Пивоваров Ю. С. и др. М.: «Издательство ИНИОН РАН», 2002. 147 с.

13. Михалёва Ю. В тюрьме за лайк. Осужденные рассказали, как соцсети привели их за решётку / АиФ Хабаровск. URL: https://hab.aif.ru/society/v_tyurme_za_layk_osuzhdennye_rasskazali_kak_socseti_priveli_ih_za_reshetku?ysclid=Iw0txidvna965802996 (дата обращения 10.04.2024).
14. Морозов И. Л. Политический экстремизм: особенности эволюции при переходе от индустриального общества к информационному: монография. Волгоград: «Перемена», 2007. 458 с.
15. О противодействии терроризму. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12145408/> (дата обращения 10.04.2024).
16. О противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения 10.04.2024).
17. Президент провёл встречу с председателем Следственного комитета Александром Бастрыкиным. 9 октября 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69565> (дата обращения 10.04.2024).
18. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения 10.04.2024).
19. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения 10.04.2024).
20. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения 10.04.2024).
21. Уголовный Кодекс Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения 10.04.2024).
22. Энциклопедический словарь. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/88680/СЛОВО> (дата обращения 10.04.2024).
23. President Bush's Address on Terrorism Before a Joint Meeting of Congress. By Sept. 21, 2001 The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2001/09/21/national/president-bushs-address-on-terrorism-before-a-joint-meeting-of.html> (дата обращения 10.04.2024).
24. Joint motion for a resolution on recognising the Russian Federation as a state sponsor of terrorism. 21.11.2022 – (2022-2896(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2022-0482_EN.html (дата обращения 10.04.2024).

REFERENCES

1. Abramov A. E. Skulshuting v obrazovatelnykh organizatsiakh kak osobo opasnyi fenomen sovremennosti, profilaktika i protivodeistvie bezmotivnym terroristicheskim aktiiam // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2023. № 3. S. 39–45. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.3.5>.
2. Bezrukova O. V., Kapitonova E. A., Kuleshova G. P. i dr. Terrorizm i sovremennoe pravo. Aktualnye voprosy protivodeistviia: monografiia. M.: «Izdatelstvo Prospekt», 2020. 176 s.
3. Vystuplenie pervogo zamestitelia rukovoditelia apparata NAK I. V. Kuliagina na Vserossiiskom nauchno-prakticheskom forume «Bezopasnost v nauke i obrazovanii» (6–7 iyunia 2023 goda, g. Rostov-na-Donu) // Vestnik NAK. 2023. № 2 (31). S. 5–11.

4. Galiashina E. I., Bogatyrev K. M. Ideologiya terrorizma v Rossiiskoi Federatsii: poniatiinyi apparat i osobennosti protivodeistviia // Vestnik NAK. 2023. № 2 (31). S. 77–82.

5. Zaiavlenie Prezidenta Rossii V. V. Putina po povodu terroristicheskikh aktov v SShA 11 sentiabria 2001 goda. Moskva, 12.09.2001. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1685971/ (data obrashcheniya 10.04.2024).

6. Kompleksnyi plan protivodeistviia ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2013–2018 gody. Utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 26 aprelia 2013 № Pr-1069. URL: <https://spbkk.org/images/stories/docs/terror/plan.pdf> (data obrashcheniya 10.04.2024).

7. Kompleksnyi plan protivodeistviia ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2019–2023 gody. Utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 28 dekabria 2018 g. № Pr-2665. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (data obrashcheniya 10.04.2024).

8. Kompleksnyi plan protivodeistviia ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2024–2028 gody. Utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 30 dekabria 2023 № Pr-2610. URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v-0.html> (data obrashcheniya 10.04.2024).

9. Konventsiiia Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po protivodeistviuu ekstremizmu ot 9 iiunia 2017 g. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036> (data obrashcheniya 10.04.2024).

10. Kontseptsiiia protivodeistviia terrorizmu v Rossiiskoi Federatsii (utv. Prezidentom RF 5 oktiabria 2009 g.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

11. Kochoi S. M. Antiekstremistskie normy: pravovoe obosnovanie protivodeistviia terrorizmu: monografiia. M.: «Izdatelstvo Prospekt», 2023. 200 s.

12. Mezhdunarodnyi terrorizm i pravo: referativnyi sbornik / Redkol.: Pivovarov Iu. S. i dr. M.: «Izdatelstvo INION RAN», 2002. 147 s.

13. Mikhaleva Iu. V tiurme za laik. Osuzhdennye rasskazali, kak sotsseti priveli ikh za reshetku / AiF Khabarovsk. URL: https://hab.aif.ru/society/v_tyurme_za_layk_osuzhdennye_rasskazali_kak_socseti_priveli_ikh_za_reshetku?ysclid=Iw0txidvna965802996 (data obrashcheniya 10.04.2024).

14. Morozov I. L. Politicheskii ekstremizm: osobennosti evoliutsii pri perekhode ot industrialnogo obshchestva k informatsionnomu: monografiia. Volgograd: «Peremena», 2007. 458 s.

15. O protivodeistvii terrorizmu. Federalnyi zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ. URL: <https://base.garant.ru/12145408/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

16. O protivodeistvii ekstremistskoi deiatelnosti. Federalnyi zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

17. Prezident provel vstrechu s predsedatelem Sledstvennogo komiteta Aleksandrom Bastrykinym. 9 oktiabria 2022 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69565> (data obrashcheniya 10.04.2024).

18. Strategiiia protivodeistviia ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 29 maia 2020 g. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

19. Federalnyi spisok ekstremistskikh materialov. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (data obrashcheniya 10.04.2024).
20. Uголовnyi kodeks RSFSR 1960 g. Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (data obrashcheniya 10.04.2024).
21. Uголовnyi Kodeks Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (data obrashcheniya 10.04.2024).
22. Entsiklopedicheskii slovar. Slovarei i entsiklopedii na Akademike. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/88680/SLOVO> (data obrashcheniya 10.04.2024).
23. President Bush's Address on Terrorism Before a Joint Meeting of Congress. By Sept. 21, 2001 The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2001/09/21/national/president-bushs-address-on-terrorism-before-a-joint-meeting-of.html> (data obrashcheniya 10.04.2024).
24. Joint motion for a resolution on recognising the Russian Federation as a state sponsor of terrorism. 21.11.2022 – (2022-2896(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2022-0482_EN.html (data obrashcheniya 10.04.2024).

Информация об авторе

Илья Леонидович Морозов, член экспертного совета по противодействию идеологии терроризма при антитеррористической комиссии в Волгоградской области (<https://www.volgograd.ru/gubernator/koord/antikvo/sostav-ekspertnogo-soveta.php>), доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, morozov-il@ranepa.ru, ORCID 0000-0001-8241-5880, SPIN-код: 1505-1622, AuthorID: 644786.

Information about the Author

Ilya L. Morozov, member of the expert council on countering the ideology of terrorism under the anti-terrorism commission in the Volgograd region (<https://www.volgograd.ru/gubernator/koord/antikvo/sostav-ekspertnogo-soveta.php>), Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration and Management Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8,400006 Volgograd, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8241-5880, SPIN-code: 1505-1622, AuthorID: 644786.

Для цитирования: Морозов И. Л. Эволюция государственного политико-правового подхода к борьбе с идеологией терроризма в Российской Федерации // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 7–28. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 338.439.02:341.018(470)

АНАЛИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ПЕРИОД САНКЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Екатерина Юрьевна Чернявская

Волгоградский институт бизнеса, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье анализируются особенности современного состояния продовольственной безопасности в Российской Федерации под влиянием неблагоприятных факторов, которые обусловлены как глобальными процессами, так и внутренними явлениями, специфичными для России. Рассматривается доктрина продовольственной безопасности, которая приобрела ряд существенных отличий от ее предшествующего варианта и была расширена продуктовая линейка продовольствия, по достаточности которой можно судить о показателях продовольственной независимости страны от внешних источников обеспечения продовольствием. Предлагаются направления перспективного развития системы продовольственной безопасности в России.

Методы исследования, использованные автором в данной работе, включают методологию статистического анализа, прогнозирования, сравнения, методы компоновки материала и результатов исследования.

Анализ. Уровень самообеспечения, рассчитываемый как отношение произведенного совокупного объема продукции на территории Российской Федерации к потребностям населения в данном виде продовольствия, показывает, что по всем видам продовольственных групп в России сложилась ситуация недостаточности самообеспечения: по мясу и мясным продуктам – недостаток в объеме 4,9 %, по молоку и молочным продуктам – в объеме 16 %, по свежим яйцам в скорлупе – 2,6 %, картофелю – 10,8 %, овощам и бахчевым – 13,7 %, фруктам и ягодам – 47,6 %. Недостаток продовольствия для внутреннего потребления покрывается за счет импорта. Данный аспект обусловлен условиями производства отдельных видов продовольствия, не позволяющих добиться соответствующих объемов выпуска и покрытия потребности населения в продовольствии (например, климатические особенности на большей части территории Российской Федерации не позволяют осуществлять выращивание овощей, ягод, плодовых по технологии открытого грунта) [15].

Результаты. В условиях нарастающей неопределенности и напряженности в сфере международных отношений, которая, в частности, явно наблюдалась начиная с 2013–2014 гг., усиливающаяся в 2021–2022 гг. и продолжающаяся в настоящее время, как никогда ранее отмечена важность социально-политической функции государства в области импортозамещения. Глобальный подход к качественно новому рассмотрению проблемы продовольственной безопасности на уровне отдельных государств, и состояние агропромышленного комплекса в России, который в сложившихся условиях нуждается в поиске и внедрении эффективных форм поддержки развития агропромышленного комплекса, производителей сельскохозяйственной продукции и механизмов государственного регулирования, с целью поддержания стабильности внутреннего продовольственного рынка – все это приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: продуктовая линейка, продовольственная безопасность, сбалансированность питания населения, санкционное воздействие, противостояние пандемии, новая коронавирусная инфекция (COVID-19).

UDC 338.439.02:341.018(470)

ANALYSIS OF FOOD SECURITY IN RUSSIA DURING THE PERIOD OF SANCTIONS

Ekaterina Yu. Chernyavskaya

Volgograd Institute of Business, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article analyzes the features of the current state of food security in the Russian Federation under the influence of unfavorable factors that are caused by both global processes and internal phenomena specific to Russia. The doctrine of food security is considered, which has acquired a number of significant differences from its previous version and the food product line has been expanded, the sufficiency of which can be used to judge the indicators of the country's food independence from external sources of food supply. Directions for the future development of the food security system in Russia are proposed.

The research methods used by the authors in this work include the methodology of statistical analysis, forecasting, comparison, methods of arranging material and research results.

Analysis. The level of self-sufficiency, calculated as the ratio of the total volume of products produced on the territory of the Russian Federation to the needs of the population for a given type of food, shows that for all types of food groups in Russia there is a situation of insufficient self-sufficiency: for meat and meat products – a shortage of 4.9 %, for milk and dairy products – 16 %, for fresh shell eggs – 2.6 %, potatoes – 10.8 %, vegetables and melons – 13.7 %, fruits and berries – 47.6 %. The shortage of food for domestic consumption is covered by imports. The insufficient level of self-sufficiency is due to the conditions of production of certain types of food, which do not allow achieving appropriate volumes of output and covering the food needs of the population (for example, climatic conditions in most of the territory of the Russian Federation do not allow the cultivation of vegetables, berries, and fruits using open ground technology) [15].

Results. In conditions of growing uncertainty and tension in the field of international relations, which, in particular, has been clearly observed since 2013–2014, intensifying in 2021–2022, and continuing at the present time, the importance of the socio-political function of the state in the field of import substitution is noted more than ever before. A global approach to a qualitatively new consideration of the problem of food security at the level of individual states, and the state of the agro-industrial complex in Russia, which in the current conditions needs to find and implement effective forms of support for the development of the agro-industrial complex and government regulation mechanisms, agricultural producers in order to maintain the stability of the domestic food supply market – all this becomes especially relevant.

Keywords: product line, food security, balanced nutrition of the population, sanctions impact, countering the pandemic, new coronavirus infection (COVID-19).

Введение. В настоящий период усилилась социально-политическая функция государства в области импортозамещения, которая особенно явно проявилась в период с 2014 года, под влиянием санкционного давления со стороны европейских государств и Соединенных Штатов Америки, а также контрсанкционных ответных мероприятий. Управление продовольственной безопасностью опосредуется задачами удовлетворения четырех основных критериев:

- физической доступностью продовольствия населению в необходимом объеме;
- экономическая доступность продовольствия для населения;
- безопасность и пригодность для потребления самого продовольствия;
- сбалансированность питания населения и обеспечение энергетических и физиологических норм потребления [7].

На сегодняшний день продовольственная безопасность в Российской Федерации находится под влиянием неблагоприятных факторов, которые обусловлены как глобальными процессами, так и внутренними явлениями, специфичными для Российской Федерации:

- санкционное воздействие, под действием которого с 2014 года было введено Российское продовольственное эмбарго в отношении стран США, Австралии, Канады, Норвегии, Исландии, Лихтенштейна, Албании, Черногории, стран Еврзоны, а с 2016 года – Украины [10];

- всемирное противостояние пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которое на уровне отдельных государств заставило обратиться внутрь политических и социально-экономических проблем обеспечения собственного населения продовольствием.

Методы исследования. В данной работе используются методы статистического анализа, прогнозирования, сравнения, а также методы компоновки материала и результатов исследования.

Анализ. Одной из целей перспективного устойчивого развития на период до 2030 года, в концепции ФАО, является абсолютное нивелирование явления голода и обеспечения всех категорий населения, включая малоимущие, социально ограниченные, младенцев достаточным количеством питательной и безопасной пищи. В 2021 году экономика начала вос-

становиваться после пандемии, но в 2022 году процесс замедлился. Рост цен на продовольствие, средства сельскохозяйственного производства и электроэнергию, усугубляемый воздействием военных действий на Украине, замедлил восстановление показателей занятости и доходов наиболее уязвимых групп населения и сокращение масштабов голода. В период с 2021 по 2022 год показатели распространенности глобального голода оставались практически неизменными, но все же намного превышали уровень, предшествовавший пандемии COVID-19 [6].

В статистике ФАО за 2023 год приведены показатели распространенности недоедания по регионам мира и в срезе стран мира. В период с 2021 по 2022 год масштабы голода в мире, измеряемые через показатель «распространенность недоедания», оставались практически неизменными, но значительно превышали уровень до пандемии COVID-19: если в 2019 году от голода страдали 7,9 % населения планеты, то в 2022 году – около 9,2 %.

В 2021 году число недоедающих во всем мире, по оценке ООН, составило 811 млн чел., а это означает, что достаточного питания лишены примерно 1/10 часть всего населения планеты и нивелировать явление голода будет стоить для мирового сообщества невероятных усилий. По оценкам в 2022 году от голода страдало от 691 до 783 млн человек в мире. Если рассматривать средний показатель (около 735 млн человек), то в 2022 году число голодающих превышало показатель 2019 года на 122 млн человек [14].

Если глобальные данные указывают на отсутствие серьезных изменений в распространенности проблемы голода в период с 2021 по 2022 год, то на региональном уровне отмечаются существенные различия в соответствующем показателе. Если в Азии и Латинской Америке в 2021–2022 годах масштабы голода стали сокращаться, то в Западной Азии, Карибском бассейне и во всех субрегионах Африки они продолжали расти.

По прогнозам в 2030 году от хронического недоедания будут страдать до 600 млн человек, а значит выполнение задачи ЦУР по искоренению голода потребует колоссальных усилий. Это примерно на 119 млн человек больше, чем в сценарии, при котором не было ни пандемии COVID-19, ни войны на Украине и примерно на 23 млн человек больше, чем в сценарии, при котором не было войны на Украине. Самый заметный прогресс ожидается в Азии, тогда как в странах Латинской Америки и Карибского бассейна улучшений не предвидится, а в Африке к 2030 году прогнозируется существенный рост масштабов голода [14].

Обращаясь к международной рейтинговой оценке в области продовольственной безопасности – индексу продовольственной безопасности (The Global Food Security Index), выпускаемой британским аналитическим агентством The Economist Intelligence Unit и американской транснациональной корпорацией Duro, в рейтинге стран по уровню продовольственной безопасности Россия занимала 24-ую строку, уступая Республике Беларусь одну позицию (рисунок 1):

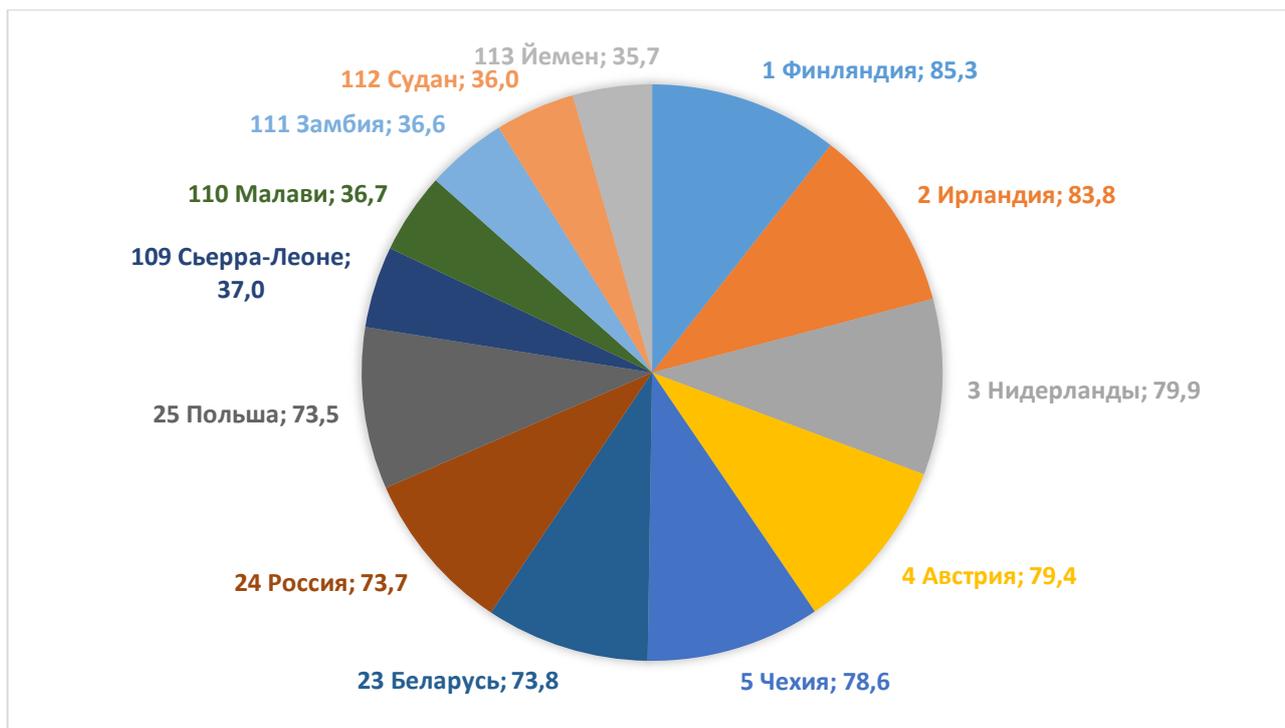

Рис. 1. Некоторые показатели индекса продовольственной безопасности в странах мира, 2023 г. [11]

Рейтинговая оценка, представленная на рисунке 1, опирается на расчет трех групп показателей:

- уровня потребления и доступности продуктов питания на душу населения;
- наличия и достаточности продовольствия на душу населения;
- уровня качества и соответствия требованиям безопасности продуктов питания для населения [14].

Оценка показателей, входящих в интегрированную оценку, включает 28 параметров, которые собираются и анализируются в течение двухлетнего периода. В целом, сравнивая показатели Российской Федерации, полученные по данной методике британского агентства, можно сказать, что страна входит в первую 30-ку стран с наиболее высокими значениями продовольственной безопасности. Вместе с тем ее «соседями» являются страны бывшего СССР и Восточной Европы (Польша, Румыния, Беларусь и др.), которые, во-первых, имеют культурно-исторические традиции достаточно сильного развития агропромышленного комплекса. Вместе с тем эти страны несоизмеримо меньше по площади нежели территория РФ и обладают различным потенциалом в области обеспечения продовольственной безопасности своего населения. Для сравнения, такие крупные государства, как США – имеет показатель 77,5 рейтинга продовольственной безопасности, Канада – 77,2, Китай – 69,3 что говорит о достижении достаточно высокого уровня результативности данного показателя [13].

Производя сбор и оценку статистического материала по потреблению домашними хозяйствами в России продовольствия (продуктов питания) в 2010–2023 гг., получены следующие результаты (Таблица 1).

Таблица 1

**Показатели потребления продуктов питания домашними хозяйствами
в РФ в 2011–2023 гг., кг/потребителя (в год) [13]**

Период	Хлеб	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)	Рыба и продукты	Сахар, конд. изделия
2011 г.	99	64	98	71	81	263	217	21	32
2012 г.	98	64	100	74	83	267	220	22	32
2015 г.	95	58	99	71	85	266	218	21	31
2016 г.	99	60	105	73	88	273	229	22	32
2023 г.	96	56	104	77	92	272	240	22	31

Таким образом, в период с 2011 по 2023 год в России удельный объем потребления хлеба и хлебобулочных изделий, а также изделий из муки снизилось на 3 %, картофеля – на 13 %, сахара и кондитерских изделий – на 3 %. Положительная динамика прироста на душу населения обеспечено по группам:

- овощи и бахчевые: + 6 %;
- фрукты и ягоды: + 8 %;
- мясо и мясные изделия: + 14 %;
- молоко и молочные продукты: + 3 %;
- яйца: + 11 %;
- рыба и продукты из нее: + 5 % [5].

Подобная динамика изменения структуры среднедушевого потребления отдельных видов продукции связана преимущественно с тем, что в этот период существенно изменились пищевые привычки и представления о питании и здоровом образе жизни: из привычной ранее потребительской корзины стало уменьшаться количество потребляемых «быстрых» углеводов в виде хлеба, хлебобулочных изделий, картофеля, сахара и кондитерских изделий [4].

При этом отмечается тенденция существенного роста потребления мяса и мясодержащих продуктов (колбас, деликатесов, консервов, полуфабрикатов: пельменей и пр.). Из данных о потреблении продуктов питания в домашних хозяйствах также следует, что в 2019–2023 гг. существенно вырос уровень расходов домашних хозяйств на продовольствие (таблица 2).

Таблица 2

**Динамика расходов домашних хозяйств на основные продукты питания, руб. в месяц,
в 2019 г. и 2023 г. [14]**

Период	Хлеб	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)	Рыба и продукты	Сахар, конд. изделия	Масло раст., жиры
2019 г.	962,3	127,5	694,3	611,9	1916,3	1067,2	115,9	462,7	398	91,2
2023 г.	1068,9	127,1	750,3	684,3	1987,5	1204,4	122,4	509,4	417,8	96,5

Из таблицы 2 следует, что по расходам на все виды продовольствия отмечается положительная динамика прироста стоимости, обозначающая, что домохозяйства при равном объеме потребления продовольствия стали расходовать на него больше денежных средств, чем в предшествующем периоде. Так, расходы на хлеб и мучные изделия в 2023 году по сравнению с 2019 годом возросли на 11,1 %, на овощи и бахчевые (за исключением картофеля) – на 8,1 %, на фрукты и ягоды – на 11,8 %, на мясо и мясные продукты – на 3,7 %, на молочную продукцию – на 12,9 %, на яйца – на 5,6 %, на рыбу – на 10,1 %, на сахар и кондитерские изделия – на 5,0 %, на масло и жировые продукты – на 5,8 %, Расходы домохозяйств на картофель снизились на – 0,3 %. Сравнивая объем потребления продуктов питания по группам в 2019 и 2023 гг., можно отметить, что норма потребления продукции, за исключением молочной продукции и яиц, выросла незначительно, вследствие чего можно сделать вывод об увеличении затрат домохозяйств на продовольствие по причине роста рыночных цен на продукты питания. Этот факт непосредственно связан с проблемой экономической доступности продовольствия: при условии стагнации или снижения доходов домохозяйств, особенно в условиях пандемии 2020–2021 гг., увеличение стоимости цен на продукты питания снижает уровень их экономической доступности и вынуждает либо сокращать потребление отдельных видов продуктов (например, фруктов и овощей), либо тратить больше денежных средств на питание, в ущерб другим статьям бюджетных расходов домохозяйства (например, лечение, развлечение и пр.).

По данным за 2023 год, в структуре расходов домохозяйств на продовольствие сложилось следующее распределение (рисунок 2):

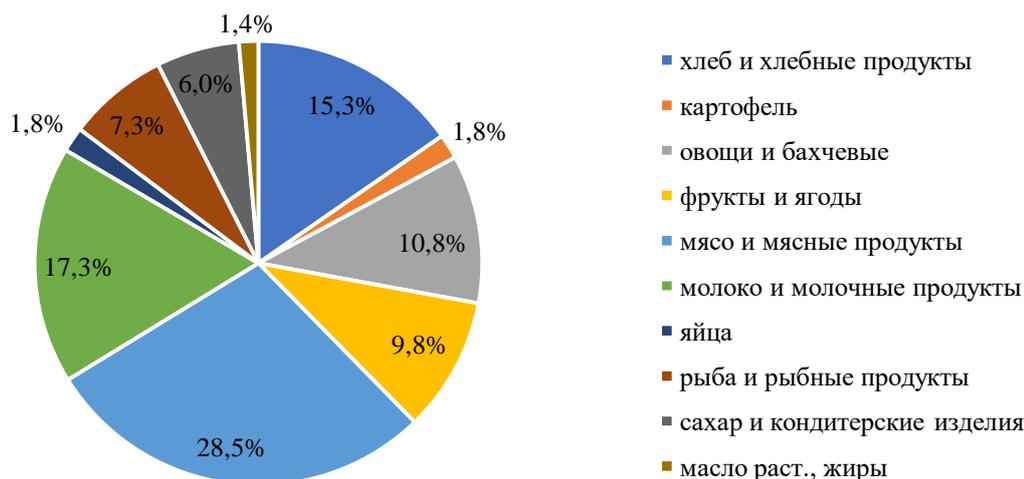

Рис. 2. Распределение в структуре трат домохозяйств на продукты питания в 2023 г., % [3]

Таким образом, в структуре трат домашних хозяйств на продовольствие (продукты питания, по группам) в 2023 году наибольший удельный вес занимали расходы на мясо и мясные продукты (28,5 %), молоко и молочную продукцию (17,3 %), хлеб и хлебобулочные изделия (15,3 %); наименьший удельный вес – на картофель (1,8 %), яйца (1,8 %), масло и растительные жиры (1,4 %). Подобное распределение трат на продукты питания обусловлено значимыми различиями в цене и структурой потребления в рационе домашних хозяйств.

Для оценки физической доступности продовольствия в России и степени ее продовольственной независимости произведем оценку динамики и структуры производства основных видов сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации [10].

Таблица 3

Динамика среднедушевого производства основных видов сельскохозяйственной продукции в России в 2011–2020 гг., кг

Категории продуктов	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Яйца свежие (шт.)	289	294	288	286	290	297	305	306	306	307
Пшеница	394	264	363	409	422	500	586	491	507	586
Семена подсолнечника	63	52	69	58	63	75	71	87	105	91
Бахчевые	103	100	98	98	102	103	105	98	109	106
Картофель	196	171	167	166	174	153	148	153	150	134
Зерно, зернобобовые	659	495	644	720	715	823	923	771	826	911
Овощи	91	89	88	88	90	90	93	93	96	95
Молоко	218	218	208	205	204	203	206	208	214	220
Скот и птица на убой	53	56	59	62	65	67	70	72	74	77
Плоды, ягоды, виноград	20	20	22	23	22	25	22	27	24	25

Для достижения большей наглядности и визуализации данных динамика производства основных видов сельскохозяйственной продукции внутри Российской Федерации представлена на рисунке 3:

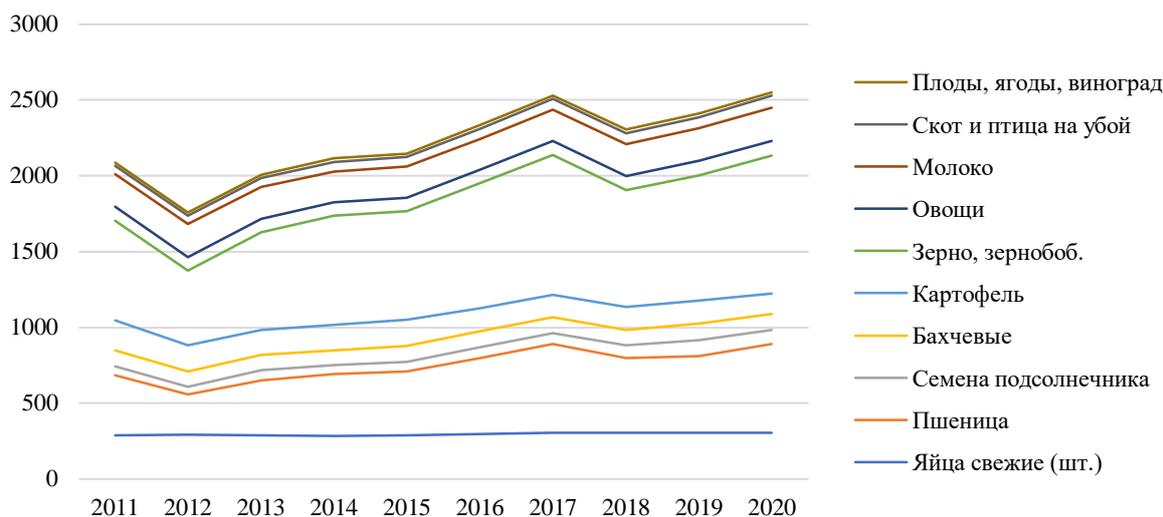

Рис. 3. Динамика среднегодового производства основных видов сельскохозяйственной продукции в России в 2011–2020 гг., кг [13]

Анализируя данные рисунка, можно сделать следующие выводы:

- наибольший объем показателей среднегодового производства по всем видам сельскохозяйственной продукции за исследуемый период был достигнут в 2017 году, а далее в 2018 году также по всем группам было обозначено резкое снижение по объемам производства сельскохозяйственной продукции внутри РФ. Это обусловлено природно-климатическими особенностями 2018 года, который в аналитических источниках характеризуют как «неурожайный». Далее, в 2019–2020 гг., несмотря на коронавирусные ограничения и трудности, наблюдается стабилизация и рост объема среднегодового производства основных видов сельскохозяйственной продукции.

В начале XXI века в России существенно изменилась структура и динамика потребления мяса в России. Так, по данным О. И. Хайруллиной, в 2000-ом году в структуре потребления мяса наблюдалось следующее соотношение: 40,2 % – мясо птицы, 33,2 % – свинина, 26,6 % – говядина (телятина) – рисунок 4:

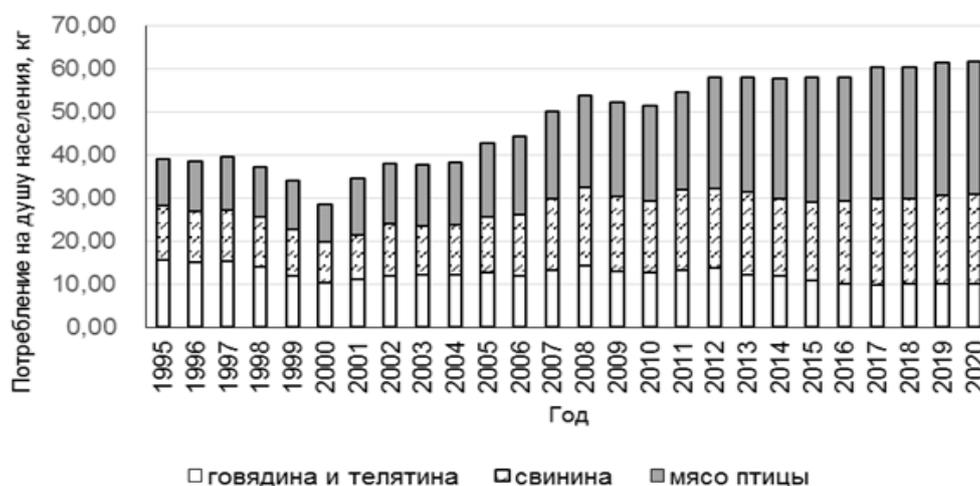

Рис. 4. Динамика и структура потребления мяса в России в 1995–2020 гг., в %, по группам

По данным на 2020-й год, мясо птицы в рационе потребления россиянином стало занимать 50,1 %, что в 1,6 раз больше норматива, установленного на законодательном уровне. За счет переструктурирования в объеме потребления мяса и изделий из него, наблюдается дефицит потребления телятины и говядины (-18,5 % от нормативно установленного значения).

Из рисунка 4 следует, что в целом существенно увеличился объем потребления мяса жителями России, однако положительная динамика объема его потребления достигнута за счет приобретения более дешевых и доступных видов мяса (прежде всего, мяса птицы).

Отметим, что основные производственные ресурсы производства мяса рассредоточены по субъектам Российской Федерации: на долю Центрального федерального округа приходится 36 % всех объемов производства, на Приволжский федеральный округ – 29 %, на Сибирский федеральный округ – 14 %. Таким образом, на все остальные субъекты РФ по округам приходится менее 7 % производства мяса и мясной продукции [10].

Причинами недостаточности покрытия потребностей внутреннего рынка в мясной продукции является, прежде всего, недостаточные темпы развития мясного скотоводства. При этом в производстве мяса в РФ сложились тенденции того, что 51,3 % всего объема производства мяса приходится на частное (домашнее) скотоводство, которое не обладает теми техническими возможностями выращивания животных полного цикла, которые есть у крупных холдингов и агропромышленных комплексов. Помимо этого, следует назвать такие проблемы, как разрыв в цепочках оборота КРС, отсутствие четкого государственно-частного взаимодействия между откормочными площадками, сервисным центром, представителями малого бизнеса и системами инфраструктурного обеспечения [12].

Недостаточность внутреннего потребления компенсируется за счет импорта мяса и мясной продукции. Данные по импорту мяса крупного рогатого скота (свежего и охлажденного) в РФ в 2020 году представлены на рисунке 5:

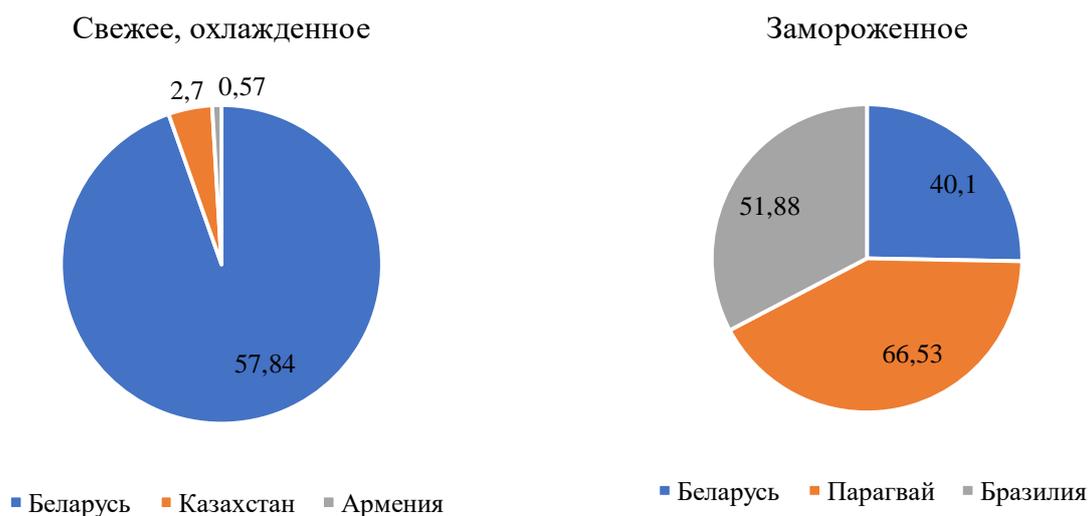

Рис. 5. Структура импорта мяса крупного рогатого скота, охлажденного и замороженного, в 2020 г., тыс. тонн

Таким образом, основными поставщиками импортного мяса в Российской Федерации является, по состоянию на 2020 год, Республика Беларусь, поставившая на рынок в 2020 году 57,84 тысяч тонн охлажденной говядины и телятины, и 40,1 тыс. тонн – замороженной говядины и телятины. Также значительный удельный вес в структуре импорта замороженного мяса говядины занимает Парагвай (в 2020 году – 66,53 тыс. тонн замороженной продукции).

По объемам поставок замороженной и охлажденной продукции мяса свинины и мяса птицы следует сделать вывод о том, что так же, как и по говядине и телятине, основным поставщиком мясной продукции является Республика Беларусь. В силу исторических и культурных связей, геополитической близости и сложившимися партнерскими и добрососедскими отношениями, можно считать, что импорт мяса из Беларуси и Казахстана увеличивает экономические возможности и доступность продукции мяса для российских потребителей. И цена поставок мясной продукции из этих стран ниже, чем цена производства мяса на внутреннем рынке. Однако, это не исключает со временем проявления спекулятивных и валютных рисков на рынке мясной продукции, что существенно и резко ограничит их финансовую доступность, увеличит стоимость. Наконец, дефицит по производству мяса и мясной продукции для внутреннего потребления компенсируется посредством спекуляций на рынке мяса, способствует развитию теневых схем импорта, расширяет влияние нелегального сектора в экономике, что крайне негативно влияет на состояние продовольственной безопасности в стране.

Недостаток продовольствия для внутреннего потребления покрывается за счет импорта. С введением в 2013 году санкций динамика импорта продовольствия продемонстрировала отрицательный рост (рисунок 6):

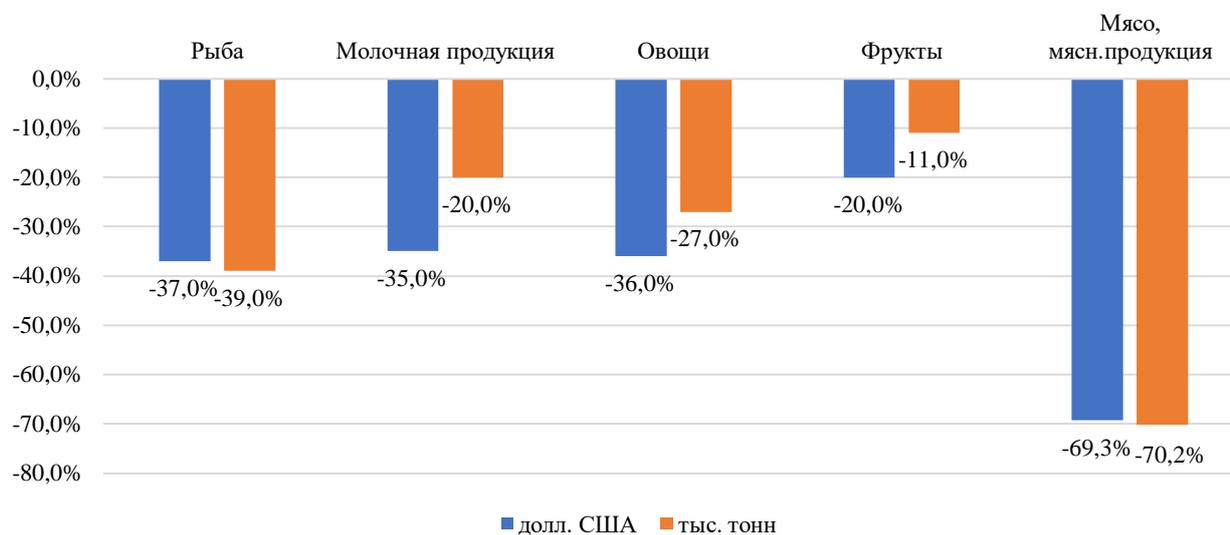

Рис. 6. Изменение динамики импорта продовольствия РФ с введением санкций в 2013–2020 гг., долл. США и тыс. тонн [9]

Как показано на рисунке 6 по всем видам продукции, за исключением рыбы, имеется сокращение импорта в стоимостном выражении что превышало сокращение импортируемой в страну продукции в натуральном выражении. Это прямо свидетельствует о том, что импорт сместился в сторону более дешевой и доступной продукции из стран внесанкционного спис-

ка, которое происходило одновременно с двукратным сокращением курса национальной валюты к валюте США. К странам санкционного списка в настоящий момент относятся страны Евросоюза, США, Канада, Австралия и некоторые другие.

Для построения прогноза с учетом имеющихся данных потребления продуктов питания домашними хозяйствами в РФ может быть использована модель одномерной регрессии и спрогнозированы показатели потребления на три периода: 2024, 2025, 2026 годы [17].

Таблица 4

Построение прогноза потребления продуктов питания домашними хозяйствами в РФ на 2024–2026 гг., кг/ потребителя (в год)

Период	Хлеб	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)	Рыба и продукты	Сахар, конд. изделия
2011	99	64	98	71	81	263	217	21	32
2012	98	64	100	74	83	267	220	22	32
2013	96	61	97	77	85	270	217	22	32
2014	95	59	98	76	85	266	216	22	31
2015	95	58	99	71	85	266	218	21	31
2016	95	58	99	71	85	266	218	21	31
2017	99	60	105	73	88	273	229	22	32
2018	97	59	102	73	88	266	230	22	31
2019	96	59	104	74	89	266	231	22	31
2020	96	59	104	74	89	266	231	22	31
2021	96	58	104	75	91	265	235	22	31
2022	96	58	104	75	91	265	235	22	31
2023	96	56	104	77	92	272	240	22	31
2024*	95,67	55,73	105,60	75,40	92,93	269,20	239,80	22,13	30,73
2025*	95,48	55,23	106,42	75,64	94,07	269,53	242,44	22,19	30,61
2026*	95,29	55,07	107,24	75,87	95,20	269,85	245,07	22,25	30,49

Исходя из полученных прогнозных значений потребления продуктов питания домашними хозяйствами в РФ на 2024–2026 гг. будет уменьшаться потребление хлеба и хлебобулочных изделий, вследствие чего прогнозный объем потребления составит к 2026 году 95,29 кг на 1 чел. в год, картофеля – 55,07 кг в год, овощей и бахчевых культур – до 107,24 кг в год, мяса и мясных продуктов – 95,20 кг в год, молока и молочной продукции – 269,85 кг в год, яиц – 245 шт. в год, рыбы – до 22,5 кг в год, сахара и кондитерских изделий – до 30,49 в год. По прогнозной оценке, в 2024–2026 гг. для россиян сформируются предпосылки устойчивого превышения показателей потребления рыбы в расчете на душу населения, который по нормативам составляет не менее 22 кг в год рыбы и морепродуктов различных сортов.

Результаты. Итак, в 2020 году, когда на международном уровне население и правительства стран столкнулись с новыми вызовами, связанными с пандемией новой коронавиурса,

русной инфекции, а в России, начиная с 2013–2014 гг., поступательно нарастала динамика санкционного давления, в этих условиях как никогда ранее обострилась проблема обеспечения продовольственной безопасности страны, что привело к принятию нового варианта Доктрины продовольственной безопасности. Данная доктрина имела ряд существенных отличий от ее предшествующего варианта 2010-го года.

Во-первых, по сравнению с первоначальным вариантом, в Доктрине 2020 года была расширена продуктовая линейка продовольствия, по достаточности которой можно судить о показателях продовольственной независимости страны от внешних источников обеспечения продовольствием. В новом варианте появились: 1) овощи и бахчевые культуры; 2) ягоды и фрукты; 3) семена культур сельскохозяйственного назначения [1].

Во-вторых, нововведением доктрины образца 2020-го года стало расширение перечня рисков и угроз продовольственной безопасности государства. Так, список был расширен за счет таких аспектов, как снижение показателей плодородия земель сельскохозяйственного назначения, обусловленное их нерациональным использованием. В систему рисков также были включены фитосанитарные и ветеринарные риски, а особенно значимыми в период 2020–2021 гг. стали социальная и санитарно-эпидемиологическая угрозы продовольственной безопасности [8].

Однако, социальная угроза связана не только с поведением потребителей – населения страны в условиях нарастания рисков продовольственной безопасности, но и также с тем, что за последние 20 лет нового тысячелетия сельский образ жизни стал крайне мало привлекательным. Практически минимальное количество российских граждан имеют дачные или приусадебные участки, не стремятся использовать их для выращивания продукции для самообеспечения продовольствием несмотря на то, что традиции личного подсобного хозяйства взращивались в советский период в сознании большинства граждан. В этой связи возросла нагрузка на государство в достаточном и полномерном обеспечении своих граждан качественным, экономически и физически доступным питанием, безопасным и полноценным по своему нутриентному, энергетическому составу для поддержания активного и здорового образа жизни граждан.

Перспективное развитие системы продовольственной безопасности в России должно обеспечивать:

- защиту населения от продукции низкого качества и продукции с составом, противоречащим требованиям и международным стандартам качественной продукции;
- сокращение объема и структуры импорта за счет внедрения инновационных технологий производства;
- эффективное использование региональных особенностей субъектов Российской Федерации для обеспечения распределения и устойчивого роста агропромышленного комплекса;
- стимулирование социально-экономического потенциала населения на развитие системы продовольственного самообеспечения [16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анищенко А. Н., Шутьков А. А. Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности России // Продовольственная политика и безопасность. 2021. Т. 8. № 1. С. 9–22.
2. Антамошкина Е. Н., Рогачев А. Ф. Экономико-математическое моделирование и эмпирическая верификация продовольственной безопасности // Теоретическая экономика. 2019. № 5 (53). С. 50–57.
3. Беликова М. П. Статистическое исследование продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях глобализации: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2019. 260 с.
4. Бостанджян К. Р. Анализ современного состояния системы продовольственной безопасности в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 11. С. 2589–2606.
5. Бурова Т. Е. Безопасность продовольственного сырья и продуктов питания. Учебник. СПб.: Лань, 2020. 364 с.
6. Варгаланова М. Л. Влияние COVID-19 на продовольственную безопасность в России и за рубежом // Вестник Академии знаний. 2020. № 6 (41). С. 50–58.
7. Власова Г. Б., Сараев Н. В. Проблемы нормативно-правового регулирования продовольственной безопасности в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 131–135.
8. Водясов П. В. Доктрина продовольственной безопасности России и ее регионов: от постановки цели к методике оценки ее достижения // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. № 2. С. 13–20.
9. Горбунова А. О., Щеглов В. Ю. Влияние санкций на продовольственную безопасность России // Экономические отношения. 2018. Т. 8. № 3. С. 381–388. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/330615247> (дата обращения 02.05.2024).
10. Иванова Д. Е., Павлюкова А. В., Ялов А. М. Воздействие секторальных санкций на продовольственную безопасность России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 91–96.
11. Иванова С. В. Международное предпринимательство и продовольственная безопасность России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15-1. С. 283–285.
12. Лавров В. Н., Юрченко Н. А., Батракова С. И., Фетисова А. В. К вопросу о продовольственной безопасности продуктов питания в России // Аграрный вестник Урала. 2020. № 13. С. 54–60.
13. Показатели, характеризующие импортозамещение в России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188?print=1> (дата обращения 02.05.2024).
14. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире 2023 / Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/be35a22f-4a44-448d-a8e5-73f9d69b976a/content/state-food-security-and-nutrition-2023/food-security-nutrition-indicators.html> (дата обращения 02.05.2024).

15. Положихина М. А. Продовольственная безопасность России в условиях изменения климата // *Экономические и социальные проблемы России*. 2021. № 1 (45). С. 45–65.
16. Столярова А. Н., Шамрай-Курбатова Л. В., Дарелина О. В., Чумакова Е. А. Продовольственная безопасность как элемент национальной безопасности страны // *Продовольственная политика и безопасность*. 2023. Т. 10. № 2. С. 219–236.
17. Чумакова Е. А., Дарелина О. В., Шамрай-Курбатова Л. В., Столярова А. Н. Финансовая устойчивость в системе обеспечения экономической безопасности муниципального образования // *Экономика и предпринимательство*. 2022. № 5 (142). С. 1448–1452.

REFERENCES

1. Anishchenko A. N., Shut'kov A. A. Problemy realizatsii Doktriny prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii // *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'*. 2021. Т. 8. № 1. S. 9–22.
2. Antamoshkina E. N., Rogachev A. F. Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie i empiricheskaya verifikatsiya prodovol'stvennoy bezopasnosti // *Teoreticheskaya ekonomika*. 2019. № 5 (53). S. 50–57.
3. Belikova M. P. Statisticheskoe issledovanie prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh globalizatsii: diss. ... kand. ekon. nauk: 08.00.12. M., 2019. 260 s.
4. Bostandzhyan K. R. Analiz sovremennogo sostoyaniya sistemy prodovol'stvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2021. Т. 11. № 11. S. 2589–2606.
5. Burova T. E. Bezopasnost' prodovol'stvennogo syr'ya i produktov pitaniya. Uchebnik. SPb.: Lan', 2020. 364 s.
6. Vartalanova M. L. Vliyanie COVID-19 na prodovol'stvennuyu bezopasnost' v Rossii i za rubezhom // *Vestnik Akademii znaniy*. 2020. № 6 (41). S. 50–58.
7. Vlasova G. B., Saraev N. V. Problemy normativno-pravovogo regulirovaniya prodovol'stvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii // *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 2020. № 4. S. 131–135.
8. Vodyasov P. V. Doktrina prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii i ee regionov: ot postanovki tseli k metodike otsenki ee dostizheniya // *Ekonomika. Professiya. Biznes*. 2021. № 2. S. 13–20.
9. Gorbunova A. O., Shcheglov V. Yu. Vliyanie sanktsiy na prodovol'stvennuyu bezopasnost' Rossii // *Ekonomicheskie otnosheniya*. 2018. Т. 8. № 3. S. 381–388. URL.: <https://www.researchgate.net/publication/330615247> (data obrashcheniya 02.05.2024).
10. Ivanova D. E., Pavlyukova A. V., Yalov A. M. Vozdeystvie sektoral'nykh sanktsiy na prodovol'stvennuyu bezopasnost' Rossii // *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2020. № 4. S. 91–96.
11. Ivanova S. V. Mezhdunarodnoe predprinimatel'stvo i prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii // *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2020. № 15-1. S. 283–285.
12. Lavrov V. N., Yurchenko N. A., Batrakova S. I., Fetisova A. V. K voprosu o prodovol'stvennoy bezopasnosti produktov pitaniya v Rossii // *Agrarnyy vestnik Urala*. 2020. № 13. S. 54–60.

13. Pokazateli, kharakterizuyushchie importozameshchenie v Rossii / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188?print=1> (data obrashcheniya 02.05.2024).

14. Polozhenie del v oblasti prodovol'stvennoy bezopasnosti i pitaniya v mire 2023 / Prodovol'stvennaya i sel'skokhozyaystvennaya organizatsiya Obedinennykh Natsiy. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/be35a22f-4a44-448d-a8e5-73f9d69b976a/content/state-food-security-and-nutrition-2023/food-security-nutrition-indicators.html> (data obrashcheniya 02.05.2024).

15. Polozhikhina M. A. Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh izmeneniya klimata // Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii. 2021. № 1 (45). S. 45–65.

16. Stolyarova A. N., Shamray-Kurbatova L. V., Darelina O. V., Chumakova E. A. Prodovol'stvennaya bezopasnost' kak element natsional'noy bezopasnosti strany // Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'. 2023. T. 10. № 2. S. 219–236.

17. Chumakova E. A., Darelina O. V., Shamray-Kurbatova L. V., Stolyarova A. N. Finansovaya ustoychivost' v sisteme obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti munitsipal'nogo obrazovaniya // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2022. № 5 (142). S. 1448–1452.

Информация об авторе

Екатерина Юрьевна Чернявская, кандидат социологических наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин, АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса», ул. Качинцев, 63, 400010, г. Волгоград, Российская Федерация, timoshenko_k@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6372-4597>, SPIN-код: 4933-5811, AuthorID: 783922

Information about the Author

Ekaterina Yu. Chernyavskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Financial and Economic Disciplines, ANO VO «Volgograd Institute of Business», st. Kachintsev, 63, 400010, Volgograd, Russian Federation, timoshenko_k@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6372-4597>, SPIN-код: 4933-5811, AuthorID: 783922

Для цитирования: Чернявская Е. Ю. Анализ продовольственной безопасности России в период санкционного воздействия // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 29–44. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 331.1:330.354

КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АСПЕКТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Нодира Каландаровна Зокирова, Нигора Тулкуновна Талипова

Филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Введение. Данная статья исследует взаимосвязь между качеством человеческого капитала и экономическим ростом. Человеческий капитал, представленный совокупностью знаний, навыков, опыта и здоровья населения, становится ключевым фактором в определении производительности труда и инновационной активности в экономике.

Методы. В работе используются различные методы изучения источников информации, позволяющие раскрыть некоторые теоретические вопросы, представить анализ при изучении человеческого капитала, а также состояния данных, влияющие на его составляющие.

Анализ. В статье рассматриваются различные аспекты качества человеческого капитала, такие как образование, здоровье, доступ к информации и профессиональные навыки и их влияние на экономический рост. Особое внимание уделяется вопросам социальной мобильности, справедливости доступа к образованию и возможностям профессионального развития. Авторы анализируют эмпирические данные и теоретические модели, подтверждающие значимость человеческого капитала для устойчивого и долгосрочного экономического роста. Полученные результаты могут быть полезны для разработки социальных и образовательных политик, направленных на улучшение качества человеческого капитала и стимулирование экономического развития.

Результаты. На основе проведенного анализа теоретических концепций и международного опыта авторы акцентировали внимание на такие ключевые аспекты, как конкретные аспекты человеческого капитала – образование, здоровье, профессиональные навыки и другие, а также дали рекомендации для его улучшения и оптимизации. Статья может внести вклад в развитие научного дискурса в области человеческого капитала, предлагая новые идеи, концепции или методологии исследования.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономический рост, образование, здоровье, профессиональные навыки, социальная мобильность, инновации, экономическая политика.

UDC 331.1:330.354

QUALITY OF HUMAN CAPITAL IN TERMS OF ECONOMIC GROWTH

Nodira K. Zokirova, Nigora T. Talipova

Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. This article examines the relationship between the quality of human capital and economic growth. Human capital, represented by the totality of knowledge, skills, experience and health of the population, is becoming a key factor in determining labor productivity and innovative activity in the economy.

Methods. The work uses various methods for studying sources of information to reveal some theoretical issues, present an analysis in the study of human capital, as well as the state of data affecting its components.

Analysis. The article examines various aspects of the quality of human capital, such as education, health, access to information and professional skills, and their impact on economic growth. Particular attention is paid to issues of social mobility, fair access to education and professional development opportunities. The authors analyze empirical data and theoretical models that confirm the importance of human capital for sustainable and long-term economic growth. The results obtained can be useful for developing social and educational policies aimed at improving the quality of human capital and stimulating economic development.

Results. Based on the analysis of theoretical concepts and international experience, the authors focused on such key aspects as specific aspects of human capital - education, health, professional skills and others, and also made recommendations for its improvement and optimization. The article may contribute to the development of scientific discourse in the field of human capital by introducing new ideas, concepts or research methodologies.

Keywords: human capital, economic growth, education, health, professional skills, social mobility, innovation, economic policy.

Введение. С обретением независимости Республики Узбекистан придается большое значение формированию и накоплению человеческого капитала в стране. Вместе с этим в условиях продолжающегося финансово-экономического кризиса в мире, а также последовательного продолжения модернизации экономики Узбекистана конкурентоспособность страны все больше становится зависимым от качества человеческого капитала.

Процессу формирования человеческого капитала в Узбекистане способствует ряд принимаемых мер правительством в сфере образования и здравоохранения. За годы независимости в Узбекистане приняты радикальные меры в данном направлении. В результате создана новая система адекватная социально-экономическим преобразованиям общества и перспективам его развития. Именно эти два фактора являются основной частью человеческого капитала в его широком понимании. В то же время именно качество человеческого капитала служит повышению производительности труда и конкурентоспособности страны в мировом сообществе.

В условиях динамичного развития науки и технологий, возрастания конкуренции в глобальном мире конкурентоспособность каждого государства и общества в этом процессе будет зависеть от интеллектуальной развитости молодежи и оказываемого внимания для полноценной реализации ее таланта и способностей. Поэтому данный вопрос всегда находит свое отражение во всех стратегиях Узбекистана, нацеленных на обеспечение долгосрочного развития государств [10].

Методы. Оценка человеческого капитала является важным направлением экономических исследований, начиная с работ Теодора Шульца и Гэри Беккера. Они показали, что уровень образования существенно влияет на будущий уровень трудового дохода. Согласно современной экономической теории, человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, навыков и способностей людей, используемых в производстве и других сферах деятельности. Множество экономистов внесли свой вклад в разработку методов измерения человеческого капитала. Основные подходы к оценке человеческого капитала авторы рассматривали с разных сторон. Так, оценку человеческого капитала на уровне образования населения, включая образовательные достижения, степень образования, уровень грамотности и другие образовательные показатели рассматривала Абдурахманова К. Х., Зокирова Н. К., Шакаров З. Г. [1], Авдеева Д. А. [2], Талипова Н. Т. [9].

Здоровье также является важным аспектом человеческого капитала. Оценка может проводиться на основе показателей здоровья населения, таких как средняя продолжительность жизни, смертность в раннем возрасте, доступность медицинской помощи и др. и данную сторону в своих работах раскрывали Сырова И. Н., Серазетдинова Л. И., Волкова Р. Ф., Усманова С. Ф. [6].

Анализ. В экономических моделях оценка человеческого капитала была проанализирована многими авторами на основе доходов, заработной платы, производительности труда и других экономических показателей, которые отражают вклад человеческого капитала в экономику, а также рассмотрены со стороны социальной защищенности, качество жизни, уровень удовлетворенности жизнью и другие социально-экономические показатели [11].

Инвестиции в человеческий капитал представляют собой не только финансовые вложения в образование, здравоохранение и другие социальные программы, но также инвестиции в повышение конструктивности, креативности и инновационности этого ресурса. Развитие этих аспектов является ключевым для улучшения производительности и конкурентоспособности общества в целом. Конструктивность включает в себя способность эффективно использовать имеющиеся ресурсы и навыки для достижения поставленных целей. Креативность подразумевает способность к генерации новых идей, подходов и решений, что способствует инновациям и прогрессу. Инновационность означает способность адаптироваться к изменяющимся условиям и внедрять новые технологии и методы работы для улучшения результатов и увеличения эффективности. Такие инвестиции способствуют развитию человеческого капитала в широком смысле, что в свою очередь, способствует устойчивому экономическому росту и процветанию общества.

В Узбекистане на современном этапе развития основным фактором в формировании человеческого капитала становится образование. При этом базовое образование увеличивает эффективность труда и способствует развитию бизнеса [8]. Высшее образование и профессиональная подготовка способствуют созданию высококвалифицированных работников, спо-

собных быстро адаптироваться к меняющимся условиям и растущим потребностям производственной системы.

Следует отметить, что в Узбекистане ежегодно более 45 процентов расходной части государственного бюджета направляется на развитие сферы образования (рис. 1) [8]. Ежегодные затраты на развитие и реформирование сферы образования составляют 40–45 процентов от валового внутреннего продукта, как и во многих странах мира, который составляет от 2–5 %.

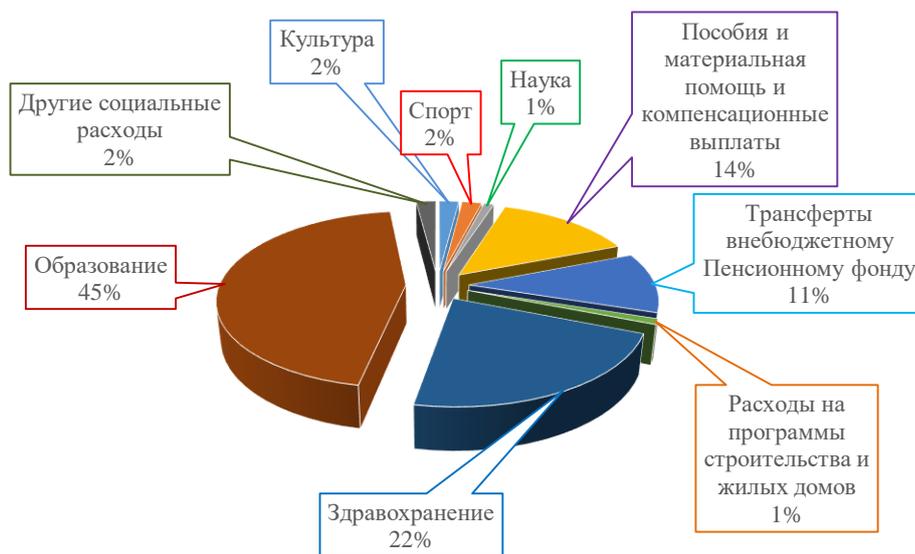

Рис. 1. Структура социальных расходов, параметры на 2023 год, в %

Разумеется, нельзя (да и невозможно) отрицать важность такого фактора, как здоровье, однако отдача от инвестиций в эту компоненту человеческого капитала гораздо менее значительна, а срок появления результатов таких инвестиций существенно больше, чем в случае инвестиций в образование.

Список стран по индексу человеческого развития включён в Отчёт о развитии человечества из Программы развития ООН. Индекс человеческого развития (ИЧР) является комплексным сравнительным показателем ожидаемой продолжительности жизни, грамотности, образования и уровня жизни для стран во всём мире. Список включает 193 стран. Этот индекс используется для выявления отличий между развитыми, развивающимися и недостаточно развитыми странами, а также для оценки воздействия экономической политики на качество жизни. По оценкам Всемирного банка, в развитых странах мира физический капитал формирует 16 % общего объема национального богатства, природный – 20 %, а человеческий капитал – 64 % [4].

В настоящее время на базе теории и практики человеческого капитала формируется и совершенствуется успешная парадигма развития США и ведущих европейских стран. На основе этой теории, отставшая Швеция модернизировала свою экономику и вернула в 2000-х годах лидерские позиции в мировой экономике. Финляндия за исторически короткий период времени сумела перейти от сырьевой экономики к инновационной экономике, создав свои собственные конкурентоспособные высокие технологии. Все это имело место потому, что теория и практика человеческого капитала стала ответом экономической теории и практики

на вызовы времени, на вызовы нарождающейся во второй половине XX века инновационной экономики (экономики знаний).

В результате исследований влияния человеческого капитала на экономический рост было установлено, что в XX веке накопление человеческого капитала опережало темпы накопления физического капитала. Так, в США на протяжении послевоенного периода нормы отдачи высшего образования располагались в интервале 8–12 %, тогда как средняя норма прибыли реального капитала составляла около 4 %. Статистические данные свидетельствуют, что вклад образования в прирост ВВП может достигать 33 % [13].

Мировой опыт показывает, что во многих развивающихся странах, проводивших аналогичные мероприятия, существует большой разрыв между показателями инвестиции в основной капитал и производительностью труда. Даже в странах-эталонах (Чили, Венгрия, Турция, Малайзия, Республика Корея, Таиланд) если в 1975–2000 гг. рост объема капитальных вложений обеспечивал соответствующий рост производительности труда (рис. 2), то в 2000–2023 гг. эта взаимосвязь резко поменяла свою форму и дальнейший рост капитала уже не обеспечивал рост производительности труда.

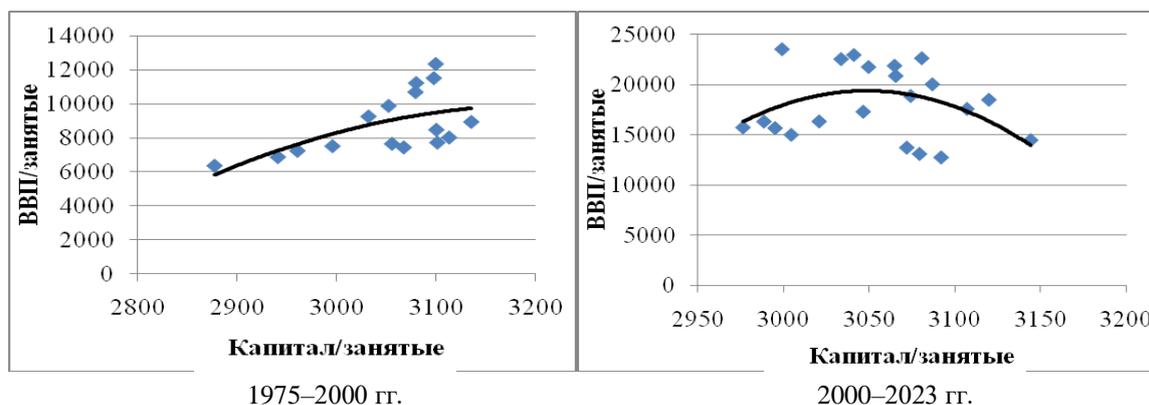

Рис. 2. Взаимосвязь между капиталовооруженностью и производительностью труда в странах-эталонах за 1975–2023 гг.

Все это объясняется тем, что рост инвестиций в физический капитал должен сопровождаться ростом вложений в человеческий капитал и организацию производства. Во всем мире компании тратят много времени и средств на подготовку и переподготовку своих сотрудников. В США доля инвестиций в материальные активы в ВВП упали с 11 % в 1947 г. до 9 % в 2023 г. В то же время, инвестиции в нематериальные активы (в человеческий капитал и организация производства) возросли с 4,5 % в 1947 г. до 18 % в 2023 г. [4].

В настоящее время имеется весьма представительный набор теоретических подходов и прикладных методик, ориентированных на оценку величины человеческого капитала и уровня производительности труда. Однако оценка качества и адекватности всего этого инструментария весьма неоднозначна и включает в себя очень критические оценки.

Анализ эмпирических исследований по влиянию человеческого капитала на экономический рост позволило выделить несколько основных гипотез [12]:

- реальный ВВП на душу населения зависит от изменений в системе начального, среднего, высшего образования и образовательных государственных расходов;
- образование необходимо как средство, позволяющее странам эффективно использовать имеющиеся технологии, при этом отдача от образования уменьшается вместе с уровнем развития;
- человеческий капитал имеет сильное положительное влияние на экономический рост, но этот эффект существенно отличается по странам в зависимости от продолжительности жизни и географических условий, качества госинститутов;
- образование имеет положительный эффект на экономику региона в зависимости от уровня технологического развития, уровня доходов населения регионов, уровня развитости других компонентов национальной инновационной системы;
- именно качественные характеристики образования способствуют экономическому росту.

Перспективное развитие экономики Узбекистана, в том числе ее инновационное развитие, требует решения проблем, связанных с качеством человеческого капитала, который вносит свой вклад в повышение конкурентоспособности страны. При этом считается важным определить степень его вклада и качественные аспекты для принятия соответствующих мер в реформировании той или иной сферы, которая способствует его формированию.

На сегодняшний день нет устоявшегося понятия «качества» человеческого капитала как фактора социально-экономического развития страны, несмотря на множество теоретических источников. Понятия «уровень качества человеческого капитала» или «качество рабочей силы» отличаются от терминов «человеческий капитал» и «человеческие ресурсы» в том, что первые отражают конкретные характеристики и качественные аспекты человеческого потенциала, в то время как последние представляют собой более общие понятия, охватывающие всю массу человеческих способностей, знаний и навыков в экономике и обществе.

1. Человеческий капитал описывает совокупность знаний, навыков, образования, опыта работы и здоровья индивидов, которые могут быть использованы для повышения производительности и развития экономики. Это актив, который может быть инвестирован и развит, повысить потенциал трудовой силы и социально-экономический рост.

2. Человеческие ресурсы чаще всего используется для обозначения всей трудовой силы или населения страны в целом, без уточнения их конкретных качественных характеристик. Человеческие ресурсы охватывают всех работающих людей, включая различные уровни квалификации, образования и опыта.

3. Уровень качества человеческого капитала (качество рабочей силы) сосредотачивается на конкретных характеристиках человеческого капитала, таких как уровень образования, профессиональные навыки, здоровье и т. д. Они оценивают способности и готовность рабочей силы к выполнению конкретных задач, а также их приспособляемость к условиям современной экономики и требованиям рынка труда.

Для оценки вклада качества человеческого капитала в экономический рост Узбекистана целесообразно определить основные параметры как количественных, так и качественных индикаторов. Так на основе изученных гипотез и подходов произведено исследование оценки качества человеческого капитала и его вклада в экономический рост Узбекистана.

Для определения качества образования был выбран показатель образования PISA¹. По итогам первой международной оценки навыков школьников (PISA) Узбекистан оказался в последней десятке. В статье был использован индекс PISA, для индекса качества здоровья в исследовании был использован рейтинг здоровья Bloomberg, оцениваемый по 145 странам мира², где Узбекистан в 2022 году занял 85 место [7].

Предварительный анализ показал, что индекс качества человеческого капитала стран сильно коррелирует с такими индикаторами как индекс качества госинститутов (CPI) [5], так как образовательная система является составной частью всей системы госуправления, а также индексом охвата населения высшим образованием и продолжительностью жизни.

При этом влияние других факторов на качество человеческого капитала имели снижающий эффект качества регрессии. Это такие факторы как охват средним образованием, ожидаемая продолжительность лет обучения, государственные расходы на образование, индекс образования для всех, доля высокотехнологичного экспорта, количество научно-технических журнальных статей, так как многие из них имели высокие значения корреляции с уже включенными в модель факторами, что приводило к возникновению проблемы мультиколлинеарности.

На основе полученных результатов становится возможным оценить вклад качества человеческого капитала на экономический рост. По результатам исследования вклад качества человеческого капитала в экономический рост Узбекистана за период 2012–2022 годы в среднем составил 13 % от общего прироста ВВП, где прирост равен 100 %. Средний рост ВВП за эти годы составлял 5,6 % (табл. 1) [5].

Таблица 1

ВВП Узбекистана

Показатель	Значение	Период
Объем ВВП	80.39 USD млрд.	2022
Годовой темп роста ВВП	5.6 %	2 кв./23
ВВП на душу населения	3473 USD	2022
ВВП в сопоставимых ценах	38.622 млрд. USD	2 кв./23
ВВП на душу населения ППС	8073 USD	2022
ВВП от сельского хозяйства	7.329 млрд. USD	2 кв./23
ВВП от строительства	2.393 млрд. USD	2 кв./23
ВВП от сферы услуг	4.754 млрд. USD	4 кв./22

Положительный эффект вклада качества человеческого капитала до 2016 годов связан с предыдущим этапом накопления данного фактора, т.е. интеллектуальный потенциал занятых в экономике страны. При этом в последующие 2017–2020 годы при среднем экономиче-

¹ Programme for International Student Assessment – Международный мониторинг оценки качества образования, который проводит ОЭСР с 2000 года раз в три года. Данное исследование проводится в целях оценки грамотности в области чтения, математики и естествознания среди старшеклассников. <http://www.oecd.org/pisa>

² Рейтинг рассчитывается на основе данных ООН, Всемирного Банка и Всемирной организации здравоохранения по 4 основным показателям здоровья: ожидаемая продолжительность жизни при рождении и младенческая смертность; причины смерти: коммуникативные и некоммуникативные болезни, за исключением травм связанных с войной; смертность по трем возрастным группам: до 14, 15–64 и 65 и выше; выживания до 65 и продолжительность жизни в 65 лет, взвешенный показатель гендерного соотношения.

ском росте вклад качества человеческого капитала сократился до отрицательной отметки. Такой процесс объясняется тем, что начало 2020 годов сопровождался коронавирусом и изменением политической обстановки в мире. В настоящее время реформы в образовании и здравоохранении только начинали способствовать накоплению человеческого капитала, который начал восстанавливаться в положительную сторону во вкладе на экономический рост (рис. 3).

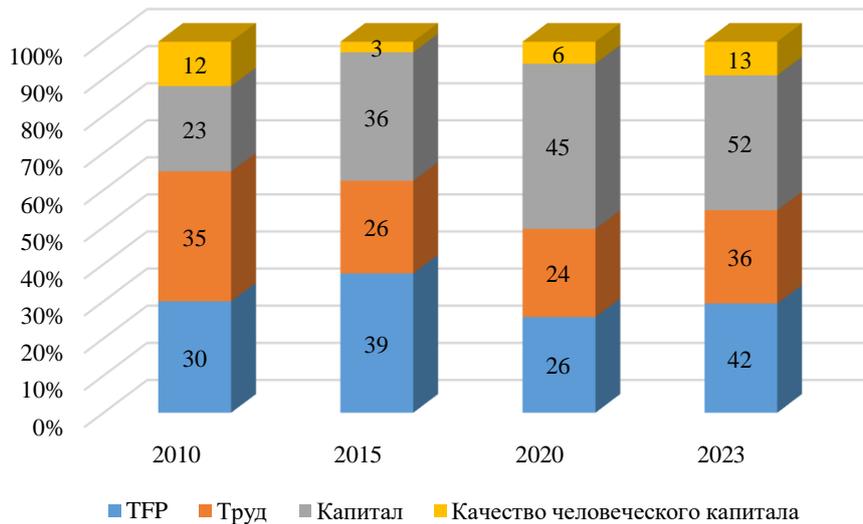

Рис. 3. Вклад факторов в экономический рост Узбекистана за период 2010–2023 гг.

В настоящее время человеческий капитал в Узбекистане формируется на основе образования, начиная с начального этапа и до высшего профессионального образования. Однако, несмотря на достижения, существуют ряд проблем, таких как устаревшие методики преподавания, недостаточная адаптация к современным требованиям рынка труда и дисбаланс между теоретическим и практическим обучением.

С переходом Узбекистана на новый стандарт среднего специального и профессионального образования (в 2012 г.) сократилась доля населения с высшим образованием. За относительно короткий период времени это радикально изменило межотраслевые пропорции и соотношения на рынке труда. Поэтому ощущалась потребность в институциональных изменениях:

1. Поднятие уровня образования до рыночных требований. Новый стандарт образования должен быть более ориентирован на потребности рынка труда, включая активное вовлечение предприятий в разработку учебных программ и программ стажировок.

2. Развитие навыков будущего и новые программы позволили пересмотреть акценты в образовательных программах в сторону развития критического мышления, коммуникативных навыков, творчества и умений решать проблемы.

3. Привлечение квалифицированных преподавателей. Узбекистану требуются инвестиции в подготовку и повышение квалификации преподавателей, а также их стимулирование, что является ключевым фактором в повышении качества образования (за первое полугодие 2023 года было освоено 17,1 трлн. сум инвестиций в основной капитал).

4. Технологическая интеграция, под которой понимается использование современных технологий в учебном процессе, в том числе использование онлайн-образования, что позволит обеспечить доступ к образованию в любой точке страны.

Институциональные изменения в системе образования Узбекистана привели к более гибкому, современному и рыночно-ориентированному подходу к формированию человеческого капитала. Выпускники более подготовлены к требованиям современной экономики, а система образования становится эффективным инструментом социального и экономического развития страны.

На текущий момент на рынке труда востребованы специалисты со средним профессиональным образованием. Опыт стран, достигших наибольшего успеха в плане экономического развития, показывает, что средне специализированное образование является основным звеном процессов индустриализации экономики в условиях перехода экономики на более высокотехнологичные производства.

Вклад качества образования на экономический рост в Узбекистане остается незначительным и в некотором случае оказывает отрицательный эффект, так как в экономике страны продолжают доминировать те отрасли, в которых квалифицированные специалисты менее востребованы. В частности, это сельское хозяйство, торговля и общепит, транспорт и другие виды традиционных услуг, которые по международным меркам относятся к низкотехнологичным секторам. Соответственно, это не создает соответствующих стимулов к повышению академических стандартов и качества обучения. Как правило, люди с более высоким уровнем образования востребованы в высокотехнологичных, высокопроизводительных и высокооплачиваемых секторах экономики. В силу этих обстоятельств многие тратят значительные временные и финансовые затраты на образование и получение навыков. Однако, в условиях слабой развитости высокотехнологичных секторов квалифицированные кадры остаются невостребованными на рынке труда и ранее понесенные издержки на получение образования не дают соответствующую отдачу в виде высоких доходов. Это в свою очередь, влияет и на качество образования несмотря на уделение значительного внимания на его развитие со стороны государства¹. Низкая отдача от образования, в свою очередь, является и основным сдерживающим фактором роста экономики.

Таким образом, качество человеческого капитала является одним из основных факторов долгосрочного экономического развития Республики Узбекистан. Для дальнейшего повышения качества образования, а также создания условий инновационной экономики в системе образования одним из приоритетных задач является повышение уровня подготовки кадров инженерно-технического и естественнонаучного направлений, а также усиление гибкости ССПО и ВУЗов в подготовке и переподготовки профессиональных кадров на базе созданной инфраструктуры.

¹ Низкое качество образования отрицательно влияет на экономику и в силу неэффективной организации и роста затрат на производство (простои, ремонты, вызванные низким уровнем квалификации рабочих) или же передачи предприятиями определенных задач или некоторых бизнес-процессов, обычно не являющихся профильным для них на выполнение иностранной организацией (аутсорсинг специалистов, бизнес услуг и т.д.), что повышает издержки производства и снижает спрос на предоставляемые услуги со стороны местных фирм.

Глобализация требует создания ресурса высококвалифицированных работников, способных быстро адаптироваться к меняющимся условиям и к растущим потребностям производственной системы. При этом сохранение и повышение конкурентоспособности страны сильно зависит от фактора человеческого капитала.

В результате сопоставления уровней развития человеческого капитала были выявлены сильные и слабые стороны Узбекистана по отношению к другим странам. Так за последние годы в результате реформирования системы здравоохранения, а также реализации ряда программ по повышению уровня здоровья среди населения способствовало увеличению показателя продолжительности жизни в стране (рис. 4) [5]. При этом достижения в сокращении младенческой смертности ставят страну выше, чем средняя по СНГ и показывает область для развития, стремящиеся к показателям развитых стран.

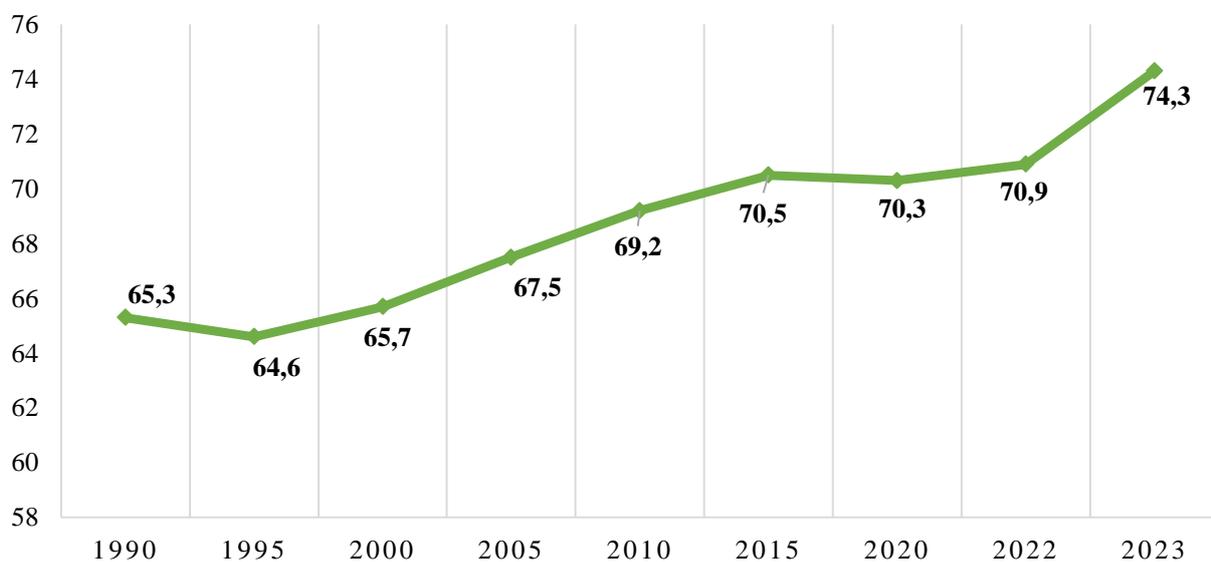

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни в Узбекистане

В целом индекс здоровья населения находится на уровне средней по СНГ. Для повышения уровня здоровья населения Узбекистана необходимо постоянное усовершенствование профилактической медицины, пропаганда здорового образа жизни и повышения качества медицинских услуг.

На фоне высокого охвата населения образованием (98 %) существенно отстает показатель по доли населения с высшим образованием (29 %) [4]. При этом средний мировой показатель опережает в 2 раза (рис. 5). Такой расклад может привести к затягиванию процесса развития инновационной экономики страны, а также ее социально-экономического развития.

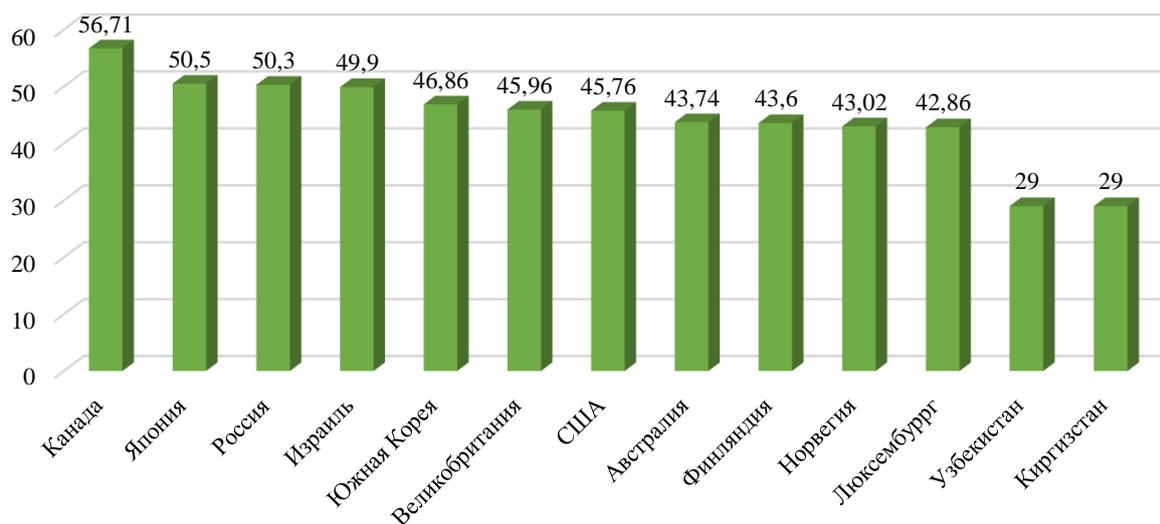

Рис. 5. Охват населения высшим образованием, в %

В сфере образования к 2030 году ожидается сокращение разрыва показателя охвата населения с высшим образованием. В результате принимаемые государством программы по повышению уровня образования и здоровья в Узбекистане смогут способствовать более оптимальным прогнозным сценариям. При этом повышение качества высшего образования в стране с применением мирового опыта послужит повышению конкурентоспособности и устойчивого роста экономики. Повышение доступности, качества, открытости сферы образования, внедрение принципов корпоративного управления, а также подготовка научно-педагогических кадров, владеющих современными научными знаниями и способных вносить вклад в инновационное развитие страны. В свою очередь это будет способствовать повышению эффективности экономики страны. Опыт ведущих стран мира подтверждает, что ставка на инвестиции в образование является наиболее эффективной стратегией экономического развития страны.

Результаты. В заключении можно подчеркнуть, что человеческий капитал играет ключевую роль в экономическом развитии, социальном прогрессе и общественном благосостоянии. Инвестиции в развитие этого ресурса, такие как образование, здравоохранение, наука и технологии, являются стратегически важными для обеспечения устойчивого роста экономики и повышения качества жизни населения. Важно понимать, что не только количество, но и качество человеческого капитала имеет значение. Повышение конструктивности, креативности и инновационности этого ресурса является ключевым фактором для достижения долгосрочного успеха и преодоления вызовов современного мира. Эффективное развитие человеческого капитала требует совместных усилий государства, бизнеса, образовательных учреждений и гражданского общества. Важно, чтобы понимание важности человеческого капитала оставалось в центре внимания при формировании политических и экономических стратегий, а усилия по его развитию продолжались и углублялись в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдурахманов К. Х., Зокирова Н. К., Шакаров З. Г. Управление человеческим капиталом в условиях цифровизации экономики Республики Узбекистан // *Лидерство и менеджмент*. 2022. Том 9. № 1. С. 219–232.
2. Авдеева Д. А. Показатели человеческого капитала в исследованиях экономического роста: обзор // *Экономический журнал ВШЭ*. 2022. № 26 (2). С. 240–269.
3. Бюджет для граждан 2023. Ташкент, 2023. URL: https://www.imv.uz/media/gugb/07_03_2023/Budjet_23_ru.pdf (дата обращения 30.04.2024).
4. Годовой отчет 2023 (vsemirnyjbank.org). URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report> (дата обращения 30.04.2024).
5. Ежегодный рейтинг государств мира, отражающий оценку уровня развития гос. институтов по 10 бальной шкале. URL: <http://www.transparency.org> (дата обращения 30.04.2024).
6. Самоконтроль и оценка физического здоровья студенческой молодежи: учебно-методическое пособие // И. Н. Сырова, Л. И. Серазетдинова, Р. Ф. Волкова, С. Ф. Усманова. Казань: Казанский университет, 2023. 89 с.
7. Самые Здоровые Страны Мира. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/samyezdorovye-strany.html> (дата обращения 30.04.2024).
8. Талипова Н. Т. Вопросы использования инновационных технологий в образовательной деятельности Республики Узбекистан / Н. Т. Талипова, А. Л. Гулямова // Трансформация моделей образования: уроки пандемии: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Плехановский форум преподавателей», Москва, 17 декабря 2020 года. Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2021. С. 288–294. – EDN PKBQZD.
9. Талипова Н. Т. Инновационные образовательные технологии в Узбекистане: проблемы внедрения // *Цифровая экономика – образованию и науке Союзного государства Беларуси и России* : Сборник статей Международной заочной научно-практической конференции, Минск, 26–28 февраля 2020 года / Редколлегия: А. Б. Елисеев, И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный аграрный технический университет, 2020. С. 223–225. – EDN YSWYQQ.
10. Указ Президента Республики Узбекистан № 60 «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» от 28.01.2022. (lex.uz). URL: <https://lex.uz/docs/5841077> (дата обращения 30.04.2024).
11. Умарова Ш. А. Влияние трудовой миграции на экономический потенциал Республики Узбекистан // *Социально-экономическое и экологическое развитие приграничного региона: возможности и вызовы*. Сборник трудов II Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию Года науки и технологий. Смоленск, 2021. С. 76–80.
12. Benos N., Karagiannis S., (2018) Inequality and growth in the united states: Why physical and human capital matter, *Econ. Inq.* 56 (1). S. 572–619.
13. Social Protection for Recovery. URL: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2022/10/FullReport.pdf> (дата обращения 30.04.2024).

REFERENCES

1. Abdurakhmanov K. Kh., Zokirova N. K., Shakarov Z. G. Upravlenie chelovecheskim kapitalom v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki Respubliki Uzbekistan // *Liderstvo i menedzhment*. 2022. Tom 9. № 1. S. 219–232.
2. Avdeeva D. A. Pokazateli chelovecheskogo kapitala v issledovaniyakh ekonomicheskogo rosta: obzor // *Ekonomicheskij zhurnal VShE*. 2022. 26 (2). S. 240–269.
3. Byudzhety dlya grazhdan 2023. Tashkent, 2023. URL: https://www.imv.uz/media/gugb/07_03_2023/Budjet_23_ru.pdf (data obrashcheniya 30.04.2024).
4. Godovoy otchet 2023 (vsemirnyjbank.org). URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report> (data obrashcheniya 30.04.2024).
5. Ezhegodnyy reyting gosudarstv mira, otrazhayushchiy otsenku urovnya razvitiya gos. institutov po 10 bal'noy shkale. URL: <http://www.transparency.org> (data obrashcheniya 30.04.2024).
6. Samokontrol' i otsenka fizicheskogo zdorov'ya studencheskoy molodezhi: uchebno-metodicheskoe posobie // I. N. Syrova, L. I. Serazetdinova, R. F. Volkova, S. F. Usmanova. Kazan': Kazanskiy universitet, 2023. 89 s.
7. Samye Zdorovye Strany Mira. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/samye-zdorovye-strany.html> (data obrashcheniya 30.04.2024).
8. Talipova N. T. Voprosy ispol'zovaniya innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovatel'noy deyatel'nosti Respubliki Uzbekistan / N. T. Talipova, A. L. Gulyamova // *Transformatsiya modeley obrazovaniya: uroki pandemii : Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Plekhanovskiy forum prepodavateley»*, Moskva, 17 dekabrya 2020 goda. Moskva: Rossiyskiy ekonomicheskij universitet imeni G.V. Plekhanova, 2021. S. 288–294. – EDN PKBQZD.
9. Talipova N. T. Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii v Uzbekistane: problemy vnedreniya // *Tsifrovaya ekonomika – obrazovaniyu i nauke Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii : Sbornik statey Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Minsk, 26–28 fevralya 2020 goda / Redkollegiya: A. B. Eliseev, I. A. Man'kovskiy (gl. red.) [i dr.]. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy agrarnyy tekhnicheskij universitet, 2020. S. 223–225. – EDN YSWYOQ.
10. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan № 60 «O Strategii razvitiya Novogo Uzbekistana na 2022–2026 gody» ot 28.01.2022. (lex.uz). URL: <https://lex.uz/docs/5841077> (data obrashcheniya 30.04.2024).
11. Umarova Sh. A. Vliyanie trudovoy migratsii na ekonomicheskij potentsial Respubliki Uzbekistan // *Sotsial'no-ekonomicheskoe i ekologicheskoe razvitie prigranichnogo regiona: vozmozhnosti i vyzovy. Sbornik trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, priurochennoy k prazdnovaniyu Goda nauki i tekhnologiy*. Smolensk, 2021. S. 76–80.
12. Benos N., Karagiannis S. (2018) Inequality and growth in the united states: Why physical and human capital matter, *Econ. Inq.* 56 (1). S. 572–619.
13. Social Protection for Recovery. URL: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2022/10/FullReport.pdf> (data obrashcheniya 30.04.2024).

Информация об авторах

Нодира Каландаровна Зокирова, заместитель директора, доктор экономических наук, профессор, Ташкентский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, nodira28uz@mail.ru, SPIN-код: 4602-4820, AuthorID: 734779

Нигора Тулкуновна Талипова, кандидат экономических наук, и. о. профессора кафедры «Международная экономика и бизнес», Ташкентский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Information about Authors

Nodira K. Zokirova, Deputy Director, Doctor of Economics, Prof. Tashkent branch of REU named after. G.V. Plekhanov, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, nodira28uz@mail.ru, SPIN-код: 4602-4820, AuthorID: 734779

Nigora T. Talipova, Candidate of Economics, Professor of the Department of International Economics and Business, Tashkent branch of the G.V. Plekhanov Russian University of Economics, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Для цитирования: Зокирова Н. К., Талипова Н. Т. Качество человеческого капитала в аспекте экономического роста // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 46–59. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

SECTORAL ECONOMICS

УДК 631.14:636(470)

КЛАСТЕРНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

Гилян Васильевна Федотова

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии –
МВА имени К. И. Скрябина, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Сельскохозяйственные территории России требуют дополнительной государственной поддержки для модернизации производственных и перерабатывающих комплексов в сфере АПК. Кроме того, наличие крупных агрохолдингов не дают возможности для конкуренции мелким фермерским хозяйствам, что приводит к сокращению их количества. В данной ситуации необходимо кооперация и интеграция крупного и мелкого бизнеса в отрасли животноводства для перераспределения усилий и специализации хозяйств.

Методы. В ходе данного исследования были использованы общенаучные методы систематизации, обобщения и генерации теоретического и статистического материала, цифровой материал был обработан приемами графического анализа. Для формирования обзора проблемы отрасли были применены методы логического анализа, аналогии, контент-анализа, сопоставления исходных данных. Источником цифрового материала послужили сайты Росстата, аналитических агентств, а также результаты собственных исследований.

Анализ. Мясное скотоводство выступает одной из базовых подотраслей сельскохозяйственного производства, источником сырья для пищевой и перерабатывающей промышленности. По данной причине его динамичное и поступательное развитие является ключевой задачей реализации индикаторов Доктрины продовольственной безопасности России. Оценка состояния и перспектив данной подотрасли доказало, что без новых комплексных решений по организации работы предприятий неминуем кризис и стагнация по причине высоких операционных издержек и длительного производственного цикла по сравнению с другими подотраслями животноводства.

Выводы. В статье рассмотрены особенности организации кластерной модели агробизнеса в сфере производства животноводческой продукции. Сделаны выводы о направлениях и алгоритмах перепрофилирования и специализации фермерства в условиях кластерного подхода.

Ключевые слова: кластер, животноводство, мясной скот, модель, управление отраслью.

UDC 631.14:636(470)

CLUSTER MODEL OF DOMESTIC LIVESTOCK PRODUCTION DEVELOPMENT

Gilian V. Fedotova

Federal Research Center «Informatics and Management» RAS,
Moscow state Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology –
MBA named after K. I. Scriabin, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. Agricultural territories of Russia require additional government support for the modernization of production and processing complexes in the agricultural sector. In addition, the presence of large agricultural holdings does not provide opportunities for small farms to compete, which leads to a reduction in their number. In this situation, cooperation and integration of large and small businesses in the livestock industry is necessary to redistribute efforts and specialize farms.

Methods. During this study, general scientific methods of systematization, generalization and generation of theoretical and statistical material were used, digital material was processed using graphical analysis techniques. To form an overview of the industry problem, methods of logical analysis, analogy, content analysis, and comparison of source data were used. The sources of digital material were the websites of Rosstat, analytical agencies, as well as the results of our own research.

Analysis. Beef cattle breeding is one of the basic branches of agricultural production of raw materials for the food and processing industries. For this reason, its dynamic and progressive development is a key task in the implementation of the indicators of the Doctrine of Food Security of Russia. An assessment of the state and prospects of this industry has proven that without new comprehensive solutions for organizing the work of enterprises, crisis and stagnation are inevitable due to high operating costs and a long production cycle compared to other livestock sub-sectors.

Conclusions. The article discusses the features of organizing a cluster model of agribusiness in the field of livestock production. Conclusions are drawn about the directions and algorithms for the repurposing and specialization of farming in the context of the cluster approach.

Keywords: cluster, livestock farming, beef cattle, model, industry management.

Введение. Производство животноводческой продукции (говядины) не представляется привлекательным направлением инвестирования по причине более длительного производственного цикла и сложности содержания животных без собственной кормовой базы. Сложные агроклиматические условия в большей части России, отсутствие стабильных рынков сбыта, конкуренция со стороны иностранных импортеров из стран Южной Америки – все эти факторы выступают основными барьерами для развития отечественного мясного скотоводства. Кроме того, отсутствие национальной племенной базы и семенного материала продвигает дополнительные препятствия для стабильного производства. Высокие затраты на содержание, выращивание и доращивание животных мясных пород, отсутствие широкого

государственного субсидирования мясного поголовья требуют поиска новых форм организации бизнес-моделей фермерства в отрасли мясного скотоводства [7].

Оценка общей динамики производства продукции мясного животноводства и птицеводства в России за период 2013–2023 года демонстрирует рост на 3269 тыс. тонн, что позволяет судить о самообеспеченности мясной продукцией внутреннего продовольственного рынка (рис. 1).

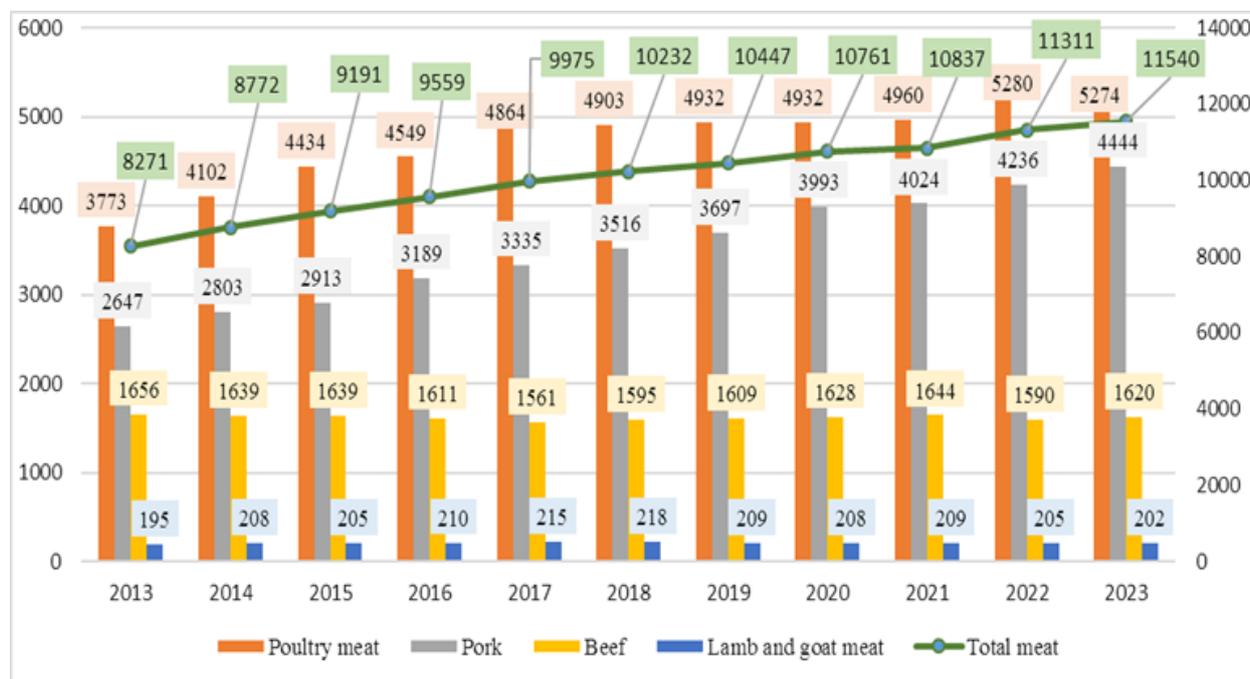

Рис. 1. Объемы производства мяса в России, тыс. тонн в убойном весе

Источник: составлено автором по данным [2].

Анализ структуры мясного производства показал, что основная доля по итогам 2023 года приходится по-прежнему на мясо птицы (до 45,7 %), свинина занимает долю 38,5 %, говядина – 14 %, баранина и козлятина – 1,75 %. Приведенные цифры подтверждают существование проблемы и невысокой привлекательности мясного скотоводства в качестве направления инвестиционных вложений.

Иностранные государства-лидеры по специализации на мясном скотоводстве (КНР, США, Бразилия) много лет практикуют модель кластерной организации мясного производства. Как правило, сотни мелких фермеров контактируют с крупными заготовителями мясной продукции, которые выкупают у них животных и птиц, направляют на доращивание в специализированные хозяйства, а затем заготавливают на мясоперерабатывающих комплексах и реализуют. Компания-лидер кластера оказывает поддержку своим контрагентам (консультационную, ветеринарную, технологическую, финансовую) и таким образом обеспечивается единый стандарт производства и качество [8].

Методы. Поставленные задачи исследования были решены с помощью методологического инструментария экономического, финансового, статистического анализа. Была визуализирована и построена модель кластера мясного животноводства, работающая на рост эффективности производства мясного сырья.

Анализ. Отрасли российского АПК, демонстрирующие в последние годы рекордные показатели производства растениеводческого и животноводческого сырья, нуждаются в организационной и инфраструктурной поддержке. Фактически многие сельскохозяйственные организации сегодня работают изолированно, не взаимодействуя друг с другом, что в некоторых случаях усложняет решение многих организационных вопросов (реализацию, транспортировку, закупки, информирование, консультирование) [6].

Опыт многих развитых стран, специализирующихся на сельскохозяйственном производстве, доказал, что без кооперации мелким фермерским хозяйствам очень сложно выживать в высоко конкурентной среде, где работают крупные агрохолдинги с мощными финансовыми и технологическими ресурсами [9, с. 11]. Примеры работы растениеводческих кластеров во Франции, сети откормочных площадок для скота в Канаде, пищевых кластеров в Австрии, скотоводческих и тепличных кластеров в Нидерландах, агропарков Китая и Мексики своими результатами доказывают жизнеспособность кластерной модели организации бизнеса в сфере АПК [1, с. 9].

Российская практика реализации кластерного подхода в сельском хозяйстве начала свою реализацию с предприятий Белгородской области, которые самыми первыми объединились и создали мощный мясоперерабатывающий кластер в 2014 году, который на данный момент обеспечивает 15 млн. человек мясной продукцией. Сегодня кластерный подход реализуется во многих сельскохозяйственных регионах, специализирующихся на производстве мясного сырья [5, с. 66].

Так, Воронежская область построила свой мясной кластер, в который вошли все предприятия от мелких фермерских хозяйств до крупнейших производителей мяса (ООО «Экопродукт, ГК «Заречье» и другие). Также в него вошли научные центры и растениеводческие предприятия, обеспечивающие животноводство кормовой базой. Основная идея создания такого кластера заключалась в сохранении для региона всех этапов создания прибавочного продукта (от генетических исследований до реализации готовых мясных форм) [1, с. 9].

Другой пример кластеризации мясного скотоводства – запуск в 2023 году строительства мясного агрокластера в Республике Бурятия с объемом инвестиционных вложения 4 млрд. рублей. Особенность такого кластера будет заключаться в его вертикально-интегрированной архитектуре, включающей в себя производство кормовых культур, производство мяса, переработку сырья и его реализацию. Кластер должен стимулировать создание в регионе мелких фермерских хозяйств, специализирующихся на мясном животноводстве, а также обеспечить местных жителей новыми рабочими местами [3].

Регионы Приволжья – Республика Башкортостан и Оренбургская область – в 2022 году зарегистрировали первый Агропромышленный кластер Приволжского федерального округа, на площадке которого объединились 10 крупных предприятий мясной отрасли, 4 образовательные и технологические организации. Ядро кластера составляют предприятия, входящие в крупнейший агрохолдинг Республики Башкортостан, ГК «Таврос». Средний товарооборот продукции данного кластера составляет около 25 млрд. руб., созданное количество рабочих мест – 3000 единиц, уровень кооперации – от 72 % до 92 % [5, с. 65].

Примеры реализации в различных регионах России кластерного подхода показали, что это открытая система, внутри которой гармонично взаимодействуют фермерские хозяй-

ства, крупные специализированные компании. Кластер обладает развитой сетью внутрикооперативных связей и коммуникационных каналов, через которую все участники кластера взаимодействуют с компанией-интегратором (ядром) оперативно управляющей данными связями. Рассмотрим схематично типичную архитектуру кластера (рис. 2).

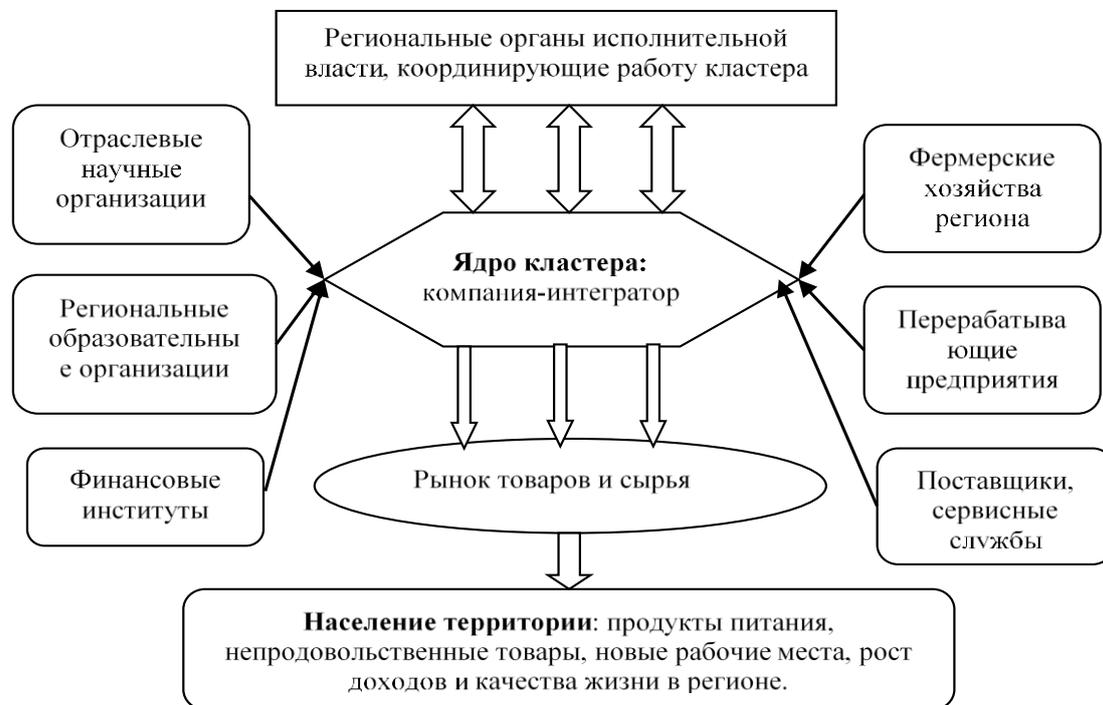

Рис. 2. Архитектура типичного агрокластера территории

Источник: составлено автором по данным [4, с. 159].

Представленная на рисунке 2 структура агрокластера позволяет идентифицировать его место и роль в производственной структуре территории. Ядро кластера – это аккумулирующая площадка, соединяющая и замыкающая на себе основные потоки информации, ресурсов и взаимоувязывающая встречные интересы различных участников кластера. Основными потребителями эффектов будут выступать жители данного региона (рабочие места, рост доходов) и региональная администрация (рост количества проживающих, доходы в бюджет региона, рост качества жизни на территории).

Кластерная конструкция позволяет улучшать коммуникации между сельскохозяйственными товаропроизводителями, быстро реализовывать решения, сокращает время поиска и обратной связи, обеспечивает и контролирует реализацию оперативной деятельности. В рамках кластера мелкие фермеры обеспечены определенной защитой и гарантией выполнения обязательств со стороны более мощного партнера. Интегратор в данном случае – это организатор и третейский судья, который дает защиту и ведет переговоры между участниками. Кроме того, для реализации крупных закупок интегратор скупает мелкие партии скота и способен осуществлять крупные поставки для агрохолдингов. В данном объединении каждый участник получает определенные преимущества.

Оценка потенциала расширения кластерного развития в отраслях АПК показала, что для его создания необходимо 30–40 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения.

При этом для животноводческого кластера также подойдут и «неудобья» (овраги, разломы, подлески), которые могут служить для выпаса скота в пастбищный период. Емкость такого кластера оценивается в поголовье 15 тыс. животных мясных пород, которые будут обслуживаться персоналом в 100 человек и около 150 фермерских хозяйств. Особенность такой схемы бизнеса заключается в новых возможностях для жителей села в самореализации и обеспечении стабильным заработком на местах постоянного проживания.

Сельские территории России, находящиеся сегодня в состоянии медленного угасания и деградации по причине оттока населения в крупные города, благодаря такому подходу получают новый импульс развития собственной производственной базы и получают ресурсы для создания социальной инфраструктуры местным жителям. Такой подход реализовывается при наличии мощной государственной поддержки АПК и координации работы кластера со стороны региональной администрации.

Денежные потоки, проходящие через кластер, будет контролировать компания-интегратор, которая перераспределит их с учетом потребностей всех участников (в инфраструктурном обслуживании, в ветеринарном сопровождении, в технологическом сопровождении, в бесперебойных поставках кормов, семян и сбыте готовой продукции). Кроме того, в рамках кластера будет вестись точный учет всех входящих и исходящих потоков, так как будет отражаться реальная картина результативности работы кластера и того эффекта, который он несет для конкретной территории.

Фермеры, которые будут составлять основу для животноводческого кластера, могут вступить в кластер на основе контрактной работы. К примеру, они проходят аттестацию для подтверждения своей квалификации, затем с ними заключают контракт и предоставляют в управление небольшую животноводческую ферму с четкими целевыми параметрами по системе «корова-теленки». Фермер будет работать на гонораре, размер которого зависит от полученных индикаторов (количество телят, привесы молодняка). Затем по истечении 2–3 лет работы фермер имеет право приобрести данное хозяйство на льготных условиях и продолжать работу в кластере, но уже как собственник своего бизнеса. Такая модель уникальна для России, так как не применялась, поэтому в рамках кластера ее можно адаптировать и привлечь к ней молодых инициативных специалистов, желающих работать в сфере АПК.

Таким образом, кластерный подход обладает множеством преимуществ по сравнению с другими конструкциями, работающими в отрасли. Отсутствие требуемой мотивации у молодых специалистов для работы на сельских территориях, высокие риски реализации готовой продукции, отсутствие финансовой поддержки, высокие входные параметры в отрасль и другие факторы не позволяют масштабировать животноводческие фермы в рамках устойчивого развития сельских территорий [4, с. 162].

Выводы. В завершении резюмируем и подчеркнем основные преимущества, которые дает кластерный подход отрасли животноводства для всех заинтересованных участников.

Во-первых, государство и регионы, прежде всего, заинтересованы в развитии производственной базы на сельских территориях, которые сегодня постепенно сокращаются по причине миграционного оттока населения в крупные города. Выделяемые государственные субсидии, социальные выплаты не решили кардинально данную проблему, поэтому нужны новые модели и решения для преломления сложившейся ситуации. Создание кластера с определенной специализацией (животноводство) на депрессивной территории позволит ак-

тивизировать предпринимательские инициативы и сформировать новую производственную базу с устойчивыми финансовыми потоками.

Во-вторых, сегодня население сельских территорий мигрирует в города по причине отсутствия источников заработков и необходимой социальной инфраструктуры в селах. Кластер, объединяющий в себе несколько предприятий и открывающий возможности для фермерства по контрактной модели, создает необходимые рабочие места, мотивирует крестьян заниматься производительной деятельностью в местах постоянно проживания, увеличивая тем самым благосостояние семей, создает доходную базу для администрации территорий на создание необходимой инфраструктуры (детский сад, школа, больница, общественный транспорт, коммуникации) на данной территории.

В-третьих, активизация отрасли животноводства сформирует производственную базу мясного сырья для перерабатывающих предприятий. Таким образом, будет расти продовольственная обеспеченность и устойчивость государства, так как внутри страны будет производиться продукция глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью, будут продолжаться экспортные поставки российской мясной продукции в дружественные страны и наполняться доходная часть государственного бюджета.

Представленные направления повышения устойчивости регионального развития позволят сформировать новые тренды для будущего экономического роста посредством активизации предпринимательской деятельности на сельских территориях. В данном случае модель животноводческого кластера выступает механизмом реализации стратегии поступательного движения национальной экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амерханов Х. А., Мирошников С. А., Костюк Р. В., Дунин И. М., Легошин Г. П. Проект «Концепции устойчивого развития мясного скотоводства в Российской Федерации на период до 2030 года» // Вестник мясного скотоводства. 2017. № 1 (97). С. 7–12.
2. Доклад заместителя председателя ЦК КПРФ, председателя Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам, академика РАН В. И. Кашина 19 апреля 2023 г. URL: https://kprf.ru/m/att/2023/05/doklad-kashin-vi-19-aprelia-2023_kprf.pdf (дата обращения 15.05.2023).
3. Концепция развития мясного скотоводства Иркутской области на период до 2030 года. URL: https://irkobl.ru/sites/agroline/legal_base/norma%20exp/02_АГРОФАКТ-19-02-2020%20для%20PDF.pdf (дата обращения 20.05.2024).
4. Ксенофонтов М. Ю., Ползиков Д. А., Урус А. В. Сценарии развития агропродовольственного рынка ЕАЭС в долгосрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 154–171.
5. Мирошников С. А. Мясное скотоводство – основа интеграции стран ЕАЭС // Farm animals. 2015. № 3 (10). С. 64–65.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2016 г. № 741 «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на содержание товарного маточного поголовья крупного рогатого скота мясных пород и их помесей». URL: <http://government.ru/docs/all/107824/> (дата обращения 19.05.2024).

7. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (дата обращения 15.05.2024).

8. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 19.05.2024).

9. Ушачев Н. Г. Устойчивое развитие агропродовольственного сектора: основные направления и проблемы / Доклад пленарного заседания Второго Всероссийского конгресса экономисто-аграрников. М.: Росинормагротех, 2016. С. 3–25.

REFERENCES

1. Amerkhanov Kh. A., Miroshnikov S. A., Kostyuk R. V., Dunin I. M., Legoshin G. P. Proekt «Kontseptsii ustoychivogo razvitiya myasnogo skotovodstva v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda» // Vestnik myasnogo skotovodstva. 2017. № 1 (97). S. 7–12.

2. Doklad zamestitelya predsedatelya TsK KPRF, predsedatelya Komiteta Gosudarstvennoy Dumy po agrarnym voprosam, akademika RAN V. I. Kashina 19 aprelya 2023 g. URL: https://kprf.ru/m/att/2023/05/doklad-kashin-vi-19-aprelia-2023_kprf.pdf (дата обращения 15.05.2023).

3. Kontseptsiya razvitiya myasnogo skotovodstva Irkutskoy oblasti na period do 2030 goda. URL: https://irkobl.ru/sites/agroline/legal_base/norma%20exp/02_AGROFAKT-19-02-2020%20dlya%20PDF.pdf (дата обращения 20.05.2024).

4. Ksenofontov M. Yu., Polzиков D. A., Urus A. V. Stsenarii razvitiya agroprodovol'stvennogo rynka EAES v dolgosrochnoy perspektive // Problemy prognozirovaniya. 2020. № 6. S. 154–171.

5. Miroshnikov S. A. Myasnoe skotovodstvo – osnova integratsii stran EAES // Farm animals. 2015. № 3 (10). S. 64–65.

6. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 02.08.2016 g. № 741 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya i raspredeleniya subsidiy iz federal'nogo byudzheta byudzheta sub»ektov Rossiyskoy Federatsii na sodержanie tovarnogo matochnogo pogolov'ya krupnogo rogatogo skota myasnykh porod i ikh pomesey». URL: <http://government.ru/docs/all/107824/> (дата обращения 19.05.2024).

7. Sel'skoe khozyaystvo, okhota i lesnoe khozyaystvo. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (дата обращения 15.05.2024).

8. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 21 iyulya 2020 g. № 474 «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 19.05.2024).

9. Ushachev N. G. Ustoychivoe razvitie agroprodovol'stvennogo sektora: osnovnye napravleniya i problemy / Doklad plenarnogo zasedaniya Vtorogo Vserossiyskogo kongressa ekonomisto-agrarnikov. M. Rosinormaagrotekh, 2016. S. 3–25.

Информация об авторах

Гилян Васильевна Федотова, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, ул. Вавилова, 44, корп. 2, 119333, г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры экономики и цифровых технологий в АПК, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина, ул. Академика Скрябина, 23, 109472, г. Москва, Российская Федерация, g_evgeeva@mail.ru, @mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2066-8628>, SPIN-код: 2353-5794, AuthorID: 460638

Information about the Author

Gilian V. Fedotova, Doctor of Economics, Leading Researcher, Federal Research Center «Informatics and Control» RAS, st. Vavilova, 44, building 2, 119333, Moscow, Russian Federation; Professor of the Department of Economics and Digital Technologies in Agro-Industrial Complex, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA named after K. I. Scriabin, st. Academician Skryabina, 23, 109472, Moscow, Russian Federation, g_evgeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2066-8628>, SPIN-код: 2353-5794, AuthorID: 460638

Для цитирования: Федотова Г. В. Кластерная модель развития российского животноводства // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 60–68. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА

ANALYSIS AND ASSESSMENT

УДК 336.55:364.422

СУБСИДИРОВАНИЕ КАК ФОРМА ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ (ПРОГРАММ)

Инна Викторовна Самойленко

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье исследуется финансовая поддержка в форме субсидий из областного бюджета на реализацию социально значимых проектов (программ) по приоритетным направлениям социальной политики Волгоградской области, в частности, социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в виде социального обслуживания на дому, а также в полустационарной форме социального обслуживания в условиях дневного пребывания на территории Волгоградской области.

Методы. Методологической базой исследования являются логический, системный и комплексный подходы, сравнительный методы анализа, методы экономико-статистического анализа, приемы классифицирования, аналогии, синтеза.

Анализ. В ходе исследования была проанализирована финансовая поддержка в виде субсидий на 2024 год из областного бюджета социально ориентированных некоммерческих организаций, предоставляющих социальные услуги в форме социального обслуживания на дому и полустационаре гражданам пожилого возраста и инвалидам на территории Волгоградской области в разрезе территориальных образований.

Результаты. На основе представленных в исследовании данных можно сделать выводы о том, что общая сумма субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги в форме социального обслуживания на дому в Волгограде и Волжском составила 82756218,26 руб., средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц равен 5865,49 руб. Субсидиарная поддержка в городских округах и муниципальных районах Волгоградской области (за исключением г. Волгоград и г. Волжский) – 162566377,84 руб. на 8121 человека, таким образом средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц составил 6672,67 руб.

СО НКО, предоставляющие социальные услуги гражданам пожилого возраста (мужчины старше 60 лет, женщины старше 55 лет) и инвалидам, страдающим когнитивными расстройствами, признанным нуждающимися в предоставлении социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания в условиях дневного пребывания в городских округах Волгоград, Камышин и Камышинском муниципальном районе Волгоградской области в период с 01.04.2024 г. по 31.12.2024 г., имеют право на получение субсидии в размере 8452408,5 руб. и 4481174,25 руб. соответственно. Средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц составляет 15967,39 руб.

В целом из областного бюджета Волгоградской области в 2024 году будет выделено 258256178,85 руб. по именованным выше организациям для оказания социальных услуг в качестве финансовой поддержки, что позволит социально ориентированным некоммерческим организациям повысить качество оказываемых услуг населению.

Ключевые слова: финансовая поддержка, субсидия, поставщики социальных услуг, социально ориентированные некоммерческие организации, социальные услуги, социальное обслуживание, получатель услуг.

UDC 336.55:364.422

SUBSIDIZING AS A FORM OF FINANCIAL SUPPORT FOR SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS FROM THE REGIONAL BUDGET FOR THE IMPLEMENTATION OF SOCIALLY SIGNIFICANT PROJECTS (PROGRAMS)

Inna V. Samoylenko

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines financial support in the form of subsidies from the regional budget for the implementation of socially significant projects (programs) in priority areas of social policy of the Volgograd region, in particular, socially oriented non-profit organizations providing social services to elderly and disabled citizens in the form of social services at home, as well as in a semi-stationary form of social services in the daytime stay on the territory of the Volgograd region.

Methods. The methodological basis of the research is logical, systematic and integrated approaches, comparative methods of analysis, methods of economic and statistical analysis, methods of classification, analogy, synthesis.

Analysis. The study analyzed financial support in the form of subsidies for 2024 from the regional budget for socially oriented non-profit organizations providing social services in the form of social services at home and semi-stationary to elderly and disabled citizens in the Volgograd region in the context of territorial entities.

Results. Based on the data presented in the study, it can be concluded that the total amount of subsidies to socially oriented non-profit organizations providing social services in the form of social services at home in Volgograd and Volzhsky amounted to 82756218,26 rubles, the average

subsidy per served recipient per month is 5865,49 rubles. Subsidiary support in urban districts and municipal districts of the Volgograd region (with the exception of Volgograd and Volzhsky) – 162566377,84 rubles per 8121 people, thus the average subsidy per serviced recipient per month was 6672,67 rubles.

Non-governmental organizations providing social services to elderly citizens (men over 60 years old, women over 55 years old) and people with disabilities suffering from cognitive disorders who are recognized as needing to provide social services in a semi-stationary form of social services in day-stay conditions in the urban districts of Volgograd, Kamyshin and Kamyshinsky municipal district of the Volgograd region in the period from 04.01.2024 to On 31.12.2024, they are entitled to receive subsidies in the amount of 8452408,5 rubles and 4481174,25 rubles, respectively. The average subsidy per serviced recipient per month is 15967,39 rubles.

In general, 258256178.85 rubles will be allocated from the regional budget of the Volgograd Region in 2024 to the above-mentioned organizations to provide social services as financial support, which will allow socially oriented non-profit organizations to improve the quality of services provided to the population.

Keywords: financial support, subsidy, social service providers, socially oriented non-profit organizations, social services, social services, recipient of services.

Введение. В настоящее время на развивающемся рынке социальных услуг наблюдается рост интереса и доверия государства к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), как к перспективным поставщикам социальных услуг, способным повысить их качество и уровень удовлетворенности получателей. Поддержка СО НКО является одним из долгосрочных приоритетов государственной политики Российской Федерации, содействует активной самоорганизации граждан и вносит тем самым значительный вклад в развитие российского гражданского общества, обеспечение роста качества и доступности услуг в социальной сфере.

Социально ориентированные некоммерческие организации имеют возможность получения финансовой поддержки из областного бюджета на реализацию социально значимых проектов (программ) [1].

В соответствии с постановлением Правительства Волгоградской области от 05.03.2013 № 106-п «О порядке определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность на территории Волгоградской области» социально ориентированным некоммерческим организациям ежегодно на конкурсной основе предоставляется финансовая поддержка в виде субсидий из областного бюджета на реализацию социально значимых проектов (программ) по приоритетным направлениям социальной политики Волгоградской области, а так же субсидий на частичное или полное возмещение затрат по арендной плате за помещение, оплате коммунальных услуг и услуг связи [3].

В данной статье, в частности, рассматривается практика субсидирования социально ориентированных некоммерческих организаций, предоставляющих социальные услуги в форме социального обслуживания на дому и гражданам пожилого возраста и инвалидам в полустационарной форме социального обслуживания в условиях дневного пребывания на

территории Волгоградской области. Порядок определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги в форме социального обслуживания на дому определен в Постановлении Администрации Волгоградской области от 13.12.2016 № 684-п. [2]

Субсидии предоставляются в рамках реализации государственной программы Волгоградской области «Социальная поддержка и защита населения Волгоградской области», утвержденной постановлением Администрации Волгоградской области от 25 сентября 2017 г. N 504-п, и регионального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения (Волгоградская область)» федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения (Старшее поколение)» национального проекта «Демография».

Главным распорядителем и получателем средств областного бюджета, предусмотренных на предоставление субсидий, является комитет социальной защиты населения Волгоградской области (далее Комитет) [2].

Субсидии предоставляются за счет собственных средств областного бюджета в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных в областном бюджете на соответствующий финансовый год и на плановый период, и лимитов бюджетных обязательств, доведенных Комитету в текущем финансовом году на цели, указанные в Порядке определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги в форме социального обслуживания на дому.

Методологической базой исследования являются логический, системный и комплексный подходы, сравнительные методы анализа, методы экономико-статистического анализа, приемы классифицирования, аналогии, синтеза.

Анализ. В ходе исследования были проанализированы размеры субсидий, предоставляемые из бюджета Волгоградской области социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим услуги социального обслуживания гражданам пожилого возраста и инвалидам на дому и в полустационарной форме.

Согласно данным, представленным на официальном сайте Комитета социальной защиты населения Волгоградской области, социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в форме социального обслуживания на дому, на конкурсной основе смогут получить финансовую поддержку в виде субсидий из областного бюджета в сумме 245 322 596,1 руб. за период предоставления социальных услуг с 01.04.2024 по 30.06.2024.

В таблице 1 представлены данные по территории предоставления услуг в г. Волгоград и г. Волжский, а также количество получателей услуг, размер субсидии и размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц.

Таблица 1

Субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в форме социального обслуживания на дому (г. Волгоград, г. Волжский) с 01.04.2024 по 30.06.2024

Наименование территории предоставления социальных услуг	Количество получателей социальных услуг на территории предоставления социальных услуг, чел.	Размер субсидии, руб.	Размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц, руб.
Краснооктябрьский, Дзержинский и Центральный районы города Волгограда	1450	25 462 453,13	5853,44
Красноармейский район города Волгограда	490	8 506 218,70	5786,54
Ворошиловский район города Волгограда	53	933 101,17	5868,56
городской округ город Волжский	803	13 846 149,08	5747,68
Ворошиловский район города Волгограда	300	5 304 239,25	5893,60
Кировский район города Волгограда	435	7 786 095,45	5966,36
Тракторозаводский район города Волгограда	1172	20 917 961,48	5949,36
Итого	4703	82 756 218,26	

Примечание – составлено автором на основании данных, представленных на официальном сайте Комитета социальной защиты населения Волгоградской области [4].

Общая сумма субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в форме социального обслуживания на дому в Волгограде и Волжском составила 82 756 218,26 руб. на 4703 человека. Таким образом, средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц равен 5865,49 руб. (табл. 2).

Таблица 2

Средний размер субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в форме социального обслуживания на дому (г. Волгоград, г. Волжский) с 01.04.2024 по 30.06.2024

Средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц, руб.	Общая сумма субсидии, руб.	Количество получателей социальных услуг на территории предоставления социальных услуг, чел.
5865,49	82 756 218,26	4703

Примечание – составлено автором.

В таблице 3 представлены данные по территории предоставления услуг в городских округах и муниципальных районах Волгоградской области за исключением г. Волгоград и г. Волжский, а также количество получателей услуг, общая сумма субсидии и размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц.

Таблица 3

Субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в форме социального обслуживания на дому (городские округа и муниципальные районы Волгоградской области) с 01.04.2024 по 30.06.2024

Наименование территории предоставления социальных услуг	Количество получателей социальных услуг на территории предоставления социальных услуг, чел.	Размер субсидии, руб.	Размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц, руб.
Городской округ город Камышин и Камышинский муниципальный район Волгоградской области	850	16 382 393,98	6424,47
Городской округ город Фролово и Фроловский муниципальный район Волгоградской области	813	15 532 603,23	6368,43
Городской округ город Михайловка	863	16 957 063,77	6549,66
Городской округ город Урюпинск и Урюпинский муниципальный район Волгоградской области	892	17 681 849,57	6607,57
Серафимовичский муниципальный район Волгоградской области	745	15 373 678,58	6878,60
Среднеахтубинский муниципальный район Волгоградской области	730	14 187 022,33	6478,09
Кумылженский муниципальный район Волгоградской области	540	11 651 088,60	7192,03
Новоаннинский муниципальный район Волгоградской области	1070	21 899 778,20	6822,36
Еланский муниципальный район Волгоградской области	596	11 988 798,21	6705,14
Клетский муниципальный район Волгоградской области	400	8 497 913	7081,59
Котовский муниципальный район Волгоградской области	622	12 414 188,37	6652,83
Итого	8121	162 566 377,84	

Примечание – составлено автором на основании данных, представленных на официальном сайте Комитета социальной защиты населения Волгоградской области [4].

Общая сумма субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в форме социального обслуживания на дому в городских округах и муниципальных районах Волгоградской области, составила 162566377,84 руб. на 8121 человека. Средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц равен 6672,67 руб. (табл. 4). Таким образом, можно сделать вывод, что государственная поддержка в виде субсидии в городских округах и муниципальных районах Волгоградской области выше, чем в Волгограде и Волжском на 807,18 руб. на одного обслуженного получателя в месяц.

Таблица 4

Средний размер субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги гражданам пожилого возраста и инвалидам в форме социального обслуживания на дому (городские округа и муниципальные районы Волгоградской области) с 01.04.2024 по 30.06.2024

Средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц, руб.	Общая сумма субсидии, руб.	Количество получателей социальных услуг на территории предоставления социальных услуг, чел.
6672,67	162 566 377,84	8121

Примечание – составлено автором.

Некоммерческие организации, оказывающие социальные услуги в полустационарной форме социального обслуживания гражданам пожилого возраста и инвалидам в условиях дневного пребывания, также имеют право на получение субсидии из областного бюджета. В таблице 5 представлены данные по территории предоставления услуг в городских округах и муниципальных районах Волгоградской области, а также количество получателей услуг, общая сумма субсидии и размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц.

Таблица 5

Субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги в полустационарной форме социального обслуживания гражданам пожилого возраста и инвалидам в условиях дневного пребывания на территории Волгоградской области с 01.04.2024 по 31.12.2024

Наименование территории предоставления социальных услуг	Количество получателей социальных услуг на территории предоставления социальных услуг, чел.	Размер субсидии, руб.	Размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц, руб.
Городской округ город Волгоград	30	8 452 408,5	15652,61
Городской округ город Камышин и Камышинский муниципальный район Волгоградской области	60	4 481 174,25	16596,94

Примечание – составлено автором на основании данных, представленных на официальном сайте Комитета социальной защиты населения Волгоградской области [4].

Так, например, социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги гражданам пожилого возраста (мужчины старше 60 лет, женщины старше 55 лет) и инвалидам, страдающим когнитивными расстройствами, признанными нуждающимися в предоставлении социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания в условиях дневного пребывания в городских округах Волгоград, Камышин и Камышинском муниципальном районе Волгоградской области в период с 01.04.2024 г. по 31.12.2024 г., имеют право на получение субсидии в размере 8452408,5 руб. и 4481174,25 руб. соответственно. Средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц составляет 15967,39 руб. (табл. 6).

Таблица 6

Средний размер субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги в полустационарной форме социального обслуживания гражданам пожилого возраста и инвалидам в условиях дневного пребывания на территории Волгоградской области с 01.04.2024 по 31.12.2024

Средний размер субсидии на одного обслуженного получателя в месяц, руб.	Общая сумма субсидии, руб.	Количество получателей социальных услуг на территории предоставления социальных услуг, чел.
15967,39	12 933 582,75	90

Примечание – составлено автором.

Результаты. Целью социально ориентированных некоммерческих организаций является не получение прибыли, а принесение пользы окружающим, поэтому финансовая поддержка данных организаций является важным аспектом, позволяющим поставщикам услуг, повысить их качество и уровень удовлетворенности получателей.

Подводя итог, необходимо отметить, что из областного бюджета Волгоградской области в 2024 году на конкурсной основе будет оказана финансовая поддержка социально ориентированным некоммерческим организациям в частности, предоставляющим социальные услуги в полустационарной форме социального обслуживания гражданам пожилого возраста и инвалидам в условиях дневного пребывания, а также социального обслуживания на дому, в форме субсидирования на общую сумму 258 256 178, 85 руб.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Информация для социально ориентированных некоммерческих организаций: Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области URL: <https://to34.minjust.gov.ru/ru/pages/informaciya-dlya-socialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizacij/> (дата обращения 25.04.2024).

2. Постановление Администрации Волгоградской области от 13.12.2016 № 684-п. «Об утверждении Порядка определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, предоставляющим социальные услуги в форме социального обслуживания на дому» URL: <https://base.garant.ru/48517698/> (дата обращения 25.04.2024).

3. Постановление Правительства Волгоградской обл. от 05.03.2013 N 106-п (ред. от 02.03.2023) «О порядке определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность на территории Волгоградской области» URL: https://uprt.volgograd.ru/Порядок%20предоставления%20СО%20НКО%20субсидий_%20утв.%20Пост%20Прав%20ВО%20от%2005.03.2013%20№%20106-п.pdf (дата обращения 25.04.2024).

4. Реализация Федерального закона от 28.12.13 г. № 442-ФЗ / Конкурсы 2024 URL: <https://uszn.volgograd.ru/realizatsiya-federalnogo-zakona-ot-28-12-13g-442-fz/konkursy/2024/> (дата обращения 27.04.2024).

REFERENCES

1. Informacija dlja social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij: Upravlenie Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii po Volgogradskoj oblasti URL: <https://to34.minjust.gov.ru/ru/pages/informaciya-dlya-socialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizacij/> (data obrashhenija 25.04.2024).

2. Postanovlenie Administracii Volgogradskoj oblasti ot 13.12.2016 № 684-p. «Ob utverzhdenii Porjadka opredelenija ob#ema i predostavlenija subsidij social'no orientirovannym nekommercheskim organizacijam, predostavl'ajushhim social'nye uslugi v forme social'nogo obsluzhivani-ja na domu» URL: <https://base.garant.ru/48517698/> (data obrashhenija 25.04.2024).

3. Postanovlenie Pravitel'stva Volgogradskoj obl. ot 05.03.2013 N 106-p (red. ot 02.03.2023) «O porjadke opredelenija ob#ema i predostavlenija subsidij social'no orientirovannym nekommercheskim organizacijam, osushhestvl'ajushhim dejatel'nost' na territorii Volgogradskoj oblasti» URL: https://uprt.volgograd.ru/Porjadok%20predostavlenija%20SO%20NKO%20subsidij_%20utv.%20P ost%20Prav%20VO%20ot%2005.03.2013%20№%20106-p.pdf (data obrashhenija 25.04.2024).

4. Realizacija Federal'nogo zakona ot 28.12.13g. № 442-FZ / Konkursy 2024 URL: <https://uszn.volgograd.ru/realizatsiya-federalnogo-zakona-ot-28-12-13g-442-fz/konkursy/2024/> (da-ta obrashhenija 27.04.2024).

Информация об авторе

Инна Викторовна Самойленко, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, inna-v-s@yandex.ru, SPIN-код: 1142-5153, AuthorID: 625569

Information about the Author

Inna V. Samoilenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, st. Gagarina, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, inna-v-s@yandex.ru, SPIN code: 1142-5153, AuthorID: 625569

Для цитирования: Самойленко И. В. Субсидирование как форма финансовой поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на реализацию социально значимых проектов (программ) // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 69–78. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

ПРАВО

LAW

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

PUBLIC LAW

УДК 343.77(470+620)

ВОЗМЕЩЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И ЕГИПЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ

Анна Юрьевна Осетрова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах

Университет Эль Мансуры, г. Мансура, Египет

Ахмед Гамаль Мохамед Эльсаед Самаха

Университет Эль Мансуры, г. Мансура, Египет

Екатерина Владимировна Степанова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье проводится сравнительный анализ российской и египетской правовой практики возмещения экологического ущерба водным объектам.

Методы. В исследовании использовались методы диалектического и системного анализа оценки правового регулирования и защиты отношений при выявлении экологического вреда водным ресурсам, а также урегулировании вопросов его оценки и компенсации в России и Египте.

Анализ. В анализируемом материале выявлены типичные механизмы судебной практики при рассмотрении экологических споров в Египте и России, выявлены методики обоснованности исков, случаи определения наступления вреда и расчета размера компенсации; продемонстрированы причинно-следственные связи между противоправным поведением и наступившими негативными последствиями.

Результаты. Определена недостаточная регламентация в экологическом праве России и Египта нормативного регулирования возмещения вреда, полученного вследствие нега-

тивного влияния на водные объекты. Отмечается высокая значимость органов экологического правопорядка России и Египта для осуществления надзора, вместе с тем отмечается ограниченность их деятельности вопросами материального возмещение ущерба водным объектам. В Египте в отличие от России созданы организационно-правовые структуры, страховые фонды, деятельность которых направлена на финансирование восстановления водных объектов.

Ключевые слова: компенсация экологического ущерба, водное право России и Египта, правовой практики, страховые фонды.

UDC 343.77(470+620)

COMPENSATION FOR ENVIRONMENTAL DAMAGE CAUSED TO WATER BODIES: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND EGYPTIAN LEGAL PRACTICE

Anna Yu. Osetrova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassemBellah

Mansoura University, Mansoura, Egypt

Ahmed G. M. Elsayed Samaha

Mansoura University, Mansoura, Egypt

Ekaterina V. Stepanova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Abstract. Introduction. The article provides a comparative analysis of Russian and Egyptian legal practice of compensation for environmental damage to water bodies.

Methods. The study used methods of dialectical and systemic analysis to assess legal regulation and protection of relations in identifying environmental damage to water resources, as well as resolving issues of its assessment and compensation in Russia and Egypt.

Analysis. The analyzed material identifies typical mechanisms of judicial practice when considering environmental disputes in Egypt and Russia, identifies methods for validating claims, cases of determining the occurrence of harm and calculating the amount of compensation; demonstrated cause-and-effect relationships between unlawful behavior and the resulting negative consequences.

Results. Insufficient regulation in the environmental law of Russia and Egypt of the regulatory regulation of compensation for harm resulting from a negative impact on water bodies has been identified. The high importance of environmental law enforcement bodies of Russia and Egypt for supervision is noted, however, their activities are limited to issues of material compensation for damage to

water bodies. In Egypt, unlike Russia, organizational and legal structures and insurance funds have been created, the activities of which are aimed at financing the restoration of water bodies.

Keywords: compensation for environmental damage, water law in Russia and Egypt, legal practice, insurance funds.

Introduction

Disputes regarding compensation for environmental damage remain one of the most pressing and numerous categories of disputes in the field of environmental protection both in Russia and Egypt. According to the Egyptian Civil Code Article 163, any action that causes damage obligates the person who committed it to compensate the harm [1]. Liability does not occur unless the three elements are present: the fault which is considered crucial for the liability alongside the other two factors such as the damage itself and the causative connection. Liability for ecological cases in Egypt comes if the affected party is able to prove that the responsible party is liable for the damage cause deriving from its behavior whether intentional or due to negligence by practicing harmful to the environment behavior or by abstaining reporting the environmental damage which has occurred [10].

According to Egyptian norms of objective environmental liability, complete liability is to be founded on the damage occurred which does not bear the burden of proof. The liable party is unable to avoid responsibility if their activity caused the damage, regardless of whether it was lawful or not. This approach aims to protect the affected party and ensure their right to compensation when the fault cannot be proven. Some justify strict liability based on the theory of bearing consequences: since the party profiting from the activity must also bear any resulting damages, provided a causal link exists.

The Russian Federal Law No. 7-FZ “On Environmental Protection” as of January 10, 2002 stipulates that economic activities of legal entities and individuals making impact on the environment is conducted on the basis of availability against interest payments for the natural resources use and compensation for ecological damage. According to Article 14 of the Russian Law on Environmental Protection, environmental damage compensation is referred to as a method of economic regulation in the field of environmental protection. Article 69 of the Water Code of the Russian Federation presumes that individuals responsible for water bodies’ damage are to compensate it voluntarily or are obliged to do so by the court [9]. The obligation to compensate for the environmental damage is enshrined as follows: “legal entities and individuals who have caused harm to the environment as a result of its pollution, depletion, damage, destruction, irrational use of natural resources, degradation and destruction natural ecological systems, natural complexes and natural landscapes and other violations of legislation in the field of environmental protection, are obliged to compensate it in full in accordance with the law”.

Methods

The methodological basis of the study is dialectical and systematic approaches to the analysis and assessment of legal regulation and protection of relations in identifying environmental harm, as well as regulating issues of its assessment and compensation in Russia and Egypt. The results and conclusions are obtained on the basis of general and particular methods of scientific knowledge, including formal logical, comparative legal, systemic and structural, etc. Along with this, general scientific research methods are used: observation, generalization, comparison.

The regulatory framework of the study consists of: the Constitution of the Russian Federation, Russian federal legislation, Egyptian legislation regulating relations in the field of protection of water bodies and the environment and the use of natural resources. The analyzed sources of law include acts regulating relations in the areas of water pollution and other negative impacts on the environment and its components, as well as measurement and compensation of environmental damage.

Results

As it was stated, the primary goal of applying liability is to compensate for damages resulting from water body pollution. After reviewing attempts to adapt the rules of liability in the field of disputes resulting from damage caused to water bodies, whether the basis of that liability is traditional liability based on fault, or objective liability that based on damage, we must pay an attention to the issue of compensation for these damages.

In Egypt, the compensation parties include the plaintiff is the party harmed by the water pollution, while the defendant can be a private individual, company, or the state or its agencies. If the damage caused to water bodies and this damage affected the health of an individual by any way, only the affected person has the right to claim compensation. But if the damage is caused to the water environment itself, the state is the party concerned with claiming compensation.

According to the Egyptian practice, there are two compensation types which include in-kind compensation and cash compensation. In-kind compensation, restoring the situation to its pre-damage state, is the general principle for environmental damages, as monetary compensation is often inadequate and challenging to estimate accurately. Cash compensation is a precautionary measure when in-kind compensation is impossible. Article (171/2) of the Egyptian Civil Code stipulates: "Compensation shall be estimated in cash, but the judge may, depending on the circumstances and upon the request of the injured party, order that the situation be restored to what it was".

It is clear from this article that cash compensation is the general rule. The court may not resort to compensation in kind and refuse cash compensation except at the request of the injured party. Even if the injured party requests compensation in kind, the judge may order compensation in cash not in kind. Therefore, Compensation in kind is optional for the judge, according to his assessment of the circumstances of the case.

But the matter differs in the area of liability for environmental damages, including those caused to the water bodies, where the basis for compensation for such damage is compensation in kind and not cash compensation, meaning that the general principle is the judge's ruling to restore the situation to what it was before the environmental damage occurred. This is due to the difficulty of estimating environmental damage in monetary terms, as determining that damage accurately requires complex and different environmental policies and tools, and the interest of the affected person and the environment itself require repairing and treating the harmful effects on the environment [6].

Article 22 of the Egyptian Environmental Law No. 4 of 1994, amended by Law No. 9 of 2009, and explicitly stated that among the tasks assigned to the Egyptian Environmental Affairs Agency is to notify the owner of the establishment who has committed a violation to rectify it promptly. If he fails to comply within 60 days from the date of his tasking, the agency, after notifying the competent administrative authority, may suspend the violating activity until the effects of the violation are removed.

Compensation in kind is intended to restore the situation to what it was before the damage occurred, and not merely grant cash sums to the affected person, which may not be directed toward rehabilitating the environment. It should be noted that restoring the situation to what it was remains a difficult matter, especially in the field of the environment, as it requires complete knowledge of everything related to the polluted environment before pollution occurs, and this requires long and complex environmental studies [7, p. 327].

As for cash compensation, it is considered precautionary compensation, meaning that the judge resorts to it only when compensation in kind is not possible. And cash compensation aims to try to place the affected person in a position equivalent to what he was in before the damage occurred. In fact, the theory of cash compensation is not widely accepted in the field of compensation for environmental damages.

In Russia according to clause 1 of part 6 of article 60 of the Water Code of the Russian Federation, during the operation of the water management system, it is prohibited to discharge wastewater into water bodies that has not undergone sanitary treatment or neutralization (based on the inadmissibility of exceeding the standards for permissible impact on water bodies and standards for maximum permissible concentrations of harmful substances in water bodies or technological standards established in accordance with the Law on Environmental Protection. According to 4.1 of Article 68 of the Water Code of the Russian Federation, persons guilty of violating water legislation bear administrative and criminal liability in accordance with the legislation of the Russian Federation. Violation of requirements for water protection. objects, which may lead to their contamination, clogging and depletion, is punishable under Part 4 of Article 8.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

For example, in April 2021, the North Caucasus Interregional Directorate of Rospirodnadzor conducted a scheduled on-site inspection of compliance with legislative requirements in the field of environmental protection and natural resource management in relation to OAO "Makhachkalavodokanal" During the inspection, it was established that the defendant allowed the discharge of untreated wastewater into the Caspian Sea through the local sewerage system in the area of the village of Turali. The discharge of untreated wastewater is carried out constantly, has a cloudy color and a specific odor characteristic of household wastewater, the discharge of untreated wastewater is permanent. According to the expert opinion of the branch of the Federal State Budgetary Institution «TsLATI for the Southern Federal District» – TsLATI for the Republic of Dagestan» dated 04/06/2021 No. 26, based on the results of a quantitative chemical analysis of wastewater samples discharged into the Caspian Sea, an excess of the maximum permissible concentrations of pollutants for sea water bodies was revealed. According to the calculation made by the plaintiff, the amount of damage caused to the water body is 3,980,070 rubles. As a pre-trial settlement, the plaintiff sent a claim to the defendant, but it was not executed [3]. The court recovered the specified amount of damage caused to the water body (Caspian Sea).

Discussion

In Egyptian legal practice, there is possibility to compensate for the environmental damage caused to water bodies through insurance and private funds. With regard to Egyptian law, it is necessary to obtain a license from the competent administrative authorities in order to be able to practice the relevant activities with the Egyptian environmental law. It should be noted that the legislator in this law specified the conditions that must be followed to grant a license, but the necessity of

concluding an insurance contract against liability for damages that may occur as a result of these activities is not one of these conditions [7, p. 103-104].

However, it is appropriate to require the conclusion of a compulsory insurance contract as a condition for obtaining an administrative license, and to ensure the efficiency and effectiveness of insurance, premiums can be scheduled in accordance with the standards followed by each facility, aiming to achieve the maximum rate of environmental protection in Egypt. While Egyptian law requires administrative licenses for activities relevant to the environment, it does not mandate liability insurance for potential damages. Compulsory insurance could enhance compensation efficiency.

Compensation is also possible through private funds which can complement liability and insurance, intervening when responsible parties cannot be identified or lack the financial capacity for compensation. Egypt has established an Environmental Protection Fund to finance environmental protection projects, including confronting disasters and pollution of unknown sources.

The rules of liability to compensate for environmental damages, including those caused to water bodies, are insufficient and ineffective, due to the inability to know who is responsible, as it is often difficult to attribute the damage to the activities of a specific responsible party, or the inability to pay exorbitant amounts of compensation that exceed financial capacity, in addition to the necessity of treating these damages urgently. All of these reasons led to the necessity of establishing a special fund from which appropriate compensation for environmental damage can be obtained.

It is noted that compensation funds often intervene only in a complementary way to both liability and insurance. These funds also work to distribute risks among all those who participate in activities that could cause these risks [1].

In Egypt, the Environmental Protection Fund was established in accordance with Article 14 of the Egyptian Environmental Law No. 4 of 1994, amended by Law No. 105 of 2015, which stipulates that: "The Environmental Protection Fund established in the Environmental Affairs Agency with the aim of financing environmental activities, studies, and projects to support the state's efforts in the field of protecting the environment and natural resources and achieving sustainable development ..., Participating in financing environmental protection projects, in accordance with the environmental priorities approved by the Fund's Board of Directors" [2].

Article 1 of the Executive Regulation of the Environmental Law issued by Prime Minister's Decision No. 964 of 2015 stipulates that: "The Fund's resources shall be allocated to be spent for achieving its purposes, in particular:

1- Confronting environmental disasters. 5- Establishing and operating environmental monitoring networks. 6- Establishing and managing natural reserves with the aim of preserving natural wealth and resources. 7- Confronting pollution of unknown source. 10- Pollution control projects. 13- Other purposes aimed at protecting or developing the environment and approved by the Fund's Board of Directors" [8].

It is clear from these articles that the Environmental Protection Fund was established with the aim of financing projects aimed at protecting the environment from pollution, and it is not explicitly mentioned a compensation for those affected. However, this is implicitly understood through some provisions, the most important of which is confronting environmental disasters and confronting pollution of unknown sources.

In Russia, the calculation of the amount of compensation for damage to a water body is made in accordance with the Methodology for calculating the amount of damage caused to water

bodies due to violation of water legislation, approved by Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated April 13, 2009 No. 87 (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on May 25, 2009, registration number 13989). N. G. Zhavoronkova and G. V. Vypkhanova note that “existing rates and methods of compensation for harm require updating” [11].

When calculating the amount of damage caused to a water body, it is necessary to take into account the consequences expressed in the form of degradation of natural ecological systems, depletion of natural resources and other consequences. In this regard, and in order to correctly resolve issues that require special knowledge in the field of ecology, including when determining the amount of harm caused by an environmental offense, appropriate examinations should be carried out in the case with the involvement of specialists: ecologists, sanitary doctors, zoologists, ichthyologists, game experts, soil scientists, foresters and others. There are also many problems with environmental assessments. Firstly, they are very expensive; secondly, in our country there are very few organizations that conduct them. We agree with V. V. Erofeeva that the complexity of most assessment objects makes it difficult to finance the examination at the expense of public organizations [5].

It is necessary to resolve these problems by increasing the number of these organizations, provide the necessary funding from regional budgets, improve the qualifications of specialists and experts, popularize the protection of environmental rights of citizens and bring offenders to justice.

An important Russian government body that carries out environmental protection and, on whose initiative, compensation for damage to water bodies is also carried out, is the environmental prosecutor's office. For example, in 2020, the Blagoveshchensk City Court resolved a dispute regarding the claim of the Blagoveshchensk Interdistrict Environmental Prosecutor, acting in the interests of the Russian Federation and an indefinite number of persons, against Roszoloto LLC for compensation for damage caused to a water body. As a result of the inspection, it was established that Roszoloto LLC discharged wastewater into the river. Otradny, which is in its use, during the development of a placer gold deposit under a license, exceeding the standards for permissible impact on a water body for suspended substances. The content of suspended substances in a water body exceeding permissible limits had a negative impact on the water body and led to harm. The damage calculated by the plaintiff is 19,546,720 rubles. The court decided to recover from Roszoloto LLC in favor of the Russian Federation this damage caused to the water body by the Otradny stream, as well as a state duty in the amount of 60,000 rubles to the local budget [4].

Conclusion

Improving the quality of water bodies is possible by implementing measures to reduce the anthropogenic load on water bodies and their catchments, restoring water bodies and eliminating accumulated environmental damage, as well as measures to protect against groundwater pollution. The authors believe that the role of the environmental law enforcement agencies in Russia and Egypt as supervisory authorities is invaluable, but their work is mainly aimed at monetary compensation for damage caused to water bodies. There is a long overdue need to create an organizational and legal structure aimed at financing measures for the restoration of water bodies affected by pollution.

Claims for compensation for damage caused by pollution of water bodies owned the Russian Federation and Egypt, municipalities, and private property may be brought by authorized state authorities, local government bodies within the limits of their powers established by regulatory legal acts, individuals or legal entities, respectively.

In conclusion we would like to state that the resolution of environmental disputes related to damage to water bodies has some specific features in Russia and Egypt. Firstly, the main plaintiffs are government bodies e.g. Rosprirodnadzor as a representative of the interests of a public legal entity, as well as the environmental prosecutor's office in the interests of the countries and an indefinite number of their residents. Secondly, when considering an environmental dispute, the court first determines the validity of the claim, and if the representative of environmental law enforcement agencies substantiated the existence of such conditions as the occurrence of harm and its size, the illegality of the behavior of the harm-doer, the guilt of the harm-doer, and the cause-and-effect relationship between the unlawful behavior and the harmful consequences that have occurred, the court, as a rule, satisfies the claim. In Egypt, unlike Russia, organizational and legal structures and insurance funds have been created, the activities of which are aimed at financing the restoration of water bodies.

In order to calculate the amount of damage caused to a water body, a special methodology is applied which consists of calculating the amount of damage caused to water bodies as a result of violation of water legislation, including violation of the rules for operating water management systems, structures and devices, as well as accidents at enterprises, transport and other facilities associated with the discharge of harmful substances into a water body, including emergency spills of oil and other pollutant substances.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Al-Minyawi Y. M. F. *Civil Liability Arising from Environmental Pollution*, New University Publishing House, 2008, p. 443.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024), статья № 1.
3. Решение Арбитражного суда республики Дагестан от 28 декабря 2021 г. по делу № А15-5661/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/J6eSvXdvSG61> (дата обращения 05.04.2024).
4. Решение Благовещенского городского суда № 2-5287/2020 2-5287/2020~М-4314/2020 М-4314/2020 от 7 октября 2020 г. по делу № 2-5287/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s5D1vvRloErr/> (дата обращения 05.04.2024).
5. Ерофеева В. В. Проблемы правового регулирования экологической экспертизы // *Юридическая наука*. 2018. № 1. С. 130–135.
6. Hossam El-Din M. H., *Civil Liability for Climate Change Damage*, *Journal of Legal and Economic Research*, Faculty of Law, Mansoura University, Issue 83, March 2023, p. 288.
7. Qandil S. Al-Sayyid, *Mechanisms for Compensating Environmental Damage: A Study in Light of Legal Systems and International Agreements*, New University House, 2004, p. 32.
8. Regarding amending the executive regulations of the Environmental Law issued by Prime Minister's Decision No. 338 of 1995. Published in the Official Gazette, No. 16 bis (A) on April 19, 2015.
9. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения 05.04.2024).

10. Saad A. M. An Exploration of the Rules of Civil Liability in Environmental Pollution Disputes, Dar Al-Nahda Al-Arabiya, Cairo, 1st edition, 1994, p. 173.
11. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 52–67.

REFERENCES

1. Al-Minyawi Y.M.F. Civil Liability Arising from Environmental Pollution, New University Publishing House, 2008, p. 443.
2. Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob okhrane okruzhayushchey sredy» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2024), stat'ya № 1.
3. Reshenie Arbitrazhnogo suda respubliki Dagestan ot 28 dekabrya 2021 g. po delu № A15-5661/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/J6eSvXdvSG61> (data obrashcheniya 05.04.2024).
4. Reshenie Blagoveshchenskogo gorodskogo suda № 2-5287/2020 2-5287/2020~M-4314/2020 M-4314/2020 ot 7 oktyabrya 2020 g. po delu № 2-5287/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s5D1vvRloErr/> (data obrashcheniya 05.04.2024).
5. Erofeeva V. V. Problemy pravovogo regulirovaniya ekologicheskoy ekspertizy // Yuridicheskaya nauka. 2018. № 1. S. 130–135.
6. Hossam El-Din M. H., Civil Liability for Climate Change Damage, Journal of Legal and Economic Research, Faculty of Law, Mansoura University, Issue 83, March 2023, p. 288.
7. Qandil S. Al-Sayyid, Mechanisms for Compensating Environmental Damage: A Study in Light of Legal Systems and International Agreements, New University House, 2004, p. 32.
8. Regarding amending the executive regulations of the Environmental Law issued by Prime Minister's Decision No. 338 of 1995. Published in the Official Gazette, No. 16 bis (A) on April 19, 2015.
9. Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob okhrane okruzhayushchey sredy» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2024).
10. Saad A. M. An Exploration of the Rules of Civil Liability in Environmental Pollution Disputes, Dar Al-Nahda Al-Arabiya, Cairo, 1st edition, 1994, p. 173.
11. Zhavoronkova N. G., Vypkhanova G. V. Teoretiko-pravovye problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo okruzhayushchey srede // Lex Russica. 2018. № 3 (136). S. 52–67.

Информация об авторах

Анна Юрьевна Осетрова, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, chikildinaanna@yandex.ru, SPIN-код: 5654-5415

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах, PhD права, факультет политической экономики и экономического законодательства, Университет Мансура, Мансура, Египет, al_moatasseem@mans.edu.eg

Ахмед Гамаль Мохамед Эльсаед Самаха, ассистент преподавателя кафедры гражданского права юридического факультета Университета Мансура, Мансура, Египет.

Екатерина Владимировна Степанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, stepanova.volg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-0956>, SPIN-код: 3637-4696, Author ID: 579670, SPIN-код: 3637-4696, Author ID: 579670

Information about the Authors

Anna Yu. Osetrova, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, 8, Gagarin str., 400066 Volgograd, Russian Federation, chikildinaanna@yandex.ru, SPIN-код: 5654-5415

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassemBellah, PhD in Law, Department of Political Economy and Economic Legislation, Mansoura University, Mansoura, Egypt, al_moatassem@mans.edu.eg

Ahmed Gamal Mohamed Elsayed Samaha, Assistant Lecturer, Department of Civil Law, Faculty of Law, Mansoura University, Mansoura, Egypt

Ekaterina V. Stepanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, 8, Gagarin str., 400066 Volgograd, Russian Federation, stepanova.volg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-0956>, SPIN-код: 3637-4696, Author ID: 579670, SPIN-код: 3637-4696, Author ID: 579670

Для цитирования: Осетрова А. Ю., Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах, Ахмед Гамаль Мохамед Эльсаед Самаха, Степанова Е. В. Возмещение экологического ущерба водным объектам: сравнительный анализ российской и египетской правовой практики // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 80–89.

URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

Citation: Osetrova A. Yu., Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassemBellah, Ahmed Gamal Mohamed Elsayed Samaha, Stepanova E. V. Compensation for Environmental Damage Caused to Water Bodies: Comparative Analysis of Russian and Egyptian Legal Practice // Paradigms of Management, Economics and Law. 2024. № 2 (12). pp. 80–89. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

УДК 336.2

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ НЕНАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ: РЕФОРМА ОТКЛАДЫВАЕТСЯ?

Илья Вячеславович Куркин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. В условиях перманентного откладывания реформы правоотношений, складывающихся в процессе установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, системный анализ причин, способствующих указанному процессу, а также его последствий, представляется наиболее актуальным, в связи с чем настоящая работа посвящена именно этому вопросу.

Методы. Методологическая база статьи включает в себя совокупность таких методов общенаучного и специально-юридического характера, как диалектика, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, логики, а также специально-юридический метод.

Анализ. Посредством проведенного анализа ключевых этапов разработки вопроса реформирования отношений, складывающихся в процессе установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, обозначены ключевые причины, препятствующие реализации намеченных планов. В результате проведенного исследования выделены основные негативные последствия перманентного откладывания соответствующей реформы, а также установлена принципиальная целесообразность ее проведения при выполнении первоочередных государственных целей.

Результаты. Проведенное исследование позволило установить, что проблемы реформирования законодательства о публичных неналоговых платежах заключаются не столько в трудности определения их правовой природы, сколько в сложности поиска компромисса с интересами бизнес-сообщества, заинтересованного в снижении фискального бремени, а не в его увеличении. Кроме того, сдерживающим фактором в проведении соответствующей реформы выступают объективные обстоятельства необходимости решения первоочередных задач государственной важности.

Ключевые слова: администрирование, модель правового регулирования, параллельная налоговая система, параналогообложение, публичные неналоговые платежи, реформирование, фискальные обязательства.

UDC 336.2

SYSTEMATIZATION OF PUBLIC NON-TAX PAYMENTS: IS THE REFORM POSTPONED?

Иля V. Kurkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the context of the permanent postponement of the reform of legal relations emerging in the process of establishing, collecting and administering public non-tax payments, a systematic analysis of the causes contributing to this process, as well as its consequences, seems to be the most relevant, and therefore this work is devoted specifically to this issue.

Methods. The methodological base of the article includes a set of such methods of a general scientific and special legal nature as dialectics, methods of analysis, synthesis, induction and deduction, logic, as well as a special legal method.

Analysis. Through the analysis of the key stages in the development of the issue of reforming relations that develop in the process of establishing, collecting and administering public non-tax payments, the key reasons hindering the implementation of the planned plans are identified. As a result of the conducted research, the main negative consequences of the permanent postponement of the relevant reform are highlighted, and the fundamental expediency of its implementation in the fulfillment of priority state goals is established.

Results. The conducted research allowed us to establish that the problems of reforming legislation on public non-tax payments lie not so much in the difficulty of determining their legal nature, as in the difficulty of finding a compromise with the interests of the business community interested in reducing the fiscal burden, rather than increasing it. In addition, the objective circumstances of the need to address priority tasks of national importance act as a deterrent to the implementation of the relevant reform.

Keywords: administration, model of legal regulation, parallel tax system, para-taxation, public non-tax payments, reformation, fiscal obligations.

Введение. Законодательство любого современного государства отличается наличием системы взаимосвязанных нормативных правовых актов, обеспечивающих согласованное функционирование и правовое регулирование всех без исключения сфер общественных отношений. Применение универсальных подходов к систематизации законодательства обеспечивает целостность и устойчивость правовой системы, позволяя органам публичной власти осуществлять эффективное администрирование.

Вместе с тем, одной из ключевых проблем законодательного регулирования современной России остается крайне низкий уровень правовой регламентации общественных отношений, складывающихся в процессе установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, к которым в тексте настоящей научной работы предлагается относить все без исключения атипичные фискальные платежи, не включенные в Налоговый кодекс Российской Федерации, и регулируемые в связи с этим вне рамок налогового законодательства.

В этой связи рассмотрение хронологии разработки вопроса реформирования соответствующей сферы правового регулирования с целью выявления обстоятельств, препятствующих реализации такого рода законотворческих инициатив, является важной составляющей исследования концепции параналогообложения.

Методы. При проведении настоящей исследовательской работы были применены различные методы общенаучного и специально-юридического характера, среди которых следует отметить диалектический метод, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, логики, формально-юридический метод, позволившие раскрыть и обосновать сущность заявленной к исследованию проблематики, придать научному труду целостный и завершённый характер.

Анализ. Количество публичных неналоговых платежей в России в последнее время настолько возросло, что даже появился отдельный термин, описывающий совокупность платежей подобного рода, – «параллельная налоговая система», которым принято описывать любые платежи, регулируемые вне рамок налогового законодательства [6, с. 19-20].

Особую значимость формированию комплексного подхода при осуществлении правового регулирования публичных неналоговых платежей придает их относительно большое количество и повсеместность рассмотрения в самых разных сферах общественных отношений – от экологической до информационной [5]. На текущий момент насчитывается порядка 160 платежей подобного рода, при этом, по некоторым оценкам, совокупная нагрузка такого рода фискальных обязательств на бизнес достигает 1 трлн рублей, что свидетельствует о значительной роли указанного явления в системе публично-правовых отношений. Причем часть такого рода платежей, по своему содержанию близка налогам, другая часть – сборам [9].

Учитывая правовую природу соответствующих платежей, близкую налоговым, регулируемым посредством Налогового кодекса Российской Федерации, их количество и распространённость, вопрос о формировании единой законодательной базы, которая бы позволила придать системный характер правоприменению в указанной сфере общественных отношений, стоит достаточно остро и является одним из наиболее актуальных в законодательной повестке.

Еще большей актуальности указанному вопросу придает полисубъектный характер обложения указанными видами фискальных обязательств. Субъектами параналогообложения могут быть как физические лица, так и представители предпринимательского сообщества (юридические лица и индивидуальные предприниматели). Указанное придает соответствующему вопросу всеобъемлющий характер и общую заинтересованность.

Обозначенная Президентом Российской Федерации еще в декабре 2015 года проблема систематизации и администрирования фискальных платежей в последующем вылилась в разработку профильными ведомствами предложений, направленных на упорядочивание механизма правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений [8].

Сам факт отдельного освещения соответствующей проблемы в рамках президентского Послания является самостоятельным подтверждением актуальности и важности соответствующего вопроса, а также особого внимания государства к проблемам фискального законодательства.

После проведенной Торгово-промышленной палатой Российской Федерации инвентаризации неналоговых платежей Правительством Российской Федерации в 2017 году был утвержден новый План мероприятий по систематизации неналоговых платежей и формированию единого перечня неналоговых платежей, закреплению в законодательстве Российской Федерации единых правил установления, исчисления и взимания таких платежей, а также повышению эффективности их администрирования [10].

Указанный план, предполагавший принятие в 2017–2018 годах отдельного федерального закона о публичных неналоговых платежах несмотря на то, что до настоящего момента не пересмотрен, так и не был реализован.

Осенью 2018 года был разработан и вынесен на публичное обсуждение проект федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части включения отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации)». В налоговое законодательство предлагалось включить следующие пять платежей: экологический налог, утилизационный сбор, сбор за пользование автомобильными дорогами федерального значения, налог на операторов сети связи общего пользования, гостиничный сбор. Позднее планы были скорректированы: на первом этапе в Налоговый кодекс Российской Федерации предлагалось включить только три неналоговых платежа: утилизационный сбор, обязательные отчисления операторов сети связи общего пользования и курортный сбор, а также отдельные неналоговые платежи в качестве государственных пошлин.

Общественное обсуждение обновленного законопроекта должно было завершиться в марте 2020 года. Вместе с тем, в апреле 2020 года Минэкономразвития России было дано отрицательное заключение об оценке регулирующего воздействия предлагающегося к принятию федерального закона, в результате чего внесение соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации было отложено на неопределенный срок [3].

На тот момент основной причиной принятия указанного решения являлись обстоятельства, вызванные пандемией, оказавшей отрицательное влияние на предпринимательский климат и стабильность экономической системы. В таких условиях проведение реформы вполне справедливо было признано нецелесообразным.

Было принято решение о повторной проработке экономической и организационной целесообразности включения отдельных публичных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации совместно с предпринимательским сообществом с целью реализации политики всесторонней и многоуровневой поддержки субъектов малого и среднего бизнеса.

При этом само по себе снятие коронавирусных ограничений не привело к активизации процесса реформирования соответствующей сферы правового регулирования согласно предложенной ранее модели. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов не предусматривают включение публичных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации в части перевода туда неналоговых платежей. Указанное говорит лишь об одном – государство решило отложить реализацию соответствующей реформы до «лучших времен» [7].

Появление новых вызовов национальной безопасности Российской Федерации обусловило необходимость концентрирования государства на решении задач по ликвидации

имеющихся внешних угроз. Мобилизация экономики, но при этом уделение должного внимания реализации социальных мер поддержки в настоящее время являются приоритетными задачами государственной политики.

При указанных обстоятельствах решение иных задач, в том числе реформирование отношений, складывающихся в процессе установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, глобально отошло на второй план.

Вместе с тем, несмотря на значительные препятствия в проведении всеобъемлющей реформы соответствующей сферы правоотношений, характерными являются попытки государства по осуществлению точечного регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

Так, в мае 2024 года Комитетом Государственной Думы по бюджету и налогам были разработаны рекомендации, направленные на совершенствование налогового законодательства. Одним из высказанных предложений является дополнение Налогового кодекса Российской Федерации новой главой о туристическом налоге, правом на введение которого планируется наделить органы местного самоуправления. При этом из текста рекомендаций следует, что предлагаемый к введению платеж является «родственником» курортного сбора, регулируемого ныне посредством Федерального закона от 29.07.2017 № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры», и призван заменить его [2].

Будут ли приняты указанные в предыдущем абзаце поправки в налоговое законодательство, покажет время. Однако очевидно одно – вопрос включения в Налоговый кодекс Российской Федерации платежа подобного характера не раз был предметом обсуждения законодателя и представителей научного сообщества [4]. Указанное лишним раз подчеркивает важность для государства регулирования сферы туризма, а также свидетельствует о возможном изменении подхода в реформировании законодательства о публичных неналоговых платежах со всеобъемлющего на точечный.

В любом случае необходимо отметить, что возложение на представителей бизнес-сообщества в условиях беспрецедентного санкционного давления, а также непростой экономической ситуации дополнительного налогового бремени способно нанести существенный урон предпринимательской инициативе, повлиять на финансовую самостоятельность представителей бизнес-сообщества, в связи с чем любые реформы налогового законодательства должны проходить проверку на предмет экономической целесообразности их реализации.

Результаты. Подводя итог вышеизложенному, следует заключить, что в существующих реалиях политико-экономической ситуации в Российской Федерации реформирование общественных отношений, складывающихся в процессе установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, «здесь и сейчас» является нецелесообразным. На первый план в государственной политике регулирования публичных неналоговых платежей должна выйти цель облегчения финансового бремени лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, которые как никогда ранее нуждаются в государственной поддержке, в том числе в части предоставления указанным лицам всевозможных льгот по уплате публичных неналоговых платежей. Обратное способно привести не просто к дестабилизации фискальной системы государства, но и к существенной экономической стагнации. Только после решения первоочередных задач государственной политики в области национальной безопасности возможно полноценное возвращение к вопросу реформирования па-

раллельной налоговой системы. Указанной позиции придерживается также Григоров К. Н., особо отмечая наличие в настоящих реалиях существенных препятствий в проведении любых реформ налогового законодательства, способных привести к увеличению фискального бремени [1].

Вместе с тем проблемный характер систематизации соответствующей сферы правового регулирования не может объясняться исключительно внешними факторами в виде введения коронавирусных и санкционных ограничений, вызовов и угроз национальной безопасности. Приведенная хронология разработки вопроса реформирования общественных отношений, складывающихся в процессе установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, свидетельствует о том, что отложение его разрешения имеет длительный характер и было характерно задолго до возникновения указанных факторов, а именно с 2015 года. Из этого следует вывод о том, что причина в постоянном отложении соответствующей реформы лежит по большей части вне плоскости приведенных факторов, а связана, в первую очередь, с несогласием бизнеса с ее проведением в той форме, в которой предлагает государство. Указанное свидетельствует о сложности указанного вопроса и отсутствии единого мнения относительно способа систематизации публичных неналоговых платежей, что, в свою очередь, означает необходимость поиска компромисса по соответствующему вопросу, поскольку в реформировании законодательства о публичных неналоговых платежах заинтересованы как государство, так и бизнес-сообщество.

В то же время необходимо признать необходимость скорейшего возвращения к вопросу реформирования законодательства о публичных неналоговых платежах при возникновении соответствующей возможности. Правовая неопределенность в вопросе законодательного регулирования соответствующей сферы общественных отношений не только существенно осложняет возможность администрирования такого рода платежей, но и оказывает отрицательное влияние на предпринимательский климат.

Дальнейшее откладывание реформы законодательства о публичных неналоговых платежах осложняет возможность ее проведения в будущем по причине перманентного увеличения количества такого рода фискальных обязательств. Указанное, очевидно, осознается и самим государством, посчитавшим возможным осуществление точечного регулирования соответствующей сферы правоотношений. При этом одним из наиболее очевидных последствий хаотичного регулирования публичных неналоговых платежей является невозможность своевременного и адекватного реагирования на изменение экономических условий.

Указанное свидетельствует о сложности исследуемого вопроса и отсутствии единого мнения относительно способа систематизации публичных неналоговых платежей, что, в первую очередь, говорит о необходимости поиска компромисса между интересами государства и их плательщиков. Соответствующая проблематика требует отдельного осмысления в рамках разработки практико-ориентированных предложений по реформированию соответствующей сферы правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Григоров К. Н. К вопросу о подготовке новой редакции Налогового кодекса Российской Федерации в современных условиях // Финансовое право. 2023. № 10. С. 14-19.

2. Комитет по бюджету и налогам утвердил рекомендации по итогам парламентских слушаний, посвященных вопросам совершенствования налогового законодательства // Государственная Дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/59369/> (дата обращения 25.05.2024).

3. Миронова С. М., Куркин И. В. Современное правовое регулирование публичных неналоговых платежей в Российской Федерации // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2020. № 2. С. 203-210.

4. Миронова С. М. Курортный сбор или гостиничный сбор: перспективы изменения законодательства // *Финансовое право*. 2019. № 9. С. 27–32.

5. Миронова С. М. Экологические налоги и платежи в системе финансового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации // *Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция*. 2017. № 2. С. 49–55.

6. Налоговая реформа: ревизия «параллельной налоговой системы» / Торгово-промышленная палата Российской Федерации. М.: Издание Торгово-промышленной палаты РФ, 2015. 120 с.

7. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России) // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/ (дата обращения 06.05.2024).

8. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения 02.05.2024).

9. Сборное дело: в России предложили создать реестр неналоговых платежей // *Известия*. URL: <https://iz.ru/1614133/milana-gadzhieva/sbornoe-delo-v-rossii-predlozhili-sozdat-reestr-nenalogovykh-platezhei> (дата обращения 01.05.2024).

10. Штогрин С. И. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ проблем установления и классификации неналоговых платежей и платежей, имеющих признаки налогов» // *Бюллетень Счетной палаты*. 2019. № 9 (261). С. 55–108.

REFERENCES

1. Grigorov K. N. K voprosu o podgotovke novoy redaktsii Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v sovremennykh usloviyakh // *Finansovoye pravo*. 2023. № 10. S. 14–19. [in Russian].

2. Komitet po byudzhetu i nalogam utverdil rekomendacii po itogam parlamentskih slushanij, posvyashchennyh voprosam sovershenstvovaniya nalogovogo zakonodatel'stva // *Gosudarstvennaya Duma*. URL: <http://duma.gov.ru/news/59369/> (data obrashcheniya 25.05.2024). [in Russian].

3. Mironova S. M., Kurkin I. V. Sovremennoe pravovoe regulirovanie publichnyh nenalogovykh platezhej v Rossijskoj Federacii // *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava*. 2020. № 2. S. 203–210. [in Russian].

4. Mironova S. M. Kurortnyj sbor ili gostinichnyj sbor: perspektivy izmeneniya zakonodatel'stva // *Finansovoe pravo*. 2019. № 9. S. 27-32. [in Russian].

5. Mironova S. M. Ekologicheskie nalogi i platezhi v sisteme finansovogo obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Seriya: Yurisprudenciya. 2017. № 2. S. 49–55. [in Russian].

6. Nalogovaya reforma: reviziya «parallelnoy nalogovoy sistemy» / Torgovo-promyshlennaya palata Rossiyskoj Federatsii. M.: Izdaniye Torgovo-promyshlennoy palaty RF. 2015. 120 s. [in Russian].

7. Osnovnyye napravleniya byudzhethnoy. nalogovoy i tamozhenno-tarifnoy politiki na 2024 god i na planovyy period 2025 i 2026 godov (utv. Minfinom Rossii) // SPS Konsultant Plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/ (data obrashcheniya 06.05.2024). [in Russian].

8. Poslaniye Prezidenta Federalnomu Sobraniyu // Ofitsialnoye internet-predstavitelstvo Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (data obrashcheniya 02.05.2024). [in Russian]

9. Sbornoye delo: v Rossii predlozhili sozdat reyestr nenalogovykh platezhey // Izvestiya. URL: <https://iz.ru/1614133/milana-gadzhieva/sbornoe-delo-v-rossii-predlozhili-sozdat-reestr-nenalogovykh-platezhei> (data obrashcheniya 01.05.2024). [in Russian].

10. Shtogrin S.I. Otchet o rezultatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Analiz problem ustanovleniya i klassifikatsii nenalogovykh platezhey i platezhey. imeyushchikh priznaki nalogov» // *Byulleten Schetnoy palaty*. 2019. № 9 (261). S. 55–108. [in Russian].

Информация об авторе

Илья Вячеславович Куркин, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, пр-т Университетский, д. 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ilya_kurkin@rambler.ru, ORCID: 0009-0006-7571-1204

Information about the Author

Ilya V. Kurkin, Post-Graduate Student of Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University, Universitetskiy ave., 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ilya_kurkin@rambler.ru, ORCID: 0009-0006-7571-1204

Для цитирования: Куркин И. В. Систематизация публичных неналоговых платежей: реформа откладывается? // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2024. № 2 (12). С. 90–97. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

ЧАСТНОЕ ПРАВО

PRIVATE LAW

УДК 347.5

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2024): ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Елена Николаевна Агибалова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. 24 мая 2024 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС состоялась четвертая, ставшая уже традиционной, Международная научно-практическая конференция «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» (Медведевские чтения 2024). Мероприятие, организатором которого выступила кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и Нотариальной палаты Волгоградской области, было посвящено памяти Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) – цивилиста, специалиста в области деликтного права, известного и уважаемого в городе Волгограде педагога и правоведа. Общий научный интерес к проблематике правового регулирования обязательств из причинения вреда объединил обширный круг юридической общественности из различных городов России (Волгограда, Камышина, Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда, Ижевска, Рязани, Ставрополя, Севастополя, Екатеринбурга, Оренбурга, Томска, Тюмени, Челябинска и др.), а также из Китая, Египта, Казахстана и Узбекистана. В обзоре приводятся актуальные вопросы современного деликтного права, которые стали предметом обсуждения на конференции, основные проблемы правового регулирования деликтных обязательств в России и за рубежом.

Ключевые слова: деликтные обязательства, принцип генерального деликта, возмещение вреда, компенсация морального вреда, относительные права, вторичные потерпевшие, деликтная ответственность нотариуса.

UDC 347.5

TRENDS IN TORT LIABILITY LAW (MEDVEDEV READINGS 2024): REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

Elena N. Agibalova

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. On May 24, 2024 in Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА the fourth International Scientific and Practical Conference “Trends in Tort Liability Law” (Medvedev Readings 2024), which has already become traditional, was held. The conference was organized by the Department of Civil and Legal Disciplines of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА with information support of the Volgograd Regional Office of Russian Public Organizations “The Russian Bar Association” and the Notary Chamber of the Volgograd region, and was dedicated to the memory of Mikhail Fedorovich Medvedev (1925–2011), a civil lawyer, specialist in the field of tort law, well-known and respected professor and lawyer in Volgograd. A general research interest in the problems of legal regulation of harm liability united a large legal community from various cities of Russia (Volgograd, Kamyshin, Saratov, Moscow, St. Petersburg, Kazan, Kaliningrad, Izhevsk, Ryazan, Stavropol, Sevastopol, Yekaterinburg, Orenburg, Tomsk, Tyumen, Chelyabinsk, etc.), as well as from China, Egypt, Kazakhstan and Uzbekistan. The current review presents topical issues of modern tort law which were the subject of discussion at the conference, the main issues of legal regulation of tort liabilities in Russia and abroad.

Keywords: tort obligations; general tort principle; compensation for harm; compensation for moral damage; relative rights; secondary victims; a notary`s tort liability.

Введение. 24 мая 2024 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС состоялась четвертая, ставшая уже традиционной, Международная научно-практическая конференция «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» (Медведевские чтения 2024).

Мероприятие, организатором которого выступила кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и Нотариальной палаты Волгоградской области, было посвящено памяти Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) – цивилиста, специалиста в области деликтного права, известного и уважаемого в городе Волгограде педагога и правоведа.

Общий научный интерес к проблематике правового регулирования обязательств из причинения вреда объединил в этом году обширный круг юридической общественности из различных городов России (Волгограда, Камышина, Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда, Ижевска, Рязани, Ставрополя, Севастополя, Екатеринбурга, Оренбурга, Томска, Тюмени, Челябинска и др.), а также из Китая, Египта, Казахстана и Узбекистана.

За круглым столом собрались коллеги и ученики, которым довелось общаться с Михаилом Федоровичем Медведевым, учиться у него и работать с его научным наследием.

С приветственным словом к участникам конференции обратились заместитель директора Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС Вадим Валериевич Яковенко и декан юридического факультета Ольга Александровна Сергачева, а также председатель Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Олег Александрович Коробов и старший методист Нотариальной палаты Волгоградской области Ирина Александровна Митрофанова.

Добрым и душевным воспоминаниям о Михаиле Федоровиче посвятил свое выступление профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Петр Мартынович Филиппов. Он отметил педагогический талант этого ученого и наставника, его умение увлечь студентов на осуществление научной работы, а также личный вклад М. Ф. Медведева в становление цивилистического сообщества города Волгограда. Тематику этого выступления продолжил известный в городе Волгограде адвокат, председатель Сталинградской коллегии адвокатов Адвокатской палаты Волгоградской области Сергей Степанович Сагумянц. Он поделился своим опытом работы с М. Ф. Медведевым как Учителем с большой буквы, напомнил некоторые трагические эпизоды из его жизни как ветерана Великой Отечественной войны, о которых Михаил Федорович рассказывал своим ученикам.

Своей основной целью проводимая конференция имеет обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов Михаила Федоровича Медведева как профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.

Тема, заявленная для обсуждения на конференции, является актуальной. Обязательства вследствие причинения вреда являются одним из старейших видов обязательств в гражданском праве, со времен римского права они получили название деликтных (от латинского термина «*delictum*» – проступок, правонарушение). Деликтные обязательства относятся к числу наиболее сложных, что можно объяснить тем, что они обладают многочисленными особенностями в правовом регулировании по сравнению с договорными обязательствами. Этим объясняется и слабое развитие теории деликтного права в современной российской науке по сравнению с договорным правом. Как справедливо отметил В. А. Белов, «найти среди наших современных юристов чистого «деликтника» если не невозможно, то очень проблематично» [1, с. 20].

Круг случаев, в которых участники гражданского оборота могут столкнуться с причинением вреда, весьма широк: умаление наличного имущества потерпевшего, дорожно-транспортные происшествия, недобросовестная конкуренция, нарушения со стороны служащих государственных органов (судебные приставы-исполнители, регистраторы, органы опеки и попечительства, полицейские, сотрудники таможен, следователи и др.) и т.п. Поэтому споры, связанные с обязательствами, возникающими из причинения вреда, занимают значительное место среди споров, рассматриваемых судами. Вместе с тем в теории гражданского права далеко не все проблемы, связанные с возмещением вреда, получили должное теорети-

ческое осмысление, возникает множество вопросов, касающихся применения законодательства в этой области на практике.

Реформа гражданского законодательства пока затронула в основном только первую часть Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), практически оставив без внимания отдельные виды обязательств. В то же время именно во второй части ГК РФ сосредоточен основной массив норм, составляющих «кровеносную систему» рыночной экономики и обеспечивающих динамику гражданского оборота. Здесь же находятся положения об обязательствах вследствие причинения вреда – деликтных обязательствах (гл. 59 ГК РФ), призванные обеспечить эффективную защиту нарушенных гражданских прав [3, с. 22].

Деликтное право давно считается одним из действенных средств в системе правового компенсационно-восстановительного механизма. Его роль в мире после коронавируса усилилась. Новый импульс в условиях пандемии COVID-19 получили дискуссии, связанные с возможностью применения норм о крайней необходимости и критериев субъективной и объективной противоправности, значимых при взыскании возмещения причиненного вреда, с основанием взыскания чисто экономических убытков, с квалификацией пандемии как обстоятельства непреодолимой силы, а также с применением различных концепций причинной связи тогда, когда возникновение убытков, возмещения которых требует потерпевший, не является обычным последствием противоправного деяния правонарушителя. Отправной точкой широкой научной дискуссии в настоящее время становятся потребности современного медицинского права в определении категории «медицинский деликт», уточнении гражданско-правовой ответственности медицинских учреждений за нарушение прав пациентов. В цифровом обществе появился целый ряд новых деликтов, получивших название киберделиктов. Другие специальные деликты, обладающие общими системными признаками, все более отчетливо разветвляются в соответствии с особенностями причинения вреда, по субъектному составу, значимым последствиям имущественного и неимущественного характера [2, с. 41].

Деликтное право – это один из тех правовых институтов, которые очень плохо адаптируются к изменяющимся условиям [1, с. 20]. Вместе с тем следует констатировать необходимость модернизации системы специальных деликтов в новых условиях экономического и социального развития, цифровизации экономики и права [2, с. 38, 47]. Однако при этом необходимо избегать ситуаций, когда суды применяют нормы деликтного права без достаточно очевидных на то оснований [1, с. 11–12]. Важно, чтобы в результате нормативного закрепления специального деликта защита нарушенных прав и законных интересов в рамках деликтного обязательства стала более предсказуемой, это будет способствовать укреплению законности и стабильности оборота [3]. В этих случаях введение новых специальных деликтов будет обоснованным и закономерным [2, с. 46].

Становится очевидным, что вопросы, связанные с деликтными обязательствами, нуждаются в теоретическом исследовании, анализе действующего законодательства и практики его применения, что и предопределяет актуальность темы конференции и ее основную задачу – выявление тенденций развития деликтного законодательства и определение направлений совершенствования правового регулирования деликтных обязательств.

Дискуссия. Собственно научная дискуссия по проблемам современного деликтного права получилась увлекательной и злободневной. Доклады участников пленарного заседания конференции представляли большой научно-практический интерес.

Открыла теоретический дискурс профессор кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Тамара Викторовна Шепель с докладом «Российское деликтное право: состояние и пути развития». На основе анализа современного состояния отечественного деликтного права она сделала вывод о том, что этот институт не соответствует современному уровню развития общественных отношений. Во-первых, специальные деликты давно известны, но существует потребность в правовом регулировании новых специальных деликтов, в частности: а) цифрового деликта, б) причинения вреда беспилотными транспортными средствами, в) причинения вреда искусственным интеллектом и т.д. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев в российской практике убытки, возникшие не по причине причинения физического вреда жизни, здоровью или вещам, а вследствие поведения третьих лиц за пределами договора, а также убытки, причиненные другим относительным правам, остаются не возмещенными. Разделяя точку зрения О. В. Гутникова [3] о необходимости закрепления в гл. 59 ГК РФ еще одного специального деликта – возмещение убытков, причиненных относительным правам [8, с. 196], Тамара Викторовна Шепель соглашается с тем, что условия его применения должны быть более жесткими: 1) основанием ответственности за нарушение относительных прав должно признаваться правонарушение с полным составом, при этом: а) не должен действовать принцип генерального деликта, б) ответственность должна строиться только на началах вины, но должна действовать презумпция невиновности; 2) пределом ответственности должно выступать правило о недопустимости неосновательного обогащения потерпевшего; 3) необходимо закрепить правило о виде ответственности при множественности лиц на стороне нарушителя (солидарная или долевая); 4) необходимо предусмотреть основания уменьшения размера возмещаемых убытков, а также основания отказа в иске.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент Елена Николаевна Агибалова поделилась своим видением теоретических и практических вопросов деликтной ответственности за причинение вреда относительным правам. Она высказала мнение, что из буквального толкования ст. 1064 ГК РФ следует, что вред действительно может быть причинен и относительным правам. Однако в этом случае надо более подробно обосновывать, в чем состоит нарушение относительного права и как пострадала имущественная сфера потерпевшего. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что относительные права не подлежат защите, если причинитель вреда не мог предвидеть наличие таких прав, а также, если имеет место ослабленная причинно-следственная связь между нарушением и последствиями. Кроме того, теоретическим основанием возможности причинения вреда путем нарушения относительных прав является давно высказанная в литературе конструкция абсолютного действия относительных прав. Она основана на том, что любое право, вне зависимости от того, абсолютное оно или относительное, должно уважаться и соблюдаться всеми третьими лицами, которые обязаны воздерживаться от поведения, причиняющего вред признанным правам других лиц (принцип всеобщей защиты гражданских прав) [3, с. 28]. Вместе с тем назрела необ-

ходимость ревизии подхода В. К. Райхера к абсолютным и относительным правам, до сих пор господствующего в литературе [7]. Требуется пересмотра ранее сформировавшийся в цивилистике подход, согласно которому при нарушении относительных прав наступает договорная ответственность, а посягательство на абсолютные права или блага влечет деликтную ответственность причинителя вреда. Например, заслуживает внимания точка зрения А. А. Иванова о существовании относительных вещных и абсолютных обязательственных прав [4].

Особый интерес вызвал доклад профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, доктора юридических наук, доцента Сергея Константиновича Соломина «О реализации принципа генерального деликта», в котором он обозначил некоторые особенности реализации принципа генерального деликта через соотношение двух правовых институтов – института возмещения вреда и института компенсации морального вреда и определил один из пределов действия принципа генерального деликта. По его мнению, данные правовые институты по отношению друг к другу являются самостоятельными. Их формирование в правовой надстройке обусловлено характером соответствующих отношений. Специфика этих отношений воспринимается за счет объективизации институциональных принципов, пронизывающих нормы, образующие содержание данных правовых институтов. Так, если институт возмещения вреда покоится на принципе полного возмещения причиненного вреда, то институт компенсации морального вреда основан на принципе сглаживания причиненных нравственных и физических страданий. Любая попытка завести правовой механизм компенсации морального вреда под крышу «деликтного обязательства» является несостоятельной, что, тем не менее, не исключает связи между данными правовыми институтами. Эту связь учитывал и законодатель, когда в структуру гл. 59 ГК РФ помещал § 4 под названием «Компенсация морального вреда». Законодатель исходил из того, что при причинении вреда личности гражданина всегда имеет место и посягательство на то или иное его нематериальное благо. Важно понимать, что обязательство по компенсации морального вреда представляет собой отдельный (самостоятельный) вид охранительного обязательства, наряду с деликтным обязательством, а значит и применение общих положений о возмещении вреда (§ 1 гл. 59 ГК РФ) к отношениям по компенсации морального вреда возможно только в субсидиарном порядке и лишь в тех случаях, когда в основе возникновения права на обращение в суд с требованием компенсации морального вреда лежит тот поведенческий акт, который стал причиной возникновения деликтного обязательства. Правоприменительная практика не учитывает отличительные особенности института возмещения вреда и института компенсации морального вреда, а также существо отношений, подпадающих под действие их норм. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» правила о деликтах (без каких-либо поправок на их применение в субсидиарном порядке) как калька накладываются на отношения по компенсации морального вреда. Прежде чем руководствоваться правилами о деликтах при разрешении вопросов, связанных с компенсацией морального вреда, заключил Сергей Константинович Соломин, правоприменителю следовало бы сначала установить пределы их применения к обозначенной сфере отношений.

В развитие проблематики компенсации морального вреда доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат

юридических наук, доцент Елена Васильевна Брянская в своем докладе предложила обратить внимание на извинение как форму нейтрализации морального вреда.

Глубоким и основательным было выступление доцента кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидата юридических наук Максима Владимировича Кратенко на тему «Вторичные потерпевшие (*secondary victims*) в спорах о возмещении вреда здоровью: подходы в российском и зарубежном праве». Он обратил внимание на то, что при причинении вреда здоровью в качестве потерпевшего традиционно рассматривается лишь сам пострадавший [5, с. 796]. Именно его закон наделяет правом на возмещение утраченного дохода, дополнительных расходов на лечение и питание, посторонний уход. Вместе с тем на практике многие родители детей, пострадавших вследствие медицинских и иных травм, вместо обращения за профессиональными услугами к третьим лицам (сиделкам, психологам), сами ежедневно осуществляют необходимый ребенку уход и реабилитацию, после чего обращаются с иском о возмещении утраченного заработка. В докладе были проанализированы подходы российских и зарубежных судов к разрешению подобных споров, а также примеры прямого законодательного регулирования вопросов, связанных с оплатой безвозмездной помощи, оказываемой пострадавшему его близкими (*gratuitous care*), или возмещением указанным лицам неполученного дохода [9, 10, 11]. Сделан вывод о том, что родитель пострадавшего ребенка при определенных условиях вправе требовать от делинквента возмещения утраченного заработка, либо стоимости осуществляемого ухода как вторичный потерпевший.

Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент Ольга Викторовна Колесниченко представила доклад на тему «Концепция возместимости вреда здоровью в физическом значении, или как отказаться от формулы «не оценить, нельзя возместить» в отечественной цивилистике?», посвященный поиску критериев для определения объема возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья гражданина. В нем утверждалось, что в качестве такого критерия надлежит принимать представление об интересе субъекта в сохранении и поддержании здоровья как базовом материальном условии для достижения личного и социального благополучия. Обосновывалось, что объем возмещения вреда здоровью должен отражать динамический и статистический аспекты снижения качества жизни потерпевшего [6].

Старший преподаватель кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя Екатерина Александровна Мотина затронула в своем выступлении отдельные вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан вследствие вакцинации. Установлено, что возмещение вреда, причиненного здоровью гражданина вследствие вакцинации имеет свою специфику. Не все осложнения после иммунизации могут быть основанием иска о возмещении вреда здоровью. Ими могут быть лишь тяжелые и (или) стойкие нарушения состояния здоровья, возникшие в постпрививочном периоде. Кроме того, когда побочное проявление после иммунизации ожидаемо и соотносится с данными официальной статистики, вопрос о возмещении вреда должен рассматриваться с позиции признания вакцины источником повышенной опасности, с учетом отсутствия влияния на развитие побочных реакций каких-либо иных факторов.

Проблемам деликтной ответственности в области нотариальной деятельности посвятили свои выступления нотариус Пушкинского нотариального округа Московской области, член Комиссии по повышению квалификации нотариусов и помощников нотариусов Московской области Московской областной Нотариальной Палаты Светлана Владимировна Тарновская с докладом «Пределы деликтной ответственности нотариуса на примере исполнительных надписей» и нотариус Камышинского района Волгоградской области Светлана Васильевна Артамонникова с докладом «Транспарентность в сделках с участием несовершеннолетних: роль и пределы ответственности нотариуса в таких сделках».

Актуальным для жителей Волгоградской области, впечатляющим и насыщенным статистическими данными и практическими примерами стало выступление консультанта отдела организации назначения и осуществления страховых выплат Управления организации страхования профессиональных рисков Отделения Социального фонда Российской Федерации по Волгоградской области Татьяны Алексеевны Лапинской на тему «Актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного смертью кормильца». Докладчик также уделил внимание вопросам, касающимся понятия и видов вреда, причиняемого работнику в процессе трудовой деятельности, способов защиты прав работника, которому был причинен вред в процессе трудовой деятельности, специфики возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью работника, в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Тематику социально-правового механизма возмещения вреда продолжила профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор Марина Юрьевна Федорова в докладе «Индексация денежных выплат в рамках социально-правового механизма возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью».

Ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС Иван Игоревич Коверченко рассмотрел порядок расчета компенсации как меры ответственности за нарушение исключительных прав. Основное внимание было уделено развитию положений законодательства в сфере применения и расчета компенсации, а также перспективам ее изменения, предложенным в рамках законопроекта № 348960-8 от 28 апреля 2023 г. Дополнительно поднимался вопрос об эффективности применения указанных положений в рамках правонарушений, совершаемых посредством цифровых платформ.

Ученые Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент Анна Юрьевна Осетрова и доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук Екатерина Владимировна Стапанова и египетские коллеги юридического факультета Университета Мансура доцент кафедры политической экономики и экономического права, доктор наук (право) Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах и ассистент преподавателя кафедры гражданского права Ахмед Гамаль Мохамед Эльсаед Самаха представили на конференции коллективное исследование на тему «Особенности разрешения экологических споров, связанных с причинением вреда водным объектам: сравнительный анализ законодательства Египта и России». Исследователи акцентируют внимание на том, что и в Египте, и в России законодательно определен особый механизм разрешения

экологических споров, связанных с причинением вреда водным объектам. Вместе с тем правовой механизм разрешения соответствующих экологических споров в данных странах отличается субъектами, иницирующими административные и судебные процедуры, и методикой определения размера ущерба водным объектам.

Участник из Казахстана старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Таразского регионального университета имени М. Х. Дулати, магистр права Светлана Сергеевна Суркова изложила правовые аспекты регулирования деятельности в сфере медицинских услуг в Республике Казахстан, в частности рассмотрела ответственность за вред, причиненный пациентам медицинских учреждений физическими и юридическими лицами, оказывающими медицинские услуги в Казахстане.

Профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор Мадина Таукеновна Аширбекова с использованием богатого эмпирического материала осветила неоднозначные вопросы возмещения вреда, причиненного лицу в ходе производства по уголовному делу. Профессор поблагодарила организаторов мероприятия за редкую возможность обсудить проблематику правового регулирования деликтных отношений не только в области гражданского права, но и в ином, в том числе межотраслевом, аспектах правоповедения, а также отметила, что настоящее мероприятие является своеобразным нерукотворным памятником Михаилу Федоровичу Медведеву, который возвели ему его ученики.

В докладах других участников также были затронуты многие актуальные вопросы, касающиеся правового регулирования как общих положений о деликтных обязательствах, так и специальных деликтов в отечественном и зарубежном законодательстве.

Модераторами пленарного заседания конференции выступили доценты кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент Елена Николаевна Агибалова и кандидат юридических наук, доцент Игорь Борисович Иловайский.

В рамках конференции работала самостоятельная секция – студенческая творческая мастерская, активное участие в которой приняли аспиранты, магистранты и студенты Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС и других высших учебных заведений города Волгограда и других городов России, а также Республики Казахстан.

Спикеры на секции обсуждали ряд конкретных вопросов в области деликтной ответственности, среди которых:

- возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работника, в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;
- соотношение понятий вины в 25 и 59 главах Гражданского кодекса Российской Федерации;
- правовые последствия врачебной (медицинской) ошибки и способы защиты прав пациентов;
- возмещение вреда, причиненного действиями органов публичной власти;
- соотношение норм о деликтной ответственности с нормами о неосновательном обогащении;
- деликтная ответственность в современной Италии;

- защита права на свет и права на вид в контексте деликтных обязательств;
- конкуренция иска о взыскании договорных убытков и иска о привлечении к деликтной ответственности;
- конкуренция между возмещением вреда и компенсацией за нарушение исключительных прав;
- определение размера компенсации морального вреда: проблемы и пути решения;
- модель деликтной ответственности в российском праве;
- деликтные обязательства в пользовательском соглашении;
- судебная практика о способах возмещения причиненного вреда в натуре: предоставление вещи того же рода и качества или исправление поврежденной вещи.

По итогам работы студенческой творческой мастерской участницы с лучшими докладами были награждены дипломами I, II и III степени.

Характеризуя работу студенческой творческой мастерской, модератор секции аспирант 1 курса юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС Владислав Алексеевич Талаев указал на высокий уровень подготовки всех докладов, которые прозвучали на этом мероприятии. Такой факт, по его мнению, подтверждает способность молодых участников конференции к творческому мышлению, глубокому анализу правовых норм и их умение делать взвешенные и осознанные выводы, а также значительный методический вклад в эти исследования их научных руководителей.

Заключение. В процессе работы дискуссионной площадки конференции ее участники обсудили современное состояние моделей деликтной ответственности, преимущества и недостатки российской модели деликтного обязательства, рассмотрели проблемы компенсации морального вреда, деликтной ответственности за причинение вреда (убытков) относительным правам, возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, деликтной ответственности нотариуса, экологических деликтов и многое другое.

В ходе конференции были выявлены тенденции развития деликтного законодательства в России и за рубежом и определены направления совершенствования правового регулирования деликтных обязательств по состоянию на 2024 год.

По результатам прошедшего мероприятия будет издан сборник научных статей участников, проиндексированный в РИНЦ.

Проведение Международной научно-практической конференции «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» обусловлено веянием времени и необходимостью решения актуальных вопросов современного деликтного права в новых условиях экономического и социального развития, цифровизации экономики и права.

На сегодняшний день данная конференция, организуемая на базе Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, является единственной ежегодной специализированной площадкой, которая объединяет специалистов в области деликтного права, востребованной у научных и педагогических работников, докторантов, аспирантов и магистрантов образовательных организаций, судей, нотариусов, адвокатов, работников правозащитных организаций, сотрудников правоохранительных органов, иных лиц, интересующихся проблемами обязательств вследствие причинения вреда.

Приглашаем заинтересованных лиц к участию в этом ежегодном научно-практическом мероприятии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белов В. А. Найти среди наших современных юристов чистого «деликтника» если не невозможно, то очень проблематично // Закон. 2020. № 3. С. 8–22.
2. Губаева А. К. Деликтное право России: современные вызовы и перспективы развития // Закон. 2020. № 3. С. 38–48.
3. Гутников О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.
4. Иванов А. А. Много оттенков серого: абсолютные и относительные права (цифровая практика и немного теории) // Закон. 2019. № 5. С. 103–109.
5. Иоффе О. С. Избранные труды. В 4-х томах. Т. III. Обязательственное право. Санкт-Петербург, 2004. 837 с.
6. Колесниченко О. В. Определение объема возмещения вреда здоровью в значении физического «вреда влияния»: правовые и доктринальные предпосылки // Законодательство. 2023. № 9. С. 7–14.
7. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144–204.
8. Шепель Т. В. Переосмысление назначения института обязательств из причинения вреда в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 188–200.
9. Chartier Y. La reparation du prejudice dans la responsabilite civile. Paris. 1983. 1050 p. (In French).
10. Markesinis B., Coester M., Alpa G., Ullstein A. Compensation for Personal Injury in English, German and Italian Law. UK, Cambridge University Press. 2005, 235 p. (In Engl.).
11. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law (DCFR). Full ed. Ed. By Christian von Bar, Eric Clive. Oxford University Press, 2010. 4795 p. (In Engl.).

REFERENCES

1. Belov V. A. Najti sredi nashih sovremennyh yuristov chistogo «deliktника» esli ne nevozmozhno, to ochen' problematichno // Zakon. 2020. № 3. S. 8–22.
2. Gubaeva A. K. Deliktное право Rossii: sovremennye vyzovy i perspektivy razvitiya // Zakon. 2020. № 3. S. 38–48.
3. Gutnikov O. V. Deliktная otvetstvennost' za narushenie otnositel'nyh prav: perspektivy razvitiya v rossijskom prave // Zakon. 2017. № 1. S. 22–37.
4. Ivanov A. A. Mnogo ottenkov serogo: absolyutnye i otnositel'nye prava (cifrovaya praktika i nemnogo teorii) // Zakon. 2019. № 5. S. 103–109.
5. Ioffe O. S. Izbrannye trudy. V 4-h tomah. T. III. Obyazatel'stvennoe pravo. Sankt-Peterburg, 2004. 837 s.
6. Kolesnichenko O. V. Opredelenie ob"ema vozmeshcheniya vreda zdorov'yu v znachenii fizicheskogo «vreda vliyaniya»: pravovye i doktrinal'nye predposylki // Zakonodatel'stvo. 2023. № 9. S. 7–14.

7. Rajher V. K. Absolyutnye i otnositel'nye prava (k probleme deleniya hozyajstvennyh prav). V osobennosti primenitel'no k sovetskomu pravu // Vestnik grazhdanskogo prava. 2007. № 2. S. 144–204.
8. Shepel' T. V. Pereosmyslenie naznacheniya instituta obyazatel'stv iz prichineniya vreda v sovremennyh usloviyah // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2021. № 42. S. 188–200.
9. Chartier Y. La reparation du prejudice dans la responsabilite civile. Paris. 1983. 1050 p. (In French).
10. Markesinis B., Coester M., Alpa G., Ullstein A. Compensation for Personal Injury in English, German and Italian Law. UK, Cambridge University Press. 2005, 235 p. (In Engl.).
11. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law (DCFR). Full ed. Ed. By Christian von Bar, Eric Clive. Oxford University Press, 2010. 4795 p. (In Engl.).

Информация об авторе

Елена Николаевна Агибалова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. им. Гагарина, д. 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, agibalova-en@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3920-3561>, SPIN-код: 7872-2883, AuthorID: 552380

Information about the Author

Elena N. Agibalova, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8, Gagarin Str., 400066 Volgograd, Russia, agibalova-en@ranepa.ru, ORCID: 0000-0003-3920-3561

Для цитирования: Агибалова Е. Н. Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2024): обзор Международной научно-практической конференции // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 98–109. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf

Сетевое издание

**ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

№ 2(12) 2024

Дата выхода в свет:

14 июня 2024 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10